

The 1st International Conference of the HK Eurasia Research Project

**Eurasianness and National Identities
in the Post-Soviet Era**

PROCEEDING

DATE

June 18-19, 2009

VENUE

Hanyang University, Seoul, Korea

Hosted by

**Asia-Pacific Research Center,
Hanyang University**

Sponsored by

Korea Research Foundation

Program

June 18, 2009 [Thursday]	
10:00-10:30	Opening Ceremony <ul style="list-style-type: none"> ▶ Opening Address Eom, Gu Ho (Director, Asia-Pacific Research Center) ▶ Congratulatory Speech Kim, Chong Yang (President, Hanyang University)
10:30-13:00	Session I Concepts and Issues of Eurasianness <ul style="list-style-type: none"> ▶ Chair Lee, Sung-Chull (Dean, GSIS, Hanyang University) ▶ Papers <ul style="list-style-type: none"> ■ Suny, Ronald G. (Professor, University of Chicago) <i>"The Contradictions of Identity: The Legacies of Being Soviet and National in the USSR and Post-Soviet Eurasia"</i> ■ Matsuzato, Kimitaka (Professor, Slavic Research Center, Hokkaido Univ.) <i>"Cultural Geopolitics and New Border Region of Eurasia"</i> ■ Kim, Seongjin (Professor, Duksung Women's University) <i>"Eurasian Studies: A Critical Review"</i> ▶ Discussants: <ul style="list-style-type: none"> ■ Kim, Tae-Hwan (Director, Policy & Research Dept., Korea Foundation) ■ Kim, Younkyyoo (Professor, Hanyang University) ■ Ko, Jae Nam (Professor, Institute of Foreign Affairs and National Security)
13:00-14:30	Luncheon
14:30-17:00	Session II Critical Interpretations of Eurasianism <ul style="list-style-type: none"> ▶ Chair Eom, Gu Ho (Director, Asia-Pacific Research Center) ▶ Papers <ul style="list-style-type: none"> ■ Ivashentsov, Gleb (Ambassador, Embassy of Russian Federation to Republic of Korea) <i>"The Concept of Russian Policy toward the Eurasian Region"</i> ■ Gryakalov, Alexey (Professor, Gerzen State University) <i>"Eurasianism as a Phenomenon and Strategies of Identification: Post-Soviet Experiences"</i> ■ Shin, Beom-Shik (Professor, Seoul National University) <i>"Resurgence of Eurasianism and the Future of Eurasia: A View from the East"</i> ■ Dugin, Aleksandr (Professor, Moscow State University) <i>"Eurasia as a New Geopolitical Concept of Postmodern" - paper only</i>

■ **Titarenko, Mikhail** (Director, IFES, Russian Academy of Sciences)
"Eurasianism: A Paradigm for Coexistence and Flourishing Diversity of Cultures and Civilizations" - paper only

► Discussants:

- **Kim, Woo Seung** (Professor, Pai Chai University)
- **Park, Hye Kyung** (Professor, Hallym University)
- **Bordyugov, Gennadij** (Professor, Moscow State University)

June 19, 2009 (Friday)

13:30-16:00

Session III

Sub-regional Identities in Eurasia

► Chair

■ **Park, Soo-Heon** (President, Korean Association of Slavic Studies)

► Papers

■ **Arutyunov, Sergey** (Chairman, Dept. of Caucasian Studies, Institute of Ethnology and Anthropology)

"A Concentric Understanding of Eurasia through the Concept of 'Heartland-Rimland': the Caucasus as an Intermediate Region between Center and Periphery"

■ **Sultanov, Bulat Klychbayevich** (Director, The Kazakhstan Institute for Strategic Studies)

"Eurasianess and the Kazakhstan's Model of Inter-ethnic Harmony"

■ **Hahn, Jeong-Sook** (Professor, Seoul National University)

"The Cyril and Methodius Brotherhood and Discourses of the Modern Ukrainian Nationalism in Its Beginning Phase"

► Discussants:

- **Park, Sang Nam** (Professor, Hanshin University)
- **Son, Young Hoon** (Professor, Hankuk University of Foreign Studies)
- **Hong, Sogu** (Professor, Hankuk University of Foreign Studies)

16:00-17:00

Session IV

Roundtable : Prospects of Eurasian Studies

► Chair

■ **Eom, Gu Ho** (Director, Asia-Pacific Research Center)

► Discussants:

- All participants
- **Research Professors, the HK Eurasia Research Project**

17:00-17:30

Closing Ceremony

18:30-20:30

Dinner

Contents

Session I : Concepts and Issues of Eurasianness

- The Contradictions of Identity: The Legacies of Being Soviet and National in the USSR and Post-Soviet Eurasia / Ronald Grigor Suny / 7
- Cultural Geopolitics and New Border Region of Eurasia / Kimitaka Matsuzato / 27
- Eurasian Studies : A Critical Review / Kim, Seongjin / 55

Session II : Critical Interpretations of Eurasianism

- The Concept of Russian Policy toward the Eurasian Region / Gleb Ivashentsov / 71
- Eurasianism as a Phenomenon and Strategies of Identification: Post-Soviet Experiences / Alexey Gryakalov / 81
- Resurgence of Eurasianism and the Future of Eurasia : A View from the East / Shin, Beom-Shik / 97
- Eurasia as a New Geopolitical Concept of Post Modern / Aleksandr Dugin / 121
- Eurasianism : A Paradigm for Coexistence and Flourishing Diversity of Cultures and Civilizations / Mikhail Titarenko / 149

Session III : Sub-regional Identities in Eurasia

- A Concentric Understanding of Eurasia through the Concept of ‘Heartland-Rimland’: the Caucasus as an Intermediate Region between Center and Periphery / Sergey Arutyunov / 161
- Eurasianness and the Kazakhstan’s Model of Inter-ethnic Harmony / Bulat Klychbayevich Sultanov / 171
- The Cyril and Methodius Brotherhood and Discourses of the Modern Ukrainian Nationalism in Its Beginning Phase / Hahn, Jeong-Sook / 179

Session I : Concepts and Issues of Eurasianness

**The Contradictions of Identity:
The Legacies of Being Soviet and National in the USSR and Post-Soviet Eurasia**

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Ronald Grigor Suny

Charles Tilly Collegiate Professor of Soviet and Political History,
The University of Michigan

Professor Emeritus of Political Science and History,
The University of Chicago

rgsuny@umich.edu, rgsuny@uchicago.edu

The Contradictions of Identity: The Legacies of Being Soviet and National in the USSR and Post-Soviet Eurasia

ABSTRACT

Nations should be considered as much “affective communities” as imagined communities,” and the development of nations in the Soviet Union was a project of created emotional ties both to ones one ethnic nation and to the USSR as a whole. The tensions and contradictions between Soviet identity and ethnonational identity were experienced for much of the seventy years of Soviet power and have come down to the post-Soviet nation-states as they pull in one direction toward exclusivist ethnic nationalism and in another to integration into the larger globalized world.

I begin with the proposition that nations are as much “affective communities” as they are “imagined communities,” and that national identification is not only with people with whom one has common interests but with whom one feels a special bond, a tie of some kind of “kinship” and affection distinct from the feelings one has toward those of other nations. Beyond the actual or fictive kinship of ethnic groups, nations are grounded in imaginative relations of various kinds – common origins and ancestors, common history and destiny, blood or culture, belief in the spiritual unity of a people or commitment to shared political principles that constitute a powerful cultural synthesis. The signs of commonality are also varied, selective, shifting, and often contested: language, religion, somatic features, foods, fashions, patterns of child raising, appropriate expression of emotion, etc.

Among the most suggestive insights of Benedict Anderson’s seminal work, *Imagined Communities*, comes in the chapter “Patriotism and Racism,” in which the author warns that “it is doubtful whether either social change or transformed consciousnesses, in themselves, do much to explain the *attachment* that peoples feel for the inventions of their imaginations – or, to revive a question raised at the beginning of this text – why people are ready to die for these inventions.”¹ He goes on to suggest that “progressive, cosmopolitan intellectuals” (here he appears to mean primarily European Marxists) should move beyond insisting “on the near-pathological character of nationalism, its roots in fear and hatred of the Other, and its affinities with racism” and remember “that nations

¹ Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. (London-New York: Verso, 1991), p. 141.

inspire love, and often profoundly self-sacrificing love.”² Positioned at the opposite end of political science from those who attempt to reduce the nation to rational calculation, Anderson insists on its affective connections. Political love, he notes, is expressed “in the vocabulary of kinship (motherland, *Vaterland*, *patria*) or that of home (*heimat* or *tanah air* [earth and water, the phrase for the Indonesians’ native archipelago]).”³ And it gains its power from its relation to nature, inevitability, being unchosen and disinterested. “[T]he family has traditionally been conceived as the domain of disinterested love and solidarity,” and similarly “for most ordinary people of whatever class the whole point of the nation is that it is interestless. Just for that reason, it can ask for sacrifices.”⁴ As the Republican candidate for president last year, John McCain, might have put it in an exercise of partisan political maneuvering, country above party, personal interests, and politics. Here the old warrior taps into the deep sense of what permits the ultimate sacrifice, dying for one’s country, which Anderson contends “comes only with an idea of purity, through fatality,” rather than through self- or material interest.⁵

Language, which is often invoked as the primordial source of nationness, is seen by Anderson as not merely a means of definition and communication – “the fatality of human linguistic diversity” – but also as the root of primordiality, for no one “can give the date for the birth of any language.”⁶ Each looms up imperceptibly out of a horizonless past,” and “nothing connects us affectively to the dead more than language.”⁷ Language provides continuity and privacy; it cannot easily be taken away by imperial conquerors. It stays with a person from mother’s knee to the grave and is the essential means by which “pasts are restored, fellowships are imagined, and futures dreamed.”⁸ Affections and attachments, located in language, history, memory, and imagination, are the sources from which imagined communities arose and are maintained.

Nations are quintessentially modern forms of political communities that are made up of people who imagine that by virtue of some shared characteristics – be it language, religion, common origins or historical experience – they have the right to self-determination, a right to rule themselves, and to possess their purported “national” homeland. Although groups like nations have existed throughout history, the nation-form in its full panoply became the hegemonic form of communal political identification only with the elaboration of a “discourse of the nation” in the early modern

² *Ibid.*

³ *Ibid.*, p. 143.

⁴ *Ibid.*, p. 144.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*, p. 43.

⁷ *Ibid.*, pp. 144, 145.

⁸ *Ibid.*, p. 154.

period (roughly 17th through the early 19th centuries) in which the appropriate legitimization of political authority stemmed from its consent by a “people” constituted as a “nation.” Here culture, very often ethnic culture but at times civic-political culture, became the basis for political rights and legitimacy of the state authority.

It was precisely in what we might call “the moment of the nation,” the late eighteenth-century revolutions and the early nineteenth-century social upheavals, at the very time of the Romantic revolt against Enlightenment rationalism, that the discourse of the nation emerged, and primordialized national identities were fixed on to specific peoples. With the explosive break of European colonies with their motherlands, beginning with the American Revolution, the idea of nations as new polities endowed with rights of self-governance entered the language of politics. Though prefaced by rhetorics of nation, popular sovereignty, and opposition to universal monarchy in England’s Glorious Revolution of 1688, the invocation of nation as a break with tradition and older forms of political legitimation took on a universal power with the revolution in France.⁹ At roughly the same time a notion of nation as a community of people with common culture, aspirations, and political endowments emerged as a central subject in historical writing. By the early nineteenth century statesmen and intellectuals across Europe were learning to “speak national.” The concept of nation became common in political language, even as its meaning remained varied, unstable, and highly contested. Its deployment depended on the ambitions of its authors.

I focus on this moment of origin in the late eighteenth and early nineteenth centuries because it appears to me to be a conjuncture greatly overdetermined by both a revived interest in emotions and the actual experience by individuals and groups of people of a cascade of related emotions. Scholars have long noted the intimate connection between emotion and nineteenth-century nationalism, born as it was in the age of Romanticism. For Herder, in many ways the author of nationalism, feeling (*Gefühl*) was the means to thought and understanding. Through language feeling apprehended reality with an immediacy that the senses could not achieve. Humans and the world were united in feeling, which then could be expressed through words, but every signification initially involved an emotional attitude toward the world. Poetry and music were not simply beautiful representations of the world but, for Herder, a means to understanding it through a “logic of

⁹ Stephen Pincus, “Nationalism, Universal Monarchy, and the Glorious Revolution,” in George Steinmetz (ed.), *State/Culture: State-Formation after the Cultural Turn* (Ithaca and London: Cornell University Press, 1999), pp. 182-210; Lynn Hunt, *Politics, Culture, and Class in the French Revolution* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984), pp. 123-125; William H. Sewall, Jr., “The French Revolution and the Emergence of the Nation Form,” in Michael Morrison and Melinda Zook (eds.), *Revolutionary Currents: Transatlantic Ideology and Nationbuilding, 1688-1821* (Rowman and Littlefield, 2004), pp. 91-125.

emotion.” “A poet,” he said, “is the creator of the nation around him: he gives them a world to see and has their souls in his hand to lead them to that world.”¹⁰

In line with Anderson’s suggestion “that nations inspire love, and often profoundly self-sacrificing love,” one can see that even for the most rationalist of the early nationalists, Johann Gottlieb Fichte (1762-1814), the revival of the German nation would result in a “love that is truly love, and not a mere transitory lust.”¹¹ The early German nationalist Ernst Moritz Arndt (1769-1860) defined the German nation as a community bound together by love: “From the North Sea to the Carpathians, from the Baltic to the Alps, from the Vistula to the Schelde, *one* belief, *one* love, *one* spirit, and *one* passion must again bring together the whole German *Volk* in brotherly union.” Love of the fatherland was the highest form of religion, a passion superior to that of the love of “fathers and mothers, wives and children.”¹²

Even as historians and theorists turned their attention to the sociological settings that made the nation and nationalism possible – the breakdown of older cultural systems and identities, greater social mobility and social communication, the development of print capitalism, the practices of absolutist bureaucracies, war and popular mobilization -- we find the emotions of love, pride, fear, and resentment consistently embedded in their narratives, often without acknowledgement.¹³ Originating with a structural transformation that shook traditional identities, the move to the national may have been highly contingent, but once available the nation-form became the vehicle to overcome the early modern and modern psychosocial crisis of identity.

Since the mid-nineteenth century, national identity construction has most powerfully been about a single, unitary identity, not a multiplicity of self-understandings, embedded in a long history and attached to a specific territory. The power of that identity lay within the broad transnational discourse of the nation, which justified both territorial possession and statehood to those with prior and exclusive claims, based on language, culture, or race. As a new form of political legitimation, the nation brought culture together with a strong political claim to self-rule that ultimately found its

¹⁰ Cited in the article “Johann Gottfried von Herder,” *Encyclopedia Britannica* (Chicago: William Benton, 1970), vol. 11, p. 418.

¹¹ Anderson, *Imagined Communities*, p. 141; Fichte is cited in Matt Levinger, *Enlightened Nationalism: The Transformation of Prussian Political Culture, 1806-1848* (New York: Oxford University Press, 2000), p. 97.

¹² *Ibid.*, p. 114.

¹³ Borrowing from Friedrich Nietzsche, Liah Greenfeld employs the term *ressentiment* as the central theme in her mammoth study of five nationalisms. *Ressentiment* is the “psychological state resulting from suppressed feelings of envy and hatred (existential envy) and the impossibility of satisfying these feelings.”¹³ Grounded in the fundamental comparability of subject and object but their actual inequality, *ressentiment* “fostered particularistic pride and xenophobia, providing emotional nourishment for the nascent national sentiment and sustaining it whenever it faltered.” [Liah Greenfeld, *Nationalism Five Roads to Modernity* (Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1992), pp. 15-16].

sanction in a story about the past. The practice of finding deep ancestors, long genealogies certainly goes back to earlier forms of political legitimation, at least to the Bible if not even earlier, in the story of kings, sons gaining power by virtue of the connection to fathers.

In a world of competitors for territory and political power, such genealogical or primordial assertions were a practical, even necessary, solution to the difficulty of establishing prior or exclusive claims to a piece of the world's real estate. Frank recognition of the actual fabrication of the past or the constructed nature of national homogeneity would have undermined the purported wholeness and unity of the body of people now empowered. Since prenatal ethnic and religious communities do not map neatly with modern nations, and nations themselves are inherently unstable categories, primordialism and essentialism do the hard work of reifying the nation. Identities might in fact be fluid, but in the real world of politics the players act as if they are immutable, both for strategic reasons and emotional satisfaction. Like the idea of family, so the nation form provides clear boundaries of a community within which social goods can be properly distributed.

National identity, then, begins with empathetic attachments to those included within the group and distance and difference from those without. Shared narratives link the members of the nation together in a constructed community that – in the discourse of the nation – legitimizes the people's right to rule themselves through their chosen leaders who are like themselves. Threats to the group are threats to the individuals identified with that group; anxieties, resentments, fears, and hatreds may be attached to that collective identity and make up the emotional disposition of the group out of which more specific emotional responses emerge when the requisite stimulæ are experienced. From these dispositions and emotions predictable action tendencies occur. The result under certain circumstances can be conflict or violence. These affective communities with their attendant empowerment of the people and eventual commitment to democratic politics, their evident success in mobilizing popular armies for combat, proved by the early twentieth century to be the most serious threat to the then ubiquitous forms of polity, dynastic monarchies and empires.

Empire is a polity based on conquest, difference between the ruling institution and its subjects, and the subordination of periphery to the imperial center. Justified by the power of the ruler and sanctioned by claims to divine favor and dynastic legacy, empire demands obedience and loyalty, and though it may desire love of the sovereign, it did not require it. Unlike the affective communities we call “nations,” empires have a quite different emotional valence. They are not primarily based on shared emotions of affection and kinship (*fraternité*) or horizontal equivalency (*égalité*). Rather, historically fear and awe of the ruling prince were integral to the arsenal of the political authorities. Muscovite rulers saw themselves in a paternal role, protecting their subjects,

Russian and non-Russians alike, which presumed an affective tie between ruler and ruled. The tsar may have been *batushka* (little father) to his people, but the relations of fathers to children, particularly stern fathers, differ greatly from idealized relations of brothers and sisters.¹⁴ As Richard Wortman has demonstrated in his study of tsarist rituals, distance of power from people, rather than affinity and family connection, marked empire and differentiated it from the nation-state of future centuries.¹⁵ Even the models of rulership were foreign -- Byzantium and the Mongol khans -- and foreignness conveyed superiority. When that sense of paternalism and protection was lost in 1905, with no strong bond of nation in place, the empire became ever more vulnerable to the claims of radicals with rival notions of how Russia should be ruled.

The history of tsarism is of an empire that at times engaged in nation-making, but its nationalizing state practices were always in tension with the structures and discourses of empire. Tsarism never created a nation – that is, an **affective community** -- within the whole empire or even a sense of nation among the core Russian population, even though it managed to engender great loyalty from important parts of the country's elite. The imperial tended to thwart if not subvert the all-inclusive national, just as the national worked to erode the stability and legitimacy of the hierarchical and differentiated imperial state, based as it was on embedded inequities, naturalized distinctions, and the sense that the superior had the right to rule over the inferior without their consent. As Alexander Morrison shows in his paper for this conference, the Russians failed “to develop a genuine form of Imperial citizenship,”¹⁶ but in distinction from overseas empires the rigid hierarchies of *sosloviia*; differential rights, obligations, and privileges; and far more repressive, even draconian, rule of the peripheries (consider the *karatel'nye ekspeditsii* of 1905-1907) – not to mention the vastness of the empire's territory, lack of density of means of communication and transportation, underdeveloped educational system and low level of literacy – made the problem of coherence and solidarity that ideally marks nations acutely difficult for the Russians to achieve. While Muscovy and imperial Russia were successful in integrating the core regions of its empire, often referred to as the *vnutrennie guberniia*, into a single nationality, diverse administrative practices, as well as the compactness of the local ethnicities and the effects of settlement policies, maintained and intensified differences between the Russian core and the non-Russian peripheries.

¹⁴ Personal communication of Valerie Kivelson to the author.

¹⁵ “In expressing the political and cultural preeminence of the ruler, foreign traits carried a positive valuation, native traits a neutral or negative one.” [Richard Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, Vol. I, From Peter the Great to the Death of Nicholas I* (Princeton: Princeton University Press, 1995), p. 6]

¹⁶ Alexander Morrison, “Aryanism, Asianism and Imperial Citizenship,” paper presented at the conference on “National Identity in Eurasia I: Identities & Traditions, March 22-24, 2009, University of Oxford.

In its last years the dynasty appeared increasingly to be incompetent and even treacherous. As Russians suffered defeats and colossal losses in World War I, the fragile aura of legitimacy was stripped from the emperor and his wife, who were widely regarded as distant from, even foreign to, Russia. What the dynasty in the distant past had imagined was empowering, their difference from the people, now became a fatal liability. Elite patriotism, frustrated non-Russian nationalisms, and peasant weariness at intolerable sacrifices for a cause with which they did not identify combined lethally to undermine the monarchy. The principles of empire, of legalized differentiation and inequality, were incompatible with modern ideas of democratic representation and egalitarian citizenship that gripped much of the intelligentsia and urban society. When the monarchy failed the test of war, its last sources of popular affection and legitimacy fell away.

The Soviet Story

For much of the public and the profession as well, the story of the collapse of the Soviet Union appears to be parallel to the tsarist story – the failure of empire before the inevitable onslaught of nationalism, the fragility of the transnational ties of Soviet identity overwhelmed by the powerful affective bonds of ethnonationalism that the Soviets themselves had done so much over seventy years to promote – or, in a more common narrative, to undermine. My own contention is that we have tended to underestimate the connective elements, political, cultural, and **affective** that made the USSR a rather cohesive state until its very last years. While individual cases vary greatly, I will argue that Soviet citizens often experienced identification both with the ethnicity or nation to which they were officially ascribed, as well, in different ways, to the Soviet Union as motherland or fatherland and acceptance of the values and norms of Soviet life. The intensity of identification with – or in the case of some, like Estonians and many Georgians, hostility to – the USSR and the political system varied greatly, but evidence for such a relatively positive affective relationship can be drawn from the lingering nostalgia of many for the old ways and regret at the Union's demise. The ethnonation may have been family, and дружба народов may have been official sentimentality and wishful thinking, but people felt attachment to the Soviet Union, ready to defend it, die and kill for it, see it as родина. The Soviet authorities and the creative intelligentsia successfully forged for several generations an emotional connection first to the revolution and civil war, the project of creating a new world, then to Lenin and Stalin as personifications of the Soviet project, later to the victory over fascism, a civic culture that connected persons with broad spaces and Great Power status. Later many would feel deceived that their faith was based on misrepresentation and ignorance of what was happening, what they didn't know or avoided finding out about. This ambiguity is

expressed in Evtushenko's post-Soviet poem:

*Прощай, наш красный флаг...
Ты был нам брат и враг.
Ты был дружкой в окопе,
надеждой всей Европе,
но красной ширмой ты
загородил ГУЛАГ
и столько бедолаг
в тюремной драной робе.*

*Прощай, наш красный флаг...
Ты отдохни,
приляг,
а мы помянем всех,
кто из могил не встанет.
Обманутых ты вел
на бойню,
на помол,
но и тебя помянут -
ты был и сам обманут.*

One of the many ironies of Soviet history is that a state that in many ways manifested the qualities of empire in fact over time created something like a multinational nation-state with the aid of its internationalist ideology, its self-proclaimed historical project of building socialism, and its promotion of nationality among the non-Russian peoples. As in any empire sovereignty belonged only to the center, the Communist elite, the metropole of the Soviet empire. The periphery, both Russian and non-Russian, was ruled in the name of its own *mission civilisatrice* (civilizing mission) that like the policies of the French and Portuguese overseas empires would both elevate them into a higher civilization and, even more ambitiously, sought to create a shared culture, in this case Soviet, in which the peoples of the USSR would draw closer together (сближение) and perhaps ultimately assimilate (слияние) into an integrated советский народ free of nationalism and many national characteristics. Two projects that appear contradictory (one might say dialectical) co-existed:

the promotion of ethnonational cultures of the non-Russian peoples (коренизация), complete with their own ethnonational territories and the trappings of statehood; and the acculturating, integrative program of modernizing a “backward” peasant country in the confidence that the socialist solvent would homogenize the dozens of different social and ethnic groups. The Soviet Union was at one and the same time an empire-state and a state of nations. The open question that begs further research remains: did the USSR become a kind of Soviet nation; how deep were the affective bonds that tied the diverse peoples together in a single affective community?

The contradictions between empire and a multinational state of nations were never fully resolved, and they contributed to the deep structural problems and discursive confusions that marked the Soviet experience. While the ultimate collapse of the Soviet system and the dissolution of the Union (two different but related phenomena) were primarily the result of ill-considered decisions and practices of the very summit of the Communist party, the underlying ethnonational structure provided capacities and possibilities that at a moment of extreme vulnerability thwarted Gorbachev’s efforts to create a more democratic and decentralized state and facilitated the transition to fifteen (or more) independent republics.

My tentative hypothesis is that the making of the Soviet nation was not a linear process but that national integration and affective connection rose and fell. The prewar years were too early for such a grand project to have achieved great results. Indeed the first decade of Soviet power was far more about national restoration and reconstruction than the effective achievement of a transnational Soviet national identity, beyond, perhaps, the enthusiasts of the Communist party. In the 1930s Stalin embarked on such an integrative project, ending the extreme variant of non-Russian nationalization that had marked the Leninist and NEP years, attacking local and bourgeois nationalism, purging the first generation of national Communists, concentrating state power in Moscow, and imposing a form of Great Russian Soviet patriotism on the country as a whole – Soviet in form, Russian in content. The upheavals of collectivization, the devastating famines, and the Great Purges divided the population into multitudes of losers and a few victors, with contrasting and conflicting loyalties.¹⁷ But nation steadily replaced class as a central signifier. Correcting Marx and Engels, Stalin asserted in 1931 that the proletariat now had a fatherland.

The Stalinist 1930s were the years of the formation of what David Brandenberger has called (following M. N. Riutin) “National Bolshevism,” the introduction of a “new pragmatism” in Soviet

¹⁷ The Harvard Project on the Soviet Social System provides an excellent and easily accessible window into popular and intelligentsia attitudes about the effects of Stalinist nationality policies. [<http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/index.html>]

ideology that “eventually settled upon a russocentric form of etatism as the most effective way to promote state-building and popular loyalty to the regime.”¹⁸ Nativist, even nationalist, this new direction was not aimed “to promote Russian ethnic interest... so much as... to foster a maximally accessible, populist sense of *Soviet* social identity through the instrumental use of russocentric appeals.”¹⁹ Brandenberger argues that the intention of Stalin and the Stalinists was “to promote little more than a patriotic sense of loyalty to the party and state between 1931 and 1956,” but they unwittingly generated “a mass sense of Russian national identity within Soviet society” that “proved durable enough to survive the fall of the USSR itself.”²⁰

The regime employed the language of emotions in its campaign. “Soviet patriotism is a burning feeling of boundless love,” *Pravda* editorialized in 1935, “a selfless devotion to one’s motherland and a profound responsibility for her fate and defense, which issues forth like mighty spring waters from the depths of our people.”²¹ The new Soviet histories were, on Stalin’s orders, to be replete with heroes and events and to eliminate the abstractions that had marked the Pokrovskian school of historiography.

Scholars like Geoffrey Hosking, Hubertus Jahn, and Ronald Grigor Suny have emphasized the weakness of Russian national identity in the imperial period right through the first decades of the twentieth century. The Leninists actively discouraged Russian nationalism in the NEP period, and well into the thirties people could be punished for “Great Russian Chauvinism.” In her study of popular opinion in the 1930s, Sarah Davies notes the fragility of a sense of Russian nationness among ordinary workers and peasants and its articulation primarily at the margins of contact with others such as Jews and Armenians.²² While Russians expressed ethnic pride and a sense of unique Russian characteristics in their proverbs and songs, or their visceral hostility toward the Jews and others, the broader identification with abstract nation remained amorphous. Yet the ascription of nationality, its fixedness in the internal passport after 1932, reified what earlier had been a more fluid identification.²³

¹⁸ David Brandenberger, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian national identity, 1931-1956* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002), p. 2.

¹⁹ *Ibid.*, p. 4.

²⁰ *Ibid.*, p. 9.

²¹ *Pravda*, “Sovetskii patriotism,” March 19, 1935; cited in Brandenberger, *National Bolshevism*, p. 28.

²² Sarah Davies, *Popular Opinion in Stalin’s Russia: Terror, propaganda, and Dissent, 1933-1941* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), pp. 88-89.

²³ There is a large literature on the Soviet passport as well as on the ascription of nationality. See, for example, David Shearer, “Elements Near and Alien: Passportization, Policing, and Identity in the Stalinist State, 1932-1953,” *Journal of Modern History*, LIIV, 4 (December 2004), pp. 835-881; Yuri Slezkine, “The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism,” *Slavic Review*, LIII, 2 (Summer 1994), pp. 414-452;

Дружба народов was introduced into the Soviet vocabulary in December 1935, partially supplementing the term братство. Terry Martin argues that Дружба народов replaced the Affirmative Action Empire of the 1920s and early 1930s (1923-1933) to become the new national constitution of the USSR, the imagined community of the Soviet state. For Martin братство retained Marxist notion of class conflict, whereas “friendship of the peoples” emphasized the trust that had developed among nationalities and, particularly, with smaller nationalities overcoming the earlier, earned distrust of the Russians.²⁴ My own sense is that the two terms were variously used for different purposes. While brotherhood implies greater intimacy, it also involves hierarchy between older and younger brothers, and everyone was aware of which nationality would soon become the старший брат.²⁵ With friendship the diminution of the notion of a kinship tie had the advantage of an emphasis on equality among the Soviet peoples. Friends after all are equivalent to one another; their relationship is about trust, devotion, dependability, affection, and reciprocity. Equality and hierarchy were brought together (dialectically!) in Stalin’s toast of November 8, 1938: “Old Russia has been transformed into today’s USSR where all peoples are identical.... Among the equal nations, states, and countries of the USSR, the most Soviet and the most revolutionary is the Russian nation.”²⁶

Of course, calling something dialectical does not eliminate the contradictions and tensions inherent to it. Stalin’s conception of Soviet patriotism, as frankly russocentric as it was, attempted not to descend into ethnonationalism, yet the lines between patriotism and nationalism were not merely blurred but impossible to draw. Discussions raged for the whole of the Soviet period over the meanings of these two terms, (In Armenian it was *hairenasirutun*, which was acceptable, and *azgasirutun*, which was not.), but without clear resolution. The point has often been made that in the war Sovietism was pushed aside in the name of Russian nationalism, but this formulation misses the peculiar amalgamation of the two that marked those years. In his first speech on the anniversary of the Bolshevik Revolution in 1941, Stalin told the “nation” that “you must draw inspiration from the valiant example of our great ancestors,” and then went on to name them: Aleksandr Nevskii, Dmitrii Donskoi, Kuz’ma Minin, Dmitrii Pozharskii, Aleksandr Suvorov, Mikhail Kutuzov.

reprinted in Geoff Eley and Ronald Grigor Suny, *Becoming National, A Reader* (New York: Oxford University Press, 1996), pp. 203-238; Ronald Grigor Suny, *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford: Stanford University Press, 1993); Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001); and Kate Brown, *The Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003).

²⁴ Martin, *Affirmative Action Empire*, pp. 432, 436-442.

²⁵ For these ideas I am indebted to Tom Hooker’s work on friendship in the 1930s.

²⁶ Brandenberger, *National Bolshevism*, p. 284, fn. 43.

Russians to be sure, but defenders of the fatherland. Here was a Georgian with his accented Russian calling these military leaders “our ancestors.” They were not merely ancestors of ethnic Russians but of the Soviet people as a whole. In much of wartime rhetoric images from the Russian past blended with those of the Soviet past and present. In the famous Soviet poster by the Kukryniksy, the ghosts of Nevskii, Survorov, and Chapaev call on the Red Army men forward.²⁷ Soldiers, men and women, went into battle and to their death shouting «За родину, за Сталина.» A supranational but Russified patriotism was grafted onto Leninist internationalism replacing the class element with a new primacy placed on Russia’s past. As party leader Shcherbakov suggested to journalist-novelist Ilya Ehrenburg, “Borodino is closer than the Paris Commune.”²⁸

The war was both interruption and acceleration, unbearable sacrifice and transcendent triumph. Soviet historians and party officials fought bitterly over the “correct” formulation of Soviet patriotism and impermissible nationalism. Tsarist Russia as “gendarme of Europe” and “prisonhouse of peoples” was at least, in Zhdanov’s rendition (1936), “the lesser evil” for non-Russians. Pride in the Russian past became sacrosanct even as some like the historian A. M. Pankratova tried to elevate the martial qualities of non-Russians. Film studios in the national republics put out their own versions paralleling *Aleksandr Nevskii*: Armenia’s *David Bek*, Georgia’s *Georgi Saakadze*, and Ukraine’s *Bohdan Khmelnytsky*. Ultimately no clear decision was taken, and the task of reconciling national histories with the Russian imperial story proved insurmountable. As Serhy Yekelchuk concludes in this study of Ukrainian historiography, “The casualties of this cohabitation were many: historians accomplished little, ideologues could not completely control the writing and teaching of history, and teachers apparently struggled to instill in students both pride in their nation’s past and an appreciation of Russian imperial credentials.”²⁹ But “once the exigencies of 1941-1943 had faded, party ideology reverted to an extreme version of the post-1937 line on the Russian people’s ethnic primacy within Soviet society....” which, Brandenberger concludes, “emerged from the wartime experience in a much more russo-centric and statist form than it had been before the outset of the conflict.”³⁰ As Stalin proclaimed in his famous toast in May 1945, the Russian people were “the most outstanding nation of all the nations in the Soviet Union,” “the Soviet Union’s leading force among all the peoples of our country....” and

²⁷ “We are fighting heartily and bayoneting daringly, grandchildren of Suvorov, children of Chapaev.” (Kukryniksy, 1941; depicted in Brandenberger, *National Bolshevism*, p. 117)

²⁸ Ilya Ehrenburg, *Liudi, gody, zhizn’*, p. 322; Brandenberger, *National Bolshevism*, p. 150.

²⁹ Serhy Yekelchuk, *Stalin’s Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Russian Historical Imagination* (Toronto: University of Toronto Press, 2004).

³⁰ *Ibid.*, pp. 130, 131.

possess “a clear mind, hardy character, and patience.”³¹

Diaries, letters, and official reports testified that the war heightened national feelings, both Russian and non-Russian, and ethnic pride was accompanied often with ethnic hostility toward others. There was a new expression of and a greater permissiveness toward anti-Semitism during and after the war that metastasized into the anti-cosmopolitan campaign and the Doctors' Plot.³² In specific cases, as in western Ukraine or the Baltic region, newly incorporated into the Soviet Union, nationalism was directed against the Soviets. But it would be wrong to conclude that all particularistic nationalisms were opposed to a broader Soviet patriotism. The lasting effect of the war on many was the construction of a highly effective political and affective integration of Soviet and national identifications. The Soviet Union became *отечество* and even *родина*, and it became easier to imagine and experience loyalty simultaneously to both ones ethnonation and the USSR and more difficult to separate the two. Victory solidified and sanctified the Soviet regime and Stalin; history seemed to be truly on their side; and when the fruits of that victory were denied by the capitalist West, armed with nuclear weapons, insecurity and fear, pride and faith heightened the feelings of many toward the *patrie en danger*. As if to emphasize its distance from its earlier internationalism, the Stalinist leadership of the late 1940s turned xenophobia into a mark of loyalty to the socialist fatherland. Nativist pride in Russia's past was combined with deep hostility toward the West.

The post-war synthesis involved severely restricting non-Russian nationalisms (Stalin apparently told filmmaker Sergei Eizenshtein: “We must overcome the revival of nationalism that we are experiencing with all the [non-Russian] peoples”),³³ promotion of the Russian imperial historical narrative as the foundation of Soviet patriotism, and deploying the struggle and victory in the Second Great Fatherland War to solidify the pan-national identification with the Soviet Union. The diverse histories of non-Russians were brutally subordinated to the Russian narrative. In 1948 the Armenian Communist Party condemned scholars for “idealizing the historical past of the Armenia.” Three years later it castigated the nineteenth-century novel *Kaitser* (Sparks) by the nationalist writer Raffi that it had approved for republication just four years earlier. Stalin's Russia/USSR – the two words were used interchangeably in the late 1940s-early 1950s – was an empire of nations with the Russians as the imperial nation, but unlike the tsarist empire the Soviet Union worked assiduously

³¹ Cited in *ibid*, pp. 130-131.

³² Amir Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 2001), pp. 114-122, *passim*.

³³ Brandenberger, *National Bolshevism*, p. 187. Brandenberger added [non-Russian].

and consistently under Stalin to create a Soviet affective community, and it was largely successful in creating such a community. But the Soviet community coexisted with the national communities within the empire.

The Soviet national anthem adopted in 1944 to replace the Internationale neatly summarized the Stalinist national patriotic synthesis:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь!
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

ПРИПЕВ:

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил:
Нас вырастил Сталин — на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил!

Nationality was a reality that had been made real by Soviet nationality policy since Lenin's time. Officially it was inferior to Soviet patriotism, but the close association of Sovietism with Russia presented hundreds of millions of Soviet citizens with the dilemma of reconciling their ethno-national connections with their supranational loyalties. Some, like most Estonians, simply rejected the Soviet Union and along with it Russia and lived exclusively within their own ethnic community. Others like the hundreds of thousands of Armenians who either lived in or emigrated to Russia and other republics, assimilated into Russo-Soviet culture, and though their nationality was betrayed on their passports, they were effectively "Russian" in language, culture, and attitude; after a generation or two they intermarried, and even their passport identity might disappear. Between those two poles were others who tacked back and forth between identities or created hybrid identities, becoming situationally Soviet in some circumstances, ethnic in others. Nationality was so powerful a marker in late Soviet society that it was inevitably used instrumentally, e.g., for political or social advancement within a national republic or to emigrate from the Soviet Union (Jews, Germans, Koreans, and others).

When reading the peculiarity of their own nation within the Soviet empire, many Russians

saw the whole Soviet Union as their patrimony (since in the absence of Russian Republic institutions, all-Union institutions served in that capacity) while simultaneously complaining that Russians were in an inferior and exploited position vis-à-vis the non-Russian nationalities. As Yitzhak Brudny puts it, “[T]he Russian population in general, and Russian nationalists, in particular, viewed the USSR as essentially a Russian nation-state rather than an empire. The problem with the USSR, they insisted, was that it was not Russian enough.”³⁴ The Soviet Union was a strange empire in which the peoples of the periphery, in the minds of many, lived better and had greater advantages than the people of the metropole.

Brudny usefully distinguishes between official “nationalism” of the Soviet state, which aimed to include all the peoples of the USSR in the imagined community of советский народ, and the Russian nation-making nationalism that arose in the last decades of the Soviet Union, which promoted an exclusively ethnic Russian nation (русская нация) and would eventually contest the civil nationalism of the Yeltsin years that proposed a российская нация).³⁵ The story he tells about the emergence of post-Stalin Russian nationalism is quite compelling. Initially in the early and mid-1950s, led by the journal *Новый мир*, essayists (очеркисты) village prose writers (деревенщики) depicted the devastation of the Russian countryside with its implicit critique of the Stalinist legacy and its nostalgic appreciation of threatened peasant traditions and values. Solzhenitsyn’s *Matryona* was both victim and heroine, a sentimentalized symbol of Russia. This tentative opening of a public sphere in the Soviet Union, I would note, was closely linked to Khrushchev’s deStalinization campaigns and was only tangentially nationalist. But these mild critiques by poets and short story writers were tolerated by the Khrushchev and Brezhnev regimes, even as more political writers were forced into the самиздат underground. As Marxist ideology lost its mobilizational force and politics was reduced to administration, the Brezhnev regime sought support for its revitalization of agriculture by including the nationalists within the permissible realm of expression. The party tolerated their control of the Russian writers’ union and their publication in prominent thick journals like *Молодая гвардия* and *Наш современник*. Both liberal and conservative nationalists were soon joined by more radical nationalists opposed to the liberalization of Soviet politics and dedicated to a more statist vision. But the nationalists proved difficult to tame, and they were shut down under Andropov. Even with a degree of state support, however, the nationalists’ politics of culture

³⁴ Yitzhak M. Brudny, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998), p. 7.

³⁵ *Ibid.*, pp. 7-8.

failed to move beyond an intelligentsia discussion, and when civil society reemerged in the Gorbachev years, nationalists were unable to succeed in the arena of mass politics. The alliance of conservative and radical nationalists was defeated in the 1990 elections to the RSFSR Congress of People's Deputies.

What is now only too self-evident is that in contrast to the expectations of both Marxism and modernization theory – that industrialization and urbanization in either its capitalist or socialist variant would lead to an end to nationality differences and conflicts – not only was nationality preserved in the Soviet Union, but the power and cohesion of nationalities and their elites were enhanced. National identities were reified and primordialized. Ostensibly equal as in a multinational nation-state, in fact Soviet nationalities lived in a permanent state of advantages and disadvantages provided by who they were. Russians might be privileged in the center but not necessarily in Armenia or Georgia. Armenians thrived in Armenia and if competent in Russian and culturally assimilated did well in Russia and other republics, but were at a disadvantage in Georgia or Azerbaijan precisely because of their ethnicity. Distinctions and hierarchies of power and access to various social goods were revealing characteristics of the Soviet Union as empire. Rather than the “withering away” of inter-ethnic hostilities, social mobilization intensified inter-ethnic competition for limited social resources, while urbanization and education led to “heightened national self-consciousness and increasing national separatism among the more socially mobilized members of each national community.”³⁶ Russification occurred, both spontaneously and through government programs, but in some of the union republics (most notably, the Baltic and Caucasian republics and Ukraine) indigenous intellectuals defended and promoted their own culture and language. As Khrushchev and particularly Brezhnev permitted national Communists to remain in power for many years, entrenched ethnic elites emerged in the non-Russian republics. By the last decades of Soviet power nationalities experienced an unprecedented degree of local autonomy.

Nationalism both in Soviet and post-Soviet times was available for exploitation, and at times politicians from Yeltsin to Putin employed patriotic and nationalistic themes – Russia as a Great Power, the humiliation of defeat at the hands of the West, resentment at the treatment of Russia and Russians by the ungrateful formerly Soviet republics. The victory in World War II remains a rallying point for both the sense of Russia's greatness and its lost prestige and power. Brudny and others seek to explain the rise and power of Russian nationalism among late Soviet intellectuals. Is it a product of modernization, the move from village to city; the failure of the Soviet system to

³⁶ Robert J. Kaiser, *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR* (Princeton: Princeton University Press, 1994), p. 248.

deliver political goods? Perhaps a more relevant question would be: why has Russian nationalism not gripped the wider public? Why is nationalism a phenomenon limited to intellectuals, some politicians, and relatively isolated groups of malcontents?

In the post-Soviet world nationalism proved powerful at certain moments in several of the smaller republics, particularly in the Baltic region, Moldova, and Caucasia, as well as western Ukraine, but it did not grip most of the Muslim republics or Belarus, and was not widespread in Russia where it remained the expression of a dispossessed fringe. The Yeltsin years were in many ways revolutionary, a kind of “Bolshevik-style liberalism” that set out to change radically Russia into a capitalist democracy and set the country back on its “natural” course of history from which it had been derailed by the Bolsheviks. The seventy years of Soviet power are imagined as a deviation, a distortion that must be reversed in order to restore Russia to its true and healthy path toward civilization. Russia’s leaders and many intellectuals abandoned the world in which they had grown up, a world that had been experienced, even with all its repression, mundane imperfections and corruptions, as one of order, progress, and purpose, at least up through the mid-1970s. In its place they took the country into a world of unpredictability, embedded corruption and criminality, economic hardship, military weakness, and the precipitous decline of Russia from great power status to a wounded, humiliated, truncated state.

Though many democratic and Western values gained greater acceptance among Russians in the 1990s, the eradication of the Soviet value system deeply divided the country between those who supported the general direction of the economic and political changes initiated by Gorbachev and Yeltsin and those for whom the rejection of the Soviet past as an authentic part of Russia’s history and tradition meant their ejection from the rebuilding of the nation. People who had fought for and suffered for that system were overnight rendered disgruntled, disoriented red-flag-waving marginals. The turn back to symbols and institutions of the pre-Soviet past -- the double-headed eagle, the imperial flag, the Orthodox Church, reburying the last czar’s family (though not [yet] the revival of the Romanov anthem, “God Save the Tsar” -- resonated negatively among many former *sovki*, not to mention the twenty percent of Russia’s population that is neither Orthodox nor ethnically Russian.³⁷

³⁷ *Sovok* (plural, *sovki*) literally means “dustpan,” but in the late Soviet period it referred negatively to something or someone “Soviet.” It has come to be an ambivalent reference to a Soviet person. For a recent discussion of the term, see Grisha Strashnyi, “Shto takoe sovki,” where someone writes: “Совки. Откуда пошло это слово? Говорят, что один советский режиссер в 70-х годах снял фильм. Ему премию дали. Большую, государственную. Он с друзьями накупил дорогого коньяка, и стали они искать, где его выпить. А дело было в воскресенье, когда все закрыто. Наконец, забрались в детский садик, сели на бортик песочницы. Там, в песке, нашли детский набор из лопаточек, формочек и стали из него пить коньяк дорогой. Режиссеру достался маленький детский совочек. Пьет

Intellectuals and politicians skirmished over the question of what constitutes the Russian nation and state, whether the former union should be restored or be limited to Great, Little, and White Russians, be constituted as a republic of Russian speakers or a multinational state in which “Russian” is both understood as ethnic Russian (*русский*) and as citizen of the republic (*российский*).³⁸ As Mark Bassin argues, Eurasianism is a principal reaction to the collapse of empire, and as Alexander Titov demonstrates, its popularity in the 1990s can be explained by “its psychological compatibility with Soviet values.”³⁹ Writers from liberals like Tsipko to Eurasianists like Sergei Lavrov and Lev Gumilov regretted the fall of the Soviet Union, the loss of the country with which they identified despite the personal wounds that so many suffered.

The USSR was never fully a nation-state and could never be an ethnonational state. It remained an empire even as Gorbachev attempted futilely to transform it into a multinational state by stripping the Soviet structure of its imperial elements. But within that empire, in contrast to the tsarist empire, Soviet state builders were able to lay the foundations of an affective community, a supraethnic bond between various nationalities and the Soviet enterprise as a whole. Pride in the achievements of socialism, pain in the sacrifices of Stalinism and world war combined with love for dual motherlands and a willingness to sacrifice for a common future. Like many other identities, the identification with the Soviet project proved fragile at during *гласность* and *перестройка* when the old verities were radically reconceptualized.

Perhaps a place to end would be with the salutary reminders of the impressive study of the Transylvania town of Cluj by Rogers Brubaker and his team of sociologists. Brubaker has tried in his work to put nationalism, nationhood, and ethnicity “in its place,” to see it not as a thing but as an interpretive framework and a happening, a kind of event.

...ethnicity is not a thing, an attribute, or a distinct sphere of life; it is a way of understanding and interpreting experience, a way of talking and acting, a way of formulating interests and identities. Nationhood, similarly, is not an ethnocultural fact; it is a frame of vision, a cultural idiom, and a political claim....

Ethnicity and nationhood, finally, are performed and enacted in a variety of ways, public and private. They are performed in public demonstrations, holiday

он, пьет, а потом вдруг как скажет: "А ведь живем мы все, ребята, в совке". Эту историю рассказывал сам режиссер по телевизору. Имя режиссера не помню." [http://www.grisha.ru/zapiski/26.htm]

³⁸ Vera Tolz, “Conflicting ‘Homeland Myths’ and Nation-State Building in Postcommunist Russia,” *Slavic Review*, Vol. 57, No. 2 (Summer 1998), pp. 268, 289, 293-294.

³⁹ Mark Bassin, “Eurasianism from Trubetskoi to Dugin,” and Alexander Titov, “Lev Gumilev and the Re-birth of Eurasianism,” papers delivered at the conference on “National Identity in Eurasia I: Identities & Traditions, March 22-24, 2009, University of Oxford.

celebrations, commemorations, pilgrimages, and rituals such as the singing of the national anthem; and they are enacted in ordinary private interaction.⁴⁰

Soviet peoples had both an ethnic and a national identity, and the national extended for many to the Soviet Union as homeland as a civic identity. At times the two underpinned each other in a tense relationship; at other times the two competed and even undermined one another. The broad Soviet civic identity gave way but only under extraordinary circumstances. The ethnic emerged and then had to deal with its own difficulties in making nations in the new post-Soviet states.

Analysts must themselves be careful not to prioritize or primordialize the ethnic to the disadvantage of the civic. The ethnic and the national are with us, hard to avoid, but at the same time they are not ever present in consciousness and action. They are there, somewhere, to be mobilized, sometimes spontaneously, sometimes deliberately by individuals and groups, but ethnic and national identity must compete with other identities for attention and influence over the psyche of people. At moments they are powerful precisely because of their emotional content and their capacity to move many; but they also often lie dormant as people go about their daily lives, making a living, raising children, falling in and out of love, getting sick, dying, surviving. But when they are present, and when they combine in one way or another with questions of power, then in those moments of political engagement ethnic and national identities force themselves upon us. They are potent enough to overwhelm civic identities. They do not quit; they refuse to go away – at least for a while – and in that heightened moment of pride and passion, of fear or hatred, the destructive power of the ethnic and the national forces us to pay attention. Perhaps that is why we are gathered here today.

⁴⁰ Rogers Brubaker, Margit Feischmidt, Jon Fox, and Liana Grancea, *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvania Town* (Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006), pp. 358, 359-360.

Session I : Concepts and Issues of Eurasianness

Cultural Geopolitics and New Border Region of Eurasia

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Kimitaka Matsuzato

Professor

Slavic Research Center,
Hokkaido University, Japan

kim@slav.hokudai.ac.jp

Cultural Geopolitics and the New Border Regions of Eurasia

ABSTRACT

The purpose of this paper is to identify a new object of area studies after the Cold War—the New Border Regions (hereafter, NBRs) of Eurasia - and to propose a methodology to analyze it - cultural geopolitics. After identifying these concepts, I briefly describe what can be regarded as subgenres of cultural geopolitics, that is, empire and religion studies. The last section of this paper is dedicated to the Black Sea Rim as an example of an NBR.

Since this paper is based on what I have conceptualized through my participation in the 21st Century COE Program, “The Making of Slavic Eurasian Studies: Meso-Areas and Globalization” (hereafter, Program-21), which enjoyed financial support from the Japan Ministry of Education during 2003 – 2008, a natural start to my discussion would be a brief overview of the objectives and results of this program. During the 1990s, many scholars believed that once the coercive framework of socialism and the Warsaw Treaty Organization disappeared, there could be no extensive regional identity combining, for example, Turkmenistan with the Czech Republic. Former socialist studies seemed to split endlessly into Russian, Ukrainian, Baltic, Caucasian, Central Asian, and other studies. Even Baltic studies could not stand for the near lack of specialists with a command of the three local languages. It is true that this split/particularization of the previously single academic discipline produced a number of merits, the first of which was high requirements for local languages and expertise, as well as differentiated programs for graduate education in regional studies, inconceivable until the 1980s. A negative consequence of this particularization was a decline of the comparative and macro-regional perspective, which could not but be accompanied by theoretical stagnation. During the 1990s, area specialists of Slavic Eurasia seemed to be satisfied with being consumers of theories, who seldom tried to give feedback from their empirical knowledge to the theoretical disciplines of the social sciences and humanities.

Program-21 tried to reverse this tendency towards excessive particularization of the former socialist studies so that these studies would soft-land to a loosely integrated discipline called “Slavic Eurasian studies.” As a theoretical background, we criticized the static demarcation and conceptualization of geographic areas, based on their alleged internal homogeneity, such as Europe, Asia, and Eurasia. We argued that areas (mega-areas) were conglomerates of meso-areas, which are

significantly distinguishable from each other even within the same mega-area. With this qualification, areas expand, shrink, split, and merge through vertical integration between mega- and meso-areas, as well as through horizontal interactions between meso-areas (Ieda 2005).

During the period of Program-21, this constructivist (anti-essentialist) and cognitive understanding of areas became dominant not only in Japan,¹ but also worldwide. Perhaps this is one of the reasons that leading Slavic associations (such as the ICCEES and AAASS) and research institutes (such as the Davis Center at Harvard University, the Kennan Institute at the Woodrow Wilson Center, the Russian and Eurasian Studies Centre at Oxford University, and the Slavic Research Center at Hokkaido University) largely continue to cover the former socialist territories as their object of research, even if they changed their names after the demise of socialist regimes.

Unsurprisingly, academic discussion continues. For example, Serhii Plokhy criticizes our concept of Slavic Eurasia as a revision of interwar Eurasianism, noting: “Eurasia is little more than a new name for the territory of the USSR, manifesting an attempt by specialists trained in Russian and Soviet area studies to stake out their pre-1991 territory under a more up-to-date and politically correct designation.” Plokhy argues that Ukraine belongs to Eastern Central Europe or *Mitteleuropa*, rather than Eurasia (Plokhy 2007, 42). This view seems more or less persuasive in regard to early modern Ukraine, when Ukraine was actually a border region between the East Slavic/Eurasian and Polish/Lithuanian traditions. Along with Plokhy himself, Yaroslav Hrytsak provides a brilliant interpretation of Ukrainian history as a component of Central Europe (Hrytsak 2005).² As far as the study of contemporary Ukraine is concerned, however, I do not know of any example where a political scientist specialized in Poland, let alone Germany, France, or Scandinavian countries widened his/her scope to include Ukraine and produced internationally recognizable results. This requalification has happened, unfortunately, to the former Russia specialists or political scientists with a post-Sovietology background.³ I do not represent here the primordial view that Ukraine, “by nature,” is closer to Russia than to Poland. But one should not ignore the fact that post-Orange Ukraine, as was exactly the case with Ukraine under Kuchma, continues to be a country more understandable for those who know Russia or Belarus than those who are familiar with Central Europe. When this situation changes, the grouping of area specialists will change, too.

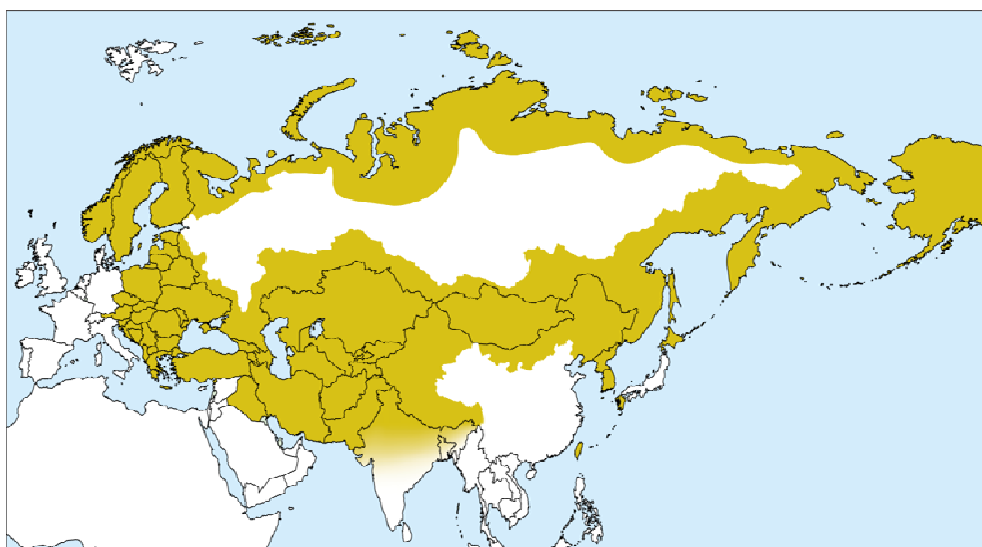
¹ For example, a leading specialist in Chinese politics in Japan, Kazuko Mouri, formulates this cognitive change in area studies as “from homogeneity to relations” (Mouri 2007).

² Unfortunately, it has not been well known that Japan has an influential *Mitteleuropa* school. See Hayashi (2007), Shinohara (2007), and Numano (2007), and other chapters in the same collection.

³ Excellent examples are Henry Hale and Oxana Shevel. Moreover, those who started as Ukraine specialists, such as Lucan A. Way, continue to produce analytic concepts by comparing this country with its Northern/Eastern, not Western, neighbors (Levitsky and Way 2007).

By the same token, I do not know of successful examples in which specialists of Western Europe expanded their scope to incorporate the Baltic or Visegrad countries, though quite a few researchers and research institutes currently classify these countries as a subregion of Europe. Linguistically, it is much easier for those who have a command of Russian to learn Ukrainian than for Germany specialists to do so. On the other hand, however, we have not found a name for the region to replace the retrospective designation of “former socialist countries.” Despite the SRC’s vigorous publications, conferences, and seminars, the word “Slavic Eurasia” continues to sound somewhat artificial. The quest for the very definition of this area will not be accomplished in the foreseeable future.

Program-21 found an important driving force for regional reconfiguration in post-communist Eurasia in activating political, economic, cultural, and strategic interactions between the peripheries of the former Soviet Bloc and its neighboring territories. These interactions took place, for example, between (1) East Central Europe and the European Union, (2) the Baltic countries / Russian Northwest and the Nordic countries, (3) Central Eurasia and Southwest Asia (the so-called Near East), (4) Central Asia and Sinkiang of China, and (5) the Russian Far East and Northeast Asia. Recent explorations of the Northern Polar Sea by Russia and the territorial debate between the countries fronting this sea should be regarded as another example of this regional reconfiguration. The activation of these transborder interactions surpassed the level that we had expected at the beginning of Program-21, and we came to the conclusion that the peripheries of the former Soviet Bloc and the neighboring territories are being merged into a group of new regions namable as the NBRs (see the map).

Because of the emergence of the NBRs, the characteristics of both the former socialist peripheries and their neighboring regions changed drastically. The Russian Far East cannot exist without mutual dependence on Northeast Asia. Shanghai, being a foothold of the Shanghai Cooperation Organization, is becoming a bridgehead to Eurasia. The Caucasus used to be a periphery of the Soviet Union, but this region is now like a magnetic field in which Russian, Turkish, and Iranian influences compete, even putting aside the United States and the European Union. It does not seem to be by chance that the first large-scale international conference focused on the South Ossetian conflict (August 2008), in which Russian, Georgian, Eurasian, and Western scholars took part, was held in Tehran in November 2008.⁴ Turkey influences the Caucasus and Central Asia through its Islamic and ethnic Turk networks, and thus reminds us of the pivotal role that the Ottoman Empire used to play in three continents. During the Cold War, Eastern Central Europe and the Baltic countries could easily demonstrate their *raison d'être* by their tacit resistance against Moscow, but now they face the difficult task of locating themselves amid the tempest of regional realignment of Northern Europe (Joenniemi 2007).

What Are the New Border Regions?

The NBRs are not newly born, but rather reborn, regions; they had taken shape before the beginning of the twentieth century, but the Russian Revolution, Cold War, and Sino-Soviet conflict artificially divided them into Soviet and opposing camps. After the Cold War, activating economic, social, cultural, strategic, and military interactions between the former Soviet Bloc and its neighbors resulted in the emergence of the NBRs surrounding Slavic Eurasia like a donut. This paper calls them “new” border regions only for the purpose of underscoring the differences between the classic and the revised versions; the latter reemerged after an interval of more than seventy years.

The border regions of Eurasia in the nineteenth-century were the focus of international competition, above all, between the British and Russian Empires. The competition around these regions created the cradle of modern geopolitics. Today, the NBRs have become territories of crucial geopolitical significance again, as is exemplified by the South Ossetian conflict in August 2008. Occupying a huge portion of land area and population of Eurasia, the NBRs weigh 28 percent and 33 percent of the world oil production and deposits, and 40 percent and 53 percent of the world natural

⁴ The Institute for Political and International Studies of the Iran MFA convenes an international conference on Central Asia and the Caucasus each year; the sixteenth annual conference held on October 28-29, 2008 focused on “Confrontation in the Caucasus: Roots, Dimensions and Implications.” Seventeen Iranian and thirty-two foreign participants presented papers.

gas production and deposits, respectively. Twenty-one of the fifty-five countries in the world that experienced more than 7 percent average annual GDP growth during 2000-2005 are located in the NBRs. During 1990-2006, nineteen of the fifty-seven cases of regional conflict in the world, with more than a thousand victims, took place in the NBRs. Over the last decade, great and regional powers competed around the issue of how to pierce the NBRs by oil and gas pipelines. The NBRs experienced environmental catastrophes in Chernobyl, Semipalatinsk-Karaganda, and the Aral Sea and continue to face the difficult task of managing environmentally vulnerable and hardly recoverable spots, such as the Okhotsk and Baltic Seas and the Siberian tundra. In short, the hopes and miseries of mankind coexist in the NBRs, and the problem of how we can realize democratic and effective governance and sustainable development in the NBRs will significantly affect the world's future.

The crucial importance of these border regions has attracted researchers' interest. Most of the popular topics in recent Slavic Eurasian studies, such as energy and pipelines (Tabata 2008), comparative or macro-regional studies of empires and religions (Miller 2007; Akiba 2007; Werth 2007), and the history of international relations and trade in Northeast Asia, require viewpoints striding the borders between Slavic Eurasia and the neighboring regions. A more compelling example is that one third of graduate students of the Slavic Division of Hokkaido University, for whose education the SRC is responsible, are specialized in the NBRs and therefore oblige themselves to learn languages outside Slavic Eurasia. When we were young, we competed around how many languages in Slavic Eurasia we knew, but contemporary young scholars prefer to choose topics that require the learning of, for example, Chinese, Korean, Persian, Turkic, and Arabic.⁵ This implies that we already have abundant young human resources to promote NBR studies on the one hand, but on the other, that Slavic Eurasian and other area studies will inevitably decline, if scholars stick to traditional division of labor.

NBR studies cannot be a simple extension of existing area studies. As mentioned above, we need additional language skills and methodologies beyond the borders between traditional area studies. During the Cold War, it was sufficient for Caucasus specialists to have a command of Russian and a few local languages. Currently, it is desirable to know Turkish and Persian additionally for an understanding of Caucasian politics. Disciplinarily also, we need to expand our methodological basis by incorporating, for example, Orientalist expertise. Orientalist knowledge, such as expertise in Islam and Eurasian nomad empires, will become all the more important in future

⁵ There has been an honorable academic tradition among Orientalists of knowing many languages often belonging to different families, but emerging NBR studies have universalized this practice.

Slavic Eurasian studies. Unfortunately, universities and academic institutes in the world are not ready to respond to these new challenges. NBR studies have so far been conducted under individual initiatives. Even world-leading institutes, such as the Davis Center and the Kennan Institute, have not launched collective projects focused on the NBRs. The SRC's recent initiative for this purpose failed to enjoy the government's support. Since NBR countries do not have developed area studies, one cannot expect local specialists to play a leading role. Moreover, in comparison with the admirable tradition of the border-crossing approach in historical studies of Eurasia,⁶ current analyses of the NBRs, even the best ones, are based on traditional geopolitics (see, for example, Lakoba 2005) or Eurocentric views (asking, for example, whether the European Union's Neighborhood Policy facilitates the democratization of Eastern Europe).⁷

Traditional versus Cultural Geopolitics

It is true that the NBRs, in a sense, are a renewal of the border regions of the nineteenth century, a field of competition between empires. However, the NBRs in the twenty-first century have important new features, incomprehensible by traditional geopolitics. First, while nineteenth century border regions were a passive object of colonial competition between the great powers, there are twenty-three newly independent and four unrecognized states in the NBRs,⁸ which sometimes manipulate the great powers.

	Classic Geopolitics (The 19th Century)	Cultural Geopolitics (The 21st Century)
Border Regions	Object of Imperial Acquisition	New Independent States
Actors	States	Transnational Actors
Resources	Military and Economic Power	Soft Power, Cognitive Crafting
Relations	Bilateral	Regional Organizations

⁶ For example, Robert D. Crews, who published a serious monograph on Islam in the Russian Empire (2006), is running a project on extraterritorialities that the Russian Empire enjoyed in Qajar Iran (2007). Michael Reynolds, who is a living bridge between Slavic and Near East studies, recently presented a paper on how the Armenian Revolutionary Federation (Dashnaktsutun Party) unfolded its activities striding the borders of the Russian, Ottoman, and Qajar Empires and criticized the essentialist notion of inevitable confrontation between Armenian nationalism and the Ottoman Empire (Reynolds 2008).

⁷ See, for example, [Lankina](#) and Getachew 2006.

⁸ This essay continues to count South Ossetia and Abkhazia as unrecognized states.

Secondly, traditional geopolitics mainly focused on states, while transnational actors such as religious organizations, NGOs, multinational corporations and interest groups, and transborder nationalities are playing growing roles in NBR politics. Criticism of a state-centered understanding of world politics and attention to non-state actors have a long historiography, traceable at least to a classic work by Robert O. Keohane and Joseph S. Nye (1970). If Keohane and Nye promulgated a new research agenda for transnational politics, 25 years later, Thomas Risse-Kappen and others (1995) tried to specify the agenda. Criticizing Keohane and Nye's zero-sum understanding of relations between transnational and traditional inter-state politics, Risse-Kappen examined under what conditions transnational (non-state) actors do matter.⁹

Thirdly, traditional geopolitics measured the military and economic strength of states, while crafting of cognitive elements (so-called soft power), such as historical discourse, geographic imagination, attractiveness of the political regimes, pervasive mass culture, sports, and cuisine, often affect the balance of power in the NBRs. Not only the United States and the European Union, but also China and Islamic countries and even recent Russia¹⁰ are spending huge sums of money to popularize their own spatial perceptions and historical consciousness (Euro-Atlanticism, Islamism, Neo-Eurasianism, Asian democracy, etc.).

Fourthly, this competition in soft power is conducted not so much through direct export of ideologies from the stronger to weaker countries as through manipulations of international organizations, such as the EU, Council of Europe, OSCE, Shanghai Cooperation Organization, and Organization of the Islamic Conference. One may regard these organizations' territorial jurisdictions as products of varying historical and geographic imaginations. The populations (at least the intelligentsia) in Central and Eastern Europe perceived their countries' EU accession as a "return" to what they once belonged to and "recovery" of historical justice, violated by Bolshevism. This sense of "return" or "recovery," even though quite dubious from an objective historical perspective, functions as a much more powerful driving force than, for example, a sense of "innovation" or "development" when people imagine new geographic units. One should not forget that the vigorous

⁹ Proposing an important concept of transnational coalitions, this book limits its interest to the activities of multinational corporations and international non-governmental organizations, while leaving aside religious organizations, trade unions, and revolutionary movements, which Keohane and Nye included in their collection. As a general tendency, however, the second wave of transnationalism exploits the constructivist methods popularized after its first wave and focuses on competition of ideas and "epistemic communities." On the second wave of transnationalism that followed Risse-Kappen's collection, see Orenstein 2006.

¹⁰ A recent initiative that the Russian government made was the attempt to establish the "Russian World" offices, aimed at calling for interest in Russian language and culture, at prestigious libraries and universities in the world. The Japanese branch was opened in Hakodate.

expansion of the Russian Empire was realized under the banner of “reunification.”

These characteristics listed above are not completely new. Transnational actors and spatial perceptions were important for the border regions of nineteenth-century Eurasia as well, but classic geopolitics lacked a vantage point from which to conceptualize their importance. Overall, classic geopolitics cannot be a sufficient tool to analyze the NBRs. We need methods to analyze not only states but also transnational actors, and not only the material but also the cognitive influences of these actors. This is why we propose a new set of methods classifiable under the name of “cultural geopolitics.” Cultural geopolitics aims to synthesize research agendas (such as empire and religion studies, transborder histories, and imaginary geography) developed under Program-21. A common feature of these genres is the endeavor to mobilize methods of humanities for the social sciences and current analyses.

The supremacy of the humanities over the social sciences seems to be a common feature of Japanese area studies. Like it or not, area studies in post-war Japan have been driven by the humanities, since neither the government nor business expected much from academic area studies. Education in the political sciences in Japanese graduate schools, with a few exceptions, mainly provides historical expertise, with negligible training in statistics, which should be indispensable for modern political scientists. The call for cultural geopolitics intends to capitalize on the merits of Japanese area studies (strong humanities), rather than to struggle to overcome the weaknesses. This should be a viable way to make Japanese area studies internationally competitive. Comparative advantage is not a rule solely applicable to economics. Furthermore, I will examine how expertise brought from the booming genres of the humanities, and empire and religion studies can be exploited for the social sciences and current analyses.

Historical Empires and the Contemporary World

During the past decade, we have experienced two intellectual trends of empires. The first is the notion of the contemporary world as imperial, typified by a renowned book coauthored by Michael Hardt and Antonio Negri (2000). The unilateral dominance of the United States (Forsythe et al. 2006) and the rapid growth of the information economy (Friedman 2005) also inspired the idea of the imperialized world. The second trend is the rising interest in empires in academic historical studies, exemplified by studies on the composite monarchies of Europe (Pocock 1975; Elliot 1992; Robertson 1994; Colley 1994; Armitage 1995, 1997, 2000; Canny 1998) and the North Eurasian

(Sugiyama, M. 2003; Sugiyama, K. 2008a, 2008b), Ottoman, Romanov, and Japanese Empires,¹¹ as well as by constructivist analyses of the religions and the confessional relations of empires.¹² However strange it is, one can hardly find a link between these two trends. When political scientists analyze current problems of ethnicity, religion, and state secession, they rarely refer to historical studies of empires.¹³

This situation becomes even more pronounced in regard to the territories of the former Russian Empire and the Soviet Union, since historians specialized in these territories have focused on ethnic and confessional relations and viewed the empire as no more than a background to these relations.¹⁴ Only a minority of historians (for example, Lieven 2001; Manyazato 2004; Marshal 2006) have been interested in imperial mechanisms per se. One cannot find a similar overconcentration on ethno-confessional factors in the studies of the British, Ottoman, Japanese, or other empires. This specific feature of imperial studies of Russia is a result of the coincidence of several factors: after the liberalization of the Soviet Union, foreign historians began to enjoy opportunities to explore local archives in non-Russian territories, and this change coincided with the period when constructivist methods flew into the post-Soviet historiography. Understandably, ethno-confessional issues became good test cases for this new method. The emphasis on ethno-confessional factors in Russian imperial studies, potentially, might provide valuable insights when we examine ethno-confessional relations developing in the former Soviet Union, but does not make historical empires a conceptual framework to analyze the contemporary world. We need, perhaps, to make the research trend of the Russian Empire closer to that of other empires, whereby scholars pay more attention to imperial mechanisms per se.

The socialist period separates the age of classic empires and the current world. Therefore, we may welcome the popularity that imperial interpretation of Soviet history enjoys today (Martin 2001). This new trend in Soviet studies might possibly bridge the gap between the two periods. The Soviet Union was an empire of affirmative action, which tried not only to “emancipate” nationalities, but also to designate and demarcate them from above (Grenburg 1999). The intensity of the affirmative action that these nationalities enjoyed strictly depended on the prestige of the territorial entities

¹¹ See an analysis of the Japanese Empire as a conglomerate of multiple law territories in Asano 2008.

¹² See numerous essays published in *Ab Imperio* and *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. An important origin of this approach is Kappeler 2001, the German original of which was published in 1993.

¹³ For example, Henry Hale (2008) starts his book on ethnic politics and secessions by describing his observation of standard norms for ethnic behaviors, with few references to histories of nationalities. I mention this not to criticize Hale, but to note the different traditions between American and Japanese political studies on ethnicity.

¹⁴ Alexander Semenov calls this approach “empire as context,” typified by Kappeler, while naming D. Lieven’s position “empire as instrument.”

granted to them: union or autonomous republic, or national district, etc. The Soviet authorities promoted national historiographies in order to justify this hierarchy of ethno-territorial formations, producing and theorizing specific notions of aboriginality (*avtokhtonnost'*) and titular nations. The ethno-territorial formations also tried hard to promote historians recruited from their titular nationalities to justify themselves. Understandably, these historians began to look for their ethnic roots in the ancient past, readily forsaking the Marxist axiom of nations being a bourgeois (modern) construction. Despite the apparent accusations of the precedent historiographies, primordial and territorialized notions of nation consistently strengthened from pre-Revolutionary, Soviet, and post-Soviet historiography (Uyama 2002). This is the reason that a historical dispute could become the prelude to a bloody civil war in the ruins of the Soviet Union and Yugoslavia (Maңызato 2007).

Only a few decades ago, a socioeconomic understanding of empires was predominant. This position was even mildly Marxist, modernized by Wallerstein's world-system theory. Scholars believed that empires were a result of uneven capitalist development that separated the world into metropolises and colonies. In other words, these scholars regarded empires as an attribute of a definite historical stage, which should be replaced by a system of nation states, and distinguished modern empires from their precedents. On the other hand, empire studies in the last decade have focused on institutional and ideational continuities between modern and premodern empires. The composite monarchy school in European history emphasizes the medieval origins of the conceptual and institutional components of composite monarchies. Specialists of North Eurasian empires emphasize the persistent influence of the nomad principles of state building: personal (non-territorial) states modeled after cavalier battle formation. These historians argue that North/East Eurasian history, at least, since the Great Yuan to the Qing Empire, should be interpreted as a single and consistent process (Sugiyama, K. 2008b), criticizing, as a corollary of their position, the conventional notion of the Qing Dynasty as a sinified nomad state (Sugiyama, M. 2003; Sugiyama, K. 2008a).

The imperial understanding of Russian history has largely been limited to the centuries after Peter the Great. In fact, however, the future Russia's imperial core emerged much earlier, during the thirteenth-fifteenth centuries. The Mongolian invasion in the first half of the thirteenth century terminated the Kyivan tradition of a federation of princedoms and in the latter half of the same century, Danil, the youngest son of Alexander Nevsky, established the Moscow Princedom. In the mid-fifteenth century, Russia's Orthodox Church factually became independent of the Constantinople Ecumenical Church, in the context of its resistance to Constantinople's attempt to unify with the Roman Catholic Church to be saved from Ottoman assault. In the same period, the Qipchāq Khanate split into the Kazan, Astrakhan, Sibir, and Crimean Khanates, the future

acquisitions of Russia. The rudiments of the Russian Empire were established during these fateful two hundred years on the very spot where the peripheries of three traditions—Kyivan Rus, Qipchāq, and the Constantinople Church—overlapped. This extraordinary location blessed the Moscow Princedom with not only opportunities to expand to incorporate these historical zones, but also the discourse to justify this expansion (invasion) as a “recovery” of the lost lands (in the cases of the former Kyivan Rus and Qipchāq) or “succession” of declining authorities (regarding the Constantinople Church). This was a situation quite similar to the rudiments of the Qing Empire born exactly on the spot where the Tibetan Buddhist, Sino-Confucian, and Great Yuan traditions overlapped. This location enabled the Manchurians to absorb these historical zones vigorously.

Thus, during the last decade, all imperial studies of Europe, Eastern, and Western Eurasia began to pay more attention to political ideas and institutions, rather than to the socioeconomic basis of empires, and to interpret modern empires in their continuity from premodern precedents. Ideas and values have come to be interpreted as resources (rather than norms), no less important than economic and military ones. Moreover, researchers, from global theorist Negri to scrupulous Orientalist Sugiyama, began to regard empires as continent-wide or trans-sea/-ocean *interactions*, rather than *territorial state entities*, however big they were. Even those historians who continue to see *empires as states* emphasize the lack of definite boundaries on their fringes. According to Toshiteru Matsuura, empires are “another name for ceaseless struggles to expand their frontiers.” Empires’ territorial frontiers are “constantly obscure and never fixed, because they are the fluid spheres of conflict between two momentums that expand and push back. When an empire gains demarcated, visible fringes, it is even possible to say that this ‘empire’ is already dead” (Matsuura 1997, 51-52). Alfred J. Rieber echoes this statement: “Empires differ most strikingly from nation states in their way of imagining and fixing their boundaries. The contrast stems from diverse conceptions of universalism and power. Imperial ideologies are inspired by the ideal of universal domination but accept limitations imposed by their own cultural traditions and the constraints of power politics” (Rieber 2004, 198).

Thus, overexpansion is a crucial attribute of empires. On the other hand, the intellectual boom of empires has been driven by widespread disappointment with the nation state system, incapable of overcoming environmental catastrophes, poverty, illiteracy, HIV, and ethnic-driven genocide. Previously, people imagined that the nation state system would replace the system of empires. But it has become clear that the nation state system, even putting aside its obsession with homogenization, is an unrealizable idea, nothing but the flaws of which make empires indispensable, exactly as the unrealizable ideal of socialism made black markets unavoidable. The overexpansion of empires and

the unattainable features of the nation state ideal, combined together, generate the unexpected negotiation power of peripheral actors vis-à-vis imperial cores. It would be unconceivable for heavily indebted countries, such as Georgia and Moldova, to twist the United States around their little finger if the world were constructed after the model of the nation state. But in an imperial world, the most indebted can be the most dictating, because the strongest needs to rule the fringes of its influence not only by military and economic means, but also by values and endless promises, as a result of which the strongest often becomes a hostage of its own discourse. This is one of the reasons that the NBRs have become not only objects of harsh competition between imperial cores, but also subjects determining this competition.

Thus, despite the present, unfortunate distance between historical and current empire studies, if the research trends described in this section—focus on imperial mechanisms, interest in socialist empires, the concept of empire as interaction rather than a territorial entity—develop, it will make historical expertise in empires more applicable to current studies.

Religions and Politics

Religious organizations are the most ancient actors of transnational (trans-state) politics; they mobilize people by cognitive resources. The collapse of the Soviet Union discredited the secular worldview that had been dominant under socialism. The oppression of religions ended. People visit churches, mosques, and synagogues not only to satisfy their individual spiritual quest, but also to reinforce their ethnic identity. The post-Soviet experience of religious revival provides compelling counterproof against the conventional equation of modernity with secularization, according to which religion should steadily become a private affair (Casanova 1994).

However, area study specialists have not been ready to pay the necessary attention to religions reviving in the former Soviet Union, perhaps because of inertia from the Soviet period when religions did not play an important role in society. One may notice several insufficiencies in the study of religions in the former Soviet territories: lack of cooperation between various academic disciplines dealing with religions and between specialists in different religions; poor conceptions of politics among religion specialists, who often concentrate on state-religion relations; insufficient fieldwork and uncritical reliance on historical and humanities expertise;¹⁵ and negligence of the

¹⁵ In Anglo-American countries, specialists in Eurasian Islam would seem to split between the Orientalists, versed in the theological and historical aspects of the issue but negligent in the current Muslim societies of the world, and those who are interested in current Islam from the viewpoint of conflictology and geopolitics, but with poor knowledge of

transnational features of religions, particularly Orthodoxy.

Researchers would seem to have devoted too much attention to state-church relations (moreover, their constitutional aspect),¹⁶ with the premise that Orthodoxy is a religion patronized by the secular state and, accordingly, propagates for its patron. Another premise of this approach is that Eastern Christianity is authoritarian and anti-civic by nature (Huntinton 1993; Prodromou 1996). Recently, researchers' concern about Putin-Medvedev's authoritarian tendency strengthened the notion of the ROC as a lesser ally or even an ideological instrument of the Russian secular authorities. However, based on the World Values Survey, Christopher Marsh finds that devout believers of the ROC tend to be more democratic and civic than non-believing Russians (Marsh 2005). The notion of the ROC as the secular state's instrument cannot explain the fact that Russia is a rare territory in the Orthodox world that the Pope has not been able to visit (and this was what Putin yearned to realize). In my view, the relations between the Russian secular authorities and the ROC are close to an alliance. Since this issue also concerns the spatial dynamism of Orthodox politics, we will return to it later. In any case, it is an urgent matter to incorporate as many new issues as possible into religion studies.¹⁷ To widen the scope of religion studies, we should recruit researchers, particularly political scientists, into religious studies.

Since 2003, when I launched a project on Islam in Dagestan, I made constant endeavors to describe the multiple political functions played by religions. In an essay coauthored with M.-R. Ibragimov, I described the Sufi brotherhoods in Dagestan playing pseudo party roles, representing ethnic, social, and clientelistic interests (Matsuzato and Ibragimov 2005). We also tried to overcome the conventional conflict-driven image of Dagestani politics by analyzing de facto pluralism realized through competition among Sufi brotherhoods as well as nested social and ethnic cleavages, which neutralize one confrontation by an alliance of the same actors in another sphere of life.¹⁸ Another stabilizing factor is the consociational behavior of the elite, according to which victors try to compensate losers' loss by providing them with another concession, rather than eliminating them

Islam as a religion. French scholarship has a more sound tradition of combining theological and political analyses of Islam (for example, see Peyrouse 2007).

¹⁶ Not only in regard to Russia, but also Romania, Orthodoxy specialists tend to concentrate on state-church relations. See, for example, Andreescu (2007).

¹⁷ For example, John and Carol Garrard focus on relations between the ROC and the Russian Orthodox Church Outside Russia, religious leaders' former collaboration with the security organs, and relations between the ROC and the Russian Army (Garrard 2008). A. B. Mitrofanova analyzes Orthodox "fundamentalism" (Митрофанова 2004).

¹⁸ For example, Russians are Orthodox Christians, the Nogais and Kумыks practice the Hanafi and Shafii school of Sunna respectively, and Azerbaijanis are Shiites, but they are allies when they encounter the massive migration of the Mountain Caucasians (the Avars, Dargins, Tabasarans, and Lezgins) to lowland Dagestan, though these Caucasians share the Shafii school of law with the Kумыks.

(Ibragimov and Matsuzato 2005). Moving to Islam in the Ural-Caspian macro-region, I identified close ties between the features of Islamic politics in each region and the regional population's spatial self-image and the regional administration's development strategy (Matsuzato 2007). In short, I devoted myself to enriching the concept of politics in religion studies.

Religious politics is characterized by spatial dynamism or active interactions between various levels, from communities to international relations. In religious politics, spatial perceptions of the world, often determining and determined by the image of co-believers abroad, play important roles. This is a widely accepted view in regard to Hasidic Judaism (Akao 2007) and Islam. For example, the Presidency of Religious Affairs of Turkey (Diyanet, or Muslim administration) dispatches lecturers of theology not only to Sunni Central Asia, Russian Muslim regions, and Crimea, but even to Shiite Azerbaijan. Moreover, it dispatches about twenty imams to Crimea.¹⁹ In contrast, Orthodoxy politics has been interpreted in the context of caesarism (though this is not a canonic term at all, but an accusatory label, similar to such terms as Stalinism and Trotskyism), sometimes to the extent that this concept is confused with the Protestant state church system.²⁰ In fact, however, the rules of the game in Orthodoxy were determined by the seven Ecumenical Councils by the eighth century, when sovereign states were neither existent nor conceivable. In 2006-2008, inspired by the fact that Abkhazia and Transnistria are located between the jurisdictions of the ROC and Romanian Orthodox Church, I argued that Orthodoxy politics are characterized by incongruence with secular state borders and are thus transnational by nature.²¹

In Orthodoxy, territorial incongruence between secular and religious borders sometimes has serious significance. Rhodes Island, a territory of Greece, belongs to the jurisdiction of the Constantinople Church. Antioch (belonging to Turkey) continues to be the formal residence of the Patriarch of the Syrian Orthodox Church. Recently, the Orthodox Church of Georgia (OCG) reintegrated Georgia's historical region of Tao in northeastern Anatolia into its jurisdiction after persuading the Constantinople Church and the Turkish secular government. In fact, it would be a caricature if the OCG continues to be built in the secular territories of the former Georgian SSR bestowed by the atheist Soviet state and, at the same time, hoists the slogan of "inviolable canonic territory" to resist the religious independence of Abkhazia and South Ossetia.

¹⁹ My interview with Mehmet Görmez, vice president of the Diyanet, on March 29, 2007 in Ankara.

²⁰ It is true that the ROC experienced two centuries of secular control by the Synod since the Petrine reform of 1721 until the Russian Revolution and perhaps this is a reason that Constantinople criticizes the ROC as inherently caesarist. Peter I's church reform was inspired by his contact with the state church ideology consolidating at that time in Protestant countries. See Cracraft (1971, ch. 1).

²¹ This essay, entitled "Inter-Orthodoxy Relations and Transborder Minorities around Unrecognized Abkhazia and Transnistria," will appear in *Religion, State & Society* in 2009.

Contrary to conventional wisdom, Orthodox politics are characterized by their contradiction with sovereign state principles. For instance, the ROC can neither recognize nor incorporate the unrecognized Abkhazian and South Ossetian Orthodox Church even if the Russian secular government has recognized Abkhazia and South Ossetia.²² The Kyivan Patriarchate, which claimed independence from the Moscow Patriarchate immediately after Ukraine's independence, has become a huge unrecognized church. Including President V. Yushchenko, many people seem to misrepresent the Kyivan Patriarchate's argument: it does not claim the right to be independent because of the Ukrainian state's independence; it argues that the very removal of the Kyivan Metropolitan See to Vladimir first and Moscow afterwards in the fourteenth century was uncanonic. This is why the debate between the Moscow and Kyivan Patriarchates reveals a feature of total war. Recognition of the Kyivan Patriarchate would imply negation of the whole history of the ROC. Another example of the transnational characteristics of Orthodox politics is Moldova, which has become a field of competition between the Russian and Romanian Orthodox Churches. As a result, relations between the Russian and Romanian Churches have become extremely hostile while secular relations between the two governments remain normal, whereas the ROC and OCG continued to keep amicable relations even when the two secular governments warred.

Considering the transnational religious politics described above, perhaps we need to assume a geographic unit called Western Eurasia, composed of Western Siberia, European Russia, Belarus, Ukraine, and other Black Sea countries, including Turkey, Caucasus, and Syria. Western Eurasia is a common stage for transnational politics run by Islam and Eastern Christianity (Orthodoxy and Monophysitism).²³

The Black Sea Rim as an Example of the NBRs

To conclude this essay, let me briefly examine transborder politics in the Black Sea Rim, a typical NBR, by employing the methods of cultural geopolitics described above. Recently, this region began to attract worldwide attention because of the South Ossetian conflict in August 2008 and the issue of unrecognized states in general, the constant instability of Ukraine and Georgia after the color revolutions in 2003-04, growing Islamism in Turkey, pipeline and energy diplomacy, the

²² If it does so, it will lose legitimacy to criticize the "violation of canonic law" by the Kyivan Patriarchate and the Romanian Orthodox Church in Ukraine and Moldova.

²³ Historical reconciliation between Orthodoxy and Monophysitism, which started in the 1990s and continues today, is another factor intensifying transborder politics in the Black Sea and Eastern Mediterranean Rims. This phenomenon directly affects the Karabakh conflict by spiritually consolidating the alliance between Russia and Armenia.

EU accession of Romania and Bulgaria, and the IOC's decision to hold the Winter Olympic Games in Sochi. However, academic references to this region have been based, at most, on classic geopolitics, identifying it as an arena of competition between the transatlantic alliance and Russia.

A way to view this region more substantially, from within, is to consider border-crossing political interactions as its inherent feature. The Black Sea Rim is located between Eastern Europe and the Near East. In Eastern Europe, nation building started late, but nevertheless, more or less stable nations have emerged. In the Near East, religious and linguistic specifics have made nation building extremely difficult and transborder minorities, such as the Kurds, Maronians, and Alevis, enjoy abundant chances to split national communities. It is because of this intermediary location of the Black Sea Rim that debate on national formation and state legitimacy often determines the life or death of states. In Eastern Europe, self-assertions by the Moravians, Kashubaians, and Samogitians (Lowland Lithuanians) do not have a serious impact on the state building of the Czech Republic, Poland, and Lithuania, while in the Black Sea Rim, debates around Moldavianist historiography and the existence (or non-existence) of the Mingrelians as a nationality may directly affect the state building of Moldova, Transnistria, Georgia, and Abkhazia. Poland, at least officially, does not address territorial demands to Lithuania, Belarus, and Ukraine, while in Romania, not only nationalist but also liberal parties cannot forsake the slogan of "restoration of historical Romania."

In 1990 both Lithuania and Moldova declared that the Molotov-Ribbentrop Pact was null and void from the very date of its signing. The legitimate counterargument that in this case, Lithuania should return Vilnius to Poland did not find any serious resonance in Lithuania, but in Moldova, the left bank immediately held a referendum to declare independence. In contrast to the Czech Republic and Poland, in the Black Sea Rim, even overtly pro-American governments such as those of Georgia and Romania are quite cautious in recognizing the independence of Kosovo. "Those who live in glass houses shouldn't throw stones."²⁴ It was not by chance that unrecognized states (Nagorno-Karabakh, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria) could only be consolidated in the Black Sea Rim, though tens of similar separatist movements were observed in the last years of the Soviet Union. If the situation in Eastern Europe is not conducive to civil war and the opposite is the case for the Near East, unrecognized states in the Black Sea Rim are institutionalized civil wars.

The Black Sea Rim is colored by vigorous transnational actors, such as religious

²⁴ My interview with Alexander Rondeli, president of the Georgian Foundation for Strategic and International Studies, on February 8, 2008 in Tbilisi.

organizations, NGOs, transborder nationalities, and multi-national corporations and interest groups.²⁵ While in Central and Eastern Europe, sovereign states control transnational actors under the guise of Euroregions (in other words, transnational actors are promoted because their obedience to sovereign states is secured), in the Black Sea Rim with the outlook of a classic sovereign state system, state boundaries are porous. Among transnational actors operating in this region, NGOs and multi-national corporations have been relatively well studied. For example, Shinkichi Fujimori (2005) and Margarita Balmaseda (2007) published excellent studies on Ukrainian gas traders. In view of the booming political economy approach to post-Soviet societies, their perspective seems to enjoy opportunities for further development. Furthermore, I focus on understudied issues or areas that are well known but whose transnational characteristics have been unnoticed: that is, unrecognized states, transborder nationalities,²⁶ regional powers, and religions. It is exactly these factors that make the Black Sea Rim an attractive test site for cultural geopolitics.

Despite their isolated image, the unrecognized states have been catalyzing transnational politics in the Black Sea Rim. The wars in the first half of the 1990s left a huge number of invalids, widows, and orphans, which motivated the development of various kinds of NGOs. In Abkhazia in 2006, with a population of only about three hundred thousand, seventy-two NGOs were in operation and had significant influence on the decision making of the Abkhazian government.²⁷ These NGOs are quite competent in submitting attractive proposals to the Western foundations to win grants, while only recently has the Russian government become interested in attracting them with financial aid. The second reason for the transnational characteristics of the politics around the unrecognized states is that a significant portion of their populations have their “external national (or confessional) homelands” outside the boundaries.²⁸ As a rule, the homeland population cannot be indifferent to the difficult living conditions of their co-ethnics and co-believers in the unrecognized states, caused by

²⁵ In the interwar period, leftist parties as branches of Komintern or Socialist International operated as typical transnational actors. In the contemporary world, however, many countries have adopted laws to prohibit or limit parties operating transnationally, supposing that such parties can easily become instruments for intervention in domestic politics by foreign powers. A typical example is the Armenian Revolutionary Federation (Dashnaktsutyun Party), created at the end of the nineteenth century to liberate Armenians from the three empires, Russian, Ottoman, and Qajar. Ironically, independent Armenia has often questioned the legality of this party, transnational by birth, and actually repressed it in the late Ter-Petrosyan period.

²⁶ The term “transborder nationalities” is widely used in anthropology, but not in political science.

²⁷ Interviews with Sokrat Dzhinadzholiya, director of the Caucasus Institute for Peace and Democracy (NGO) on August 17, 2006 in Sukhum; with Liana Kvarcheliya and Arda Inal-Ipa, leaders of the Center for Humanitarian Programs (NGO), on August 17, 2006 in Sukhum.

²⁸ I mean mainland Armenia for the Karabakh Armenians, North Ossetia for the South Ossetians, West Georgia for the Mingrelians in Abkhazia, Moldova, Russia, Ukraine, Turkey, and Bulgaria for the Moldovans, Russians, Ukrainians, Gagauz, Bulgarians in Transnistria, and Poland for the Catholic Poles in North Transnistria. As for the concept of “external national homelands,” see Brubaker 1995.

war, economic blockade, and international isolation and bashing.

Thirdly, despite the military tension, domestic politics in the unrecognized states has been competitive, whereas the elites in the surrounding countries have been deeply split around the issue of conflict regulation and future reconciliation. The harsh political competition in Karabakh in 1998-2000 and 2003-2005,²⁹ Abkhazia in 2004,³⁰ and Transnistria after 2005³¹ is well known. In 2001, Edvard Kokoity won the presidential election in South Ossetia by an insignificant margin. Many Ossetian observers, including his allies, remark that Kokoity would not have been re-elected in 2006 had it not been for the military conflict in 2004 and that no one but Saakashvili made Kokoity a national hero, who in fact behaves well in most critical military situations, without chewing his necktie. Nevertheless, even after August 2008, serious opposition to Kokoity continues in North Ossetia, targeting the presidential election of 2011. There are overtly pro-Moldovan forces in Transnistria and pro-Transnistrian forces in Moldova. Until the colored revolutions of 2003-04, the Russian government, not because of strategic calculation but because of domestic disagreement, continued a “no winner, no loser” approach, and was even ready to sacrifice the unrecognized states when it enjoyed amicable relations with E. Shevardnadze and V. Voronin. Even after the colored revolutions, there were strong pro-Georgian lobbies, such as Evgeny Primakov³² and Igor Ivanov,³³ in the Russian government. The Ukrainian elite community has been split between pro-Transnistrian and pro-Moldovan, as well as pro-Abkhazian (Ossetian) and pro-Georgian positions. All the actors listed above, harshly competing with each other domestically, coalesce with foreign actors with common opinion.

The forth reason for transnationalism caused by the unrecognized states is that the two decades of conflict regulation generated transborder expert communities.³⁴ My case study of Ossetia

²⁹ In 1998-2000, the civilian government under President Arkadii Gukasian struggled against the “military dictatorship” of the former field commanders led by Samvel Babayan, which ended up with the attempted assassination of Gukasian and the four-and-a-half-year imprisonment of Babayan. In 2003-2005, the left centrist opposition block of Movement 88 and the Armenian Revolutionary Federation (the so-called Dashnak Party) challenged Gukasian’s ruling party and even won the mayoral election of Stepanakert in 2004 (Matsuzato 2008, 101-106).

³⁰ In the presidential election of 2004, Sergei Bagapsh, opposition leader, challenged Raul Khadzhimba, who was the successor to the first president of Abkhazia Vladislav Ardzinba and supported by Putin, and eventually won (Skakov 2005; Matsuzato 2006, 137-145).

³¹ As a result of the parliamentary elections of 2005, Evgeny Shevchuk, the leader of the opposition party Innovation (*Obnovlenie*), became the speaker of parliament and began to compete with President Igor Smirnov (Matsuzato 2008, 113-114).

³² Russian foreign minister in 1996-98, prime minister in 1998-1999.

³³ Russian foreign minister in 1998-2004, secretary of the Security Council in 2004-07, who helped Saakashvili to reunify Ajara.

³⁴ As Armenia-Azerbaijan relations indicate, if the hostilities have been extremely harsh, this community failed to become relevant.

testifies that a transnational semiospace spanning the borders between Georgia, Russia, and Ossetia still exists even after the South Ossetian War in 2008. This semiospace is characterized by the Georgians' and Ossetians' mutual interest in the other's domestic politics, symmetry of issue perception,³⁵ and cross-border coalitions and confrontations of actors (Matsuzato 2009).

The existence of ample transborder nationalities often affects the politics of the Black Sea Rim. The existence of Transylvanian Hungarians makes the Romanian government show self-restraint regarding the Kosovo issue. The Hungarian, Slovak, and Rusyn populations in Transcarpathia make it difficult for the Ukrainian government to Ukrainianize this region; only Russian can be the language of interethnic communication. The Moldovan government used the Bulgarians in Gagauz as a counterweight to Gagauz separatism, while Transnistria succeeded in incorporating Bulgarians into the national community.

Another fact facilitating transnationalism in the Black Sea Rim is the existence of regional powers, Russia and Turkey. During the Cold War, Turkey was a stalwart of NATO in this region. As was the case with Korea, Turkey even sacrificed its democratization to win the Cold War. Yet after the Cold War, the European Union invited the former allies of the opposite camp, not Turkey, whose citizens, understandably, felt betrayed. Continuing negotiations for EU accession, Turkey conducts independent regional diplomacy, as exemplified by President Gul's historical visit to Armenia in September 2008, immediately after the South Ossetian conflict. Tactfully dodging United States' opposition, Turkey endeavors to develop its relations with Iran. Turkey did not chorus the accusation of Russia after the South Ossetian conflict; it is no secret that MFA leaders of Turkey dislike Saakashvili even personally. By recognizing South Ossetia and Abkhazia, Russia succeeded in stopping the expansion of NATO into the Caucasus. Despite these facts and despite the more than 7 percent annual economic growth these countries were achieving until 2008, they have not grown to be a match for the United States and the European Union. Unable to defy the transatlantic alliance at the interstate level, these countries try to expand their influence transnationally, by means of soft power, such as religion, popular and cyber culture, mobile phone networks, youth movement, and sports diplomacy.

Historically, the Black Sea has been an inner sea of Orthodoxy and Islam. Around this sea, the largest and second-largest Orthodox churches in the world, Russian and Romanian, and the eldest, Constantinople, are operating. Turkey has strong influence on Muslims in the former Soviet territories not only because of Hanafi theology, but also because of its historical advantage in having

³⁵ Irrespective of differing opinions, the Georgians and Ossetians share the priority of issues, commonly regarding a certain group of issues important, while others not.

provided the Russian Empire with a specific method of Muslim administration through a spiritual board (*Diyanet*), distinguished from the Arabic theocratic model and supposedly advantageous for modernization and secularization of the state.

As I argued above, Orthodoxy is a transnational religion, more similar to Islam and Catholicism than to the Protestant state church system. This is a natural result of history: while Protestantism was a twin of the modern sovereign state, Orthodoxy was born as an imperial religion and has remained as such. It is true that the split of the Ottoman Empire resulted in the split of the Constantinople Ecumenical Church and the emergence of a number of national churches, the jurisdiction of which almost overlaps the sovereign state boundaries. However, one should not forget that this process required several decades (for example, it took forty-seven years since the state independence of Romania for the emergence of the Romanian autocephaly).

Indisputably, the geopolitical features of the future Black Sea Rim will be determined by the question of whether the ROC will repeat the tragic fate of the Constantinople Church. Since the ROC learnt much from the experience of the Constantinople Church and accumulated theological and organizational know-how for its own survival even in the case of the demise of its patron, be it the Russian Empire or the Soviet Union, in my view, it will not easily surrender to split. In the nineteenth century, pan-Slavic sentiment urged a number of Russian Orthodox leaders to support the autocephaly movement in the Balkans, but the other part of the church opposed it, asking what they should do if the Georgian Orthodox leaders requested the same (Werth 2006). In the twentieth century, the ROC was forced into a canonical debate not only with the Russian Orthodox Church Abroad, but also with the emigre activists of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church. The ROC conflicted with the Romanian Church, which, in alliance with Nazi Germany, incorporated not only Moldova and Transnistria, but also South Ukraine into its jurisdiction. This protracted experience perhaps explains why the ROC unilaterally declared the federalization of its organization, raising the status of the Ukrainian, Belarusian, and Moldovan Churches to metropolitan sees at the beginning of 1990 (while it was not too late), whereas poor Mikhail Gorbachev would waste precious time, chattering around the issue of federalization of the USSR until the summer of 1991.³⁶

On the other hand, some Ukrainian Orthodox leaders hurried to create a patriarchate in 1992, without undergoing the necessary procedure for separation from the mother church, which has not gained recognition in the Orthodox world. Despite the furious endeavors of Ukraine's secular authorities, the Kiyvan Patriarchate has only organized 2,781 parishes and tangibly left behind 9,049

³⁶ Understandably, leaders of the Kyivan Patriarchate and the Romanian Orthodox Church criticize these “autonomies” as purely formal and hypocritical, and characterize the ROC as hypercentralized, as it used to be before.

parishes, which have decided to stay under the jurisdiction of the Moscow Patriarchate.³⁷ None of the official Orthodox churches in the world, including Romanian and Constantinople rivaling Moscow, recognize the Kyivan Patriarchate as canonic. Even in the eyes of “schismatic churches,” whose canonic legitimacy has been questioned, such as the Russian Orthodox Church Abroad and the Old Calendarist churches, Kyivan Patriarch Filaret is a source of contempt and ridicule. In 1992, Japanese Ukraine specialist Kazuo Nakai wrote that all four pillars (the CPSU, planned economy, Soviet Army, and ROC) sustaining the Soviet Union’s integrity had collapsed, but history has demonstrated that it is much more difficult to split church than state and army. Having criticized Nakai, I do not intend to intervene in the discussion around the legitimacy of the Kyivan Patriarchate. I am just noting that Orthodoxy politics, in constant need of canonic legitimization, are not compatible with quick solutions, in contrast to secular politics, in which any law is nullifiable if a party enjoys the support of a superpower.

In contrast to the Kyivan Patriarchate, which rushed to independence and, as a result, failed to be legitimate, the rivalry between the Russian and Romanian Orthodox Churches over Moldova, intensifying after 2006, poses a much more serious challenge to the ROC. In contrast to the Ukrainian secular authorities, which fully support the Kyivan Patriarchate, the Moldovan leaders, including pro-Romanian M. Snegur, recognized the Chisinau-Moldovan Metropolitan See of the ROC as the only legitimate Orthodox church in the country, and persistently rejected registration of the Bessarabian Metropolitan See (resumed in 1992) of the Romanian Orthodox Church as a judicial person. This see sued before the European Court for Human Rights, which in 2001, ordered the Moldovan government to register it and materially compensate for the loss that it suffered during the ten years of rejection. From that time on, Moldova became a field of competition between the two Orthodox churches.

Thus, all the factors briefly described in this section, Orthodoxy, Islam, transborder nationalities, unrecognized states, and regional powers, facilitate transnational politics in the post-Cold War Black Sea Rim.

Conclusions

Two decades of transnational activities of state and non-state actors after the Cold War have

³⁷ I rely upon neutral data provided by the RISU / “Religious Information Service of Ukraine” at Ukrainian Catholic University in Lviv (<http://www.risu.org.ua/eng/major.religions/orthodox.kp/>; <http://www.risu.org.ua/eng/major.religions/orthodox.mp/>, accessed December 4, 2008).

created the NBRs, which are of vital importance for mankind, and have academic potential to enrich the humanities and social sciences significantly. Unfortunately, area study communities in the world have not been ready to respond to this challenge, but continue to limit their scope according to the artificial division of labor created during the Cold War.

One cannot understand geopolitics in the twenty-first century solely through the prism of military, economic, or other material means. Rather, cognitive crafting plays all the more crucial a role in determining geopolitical competition. This is especially true for the multiethnic and multiconfessional NBRs, in which various geographic and historical imaginations compete. Learning from the most progressive spheres in the humanities, such as imperial and religion studies, transborder history, and imaginary geography, we might create a set of approaches called cultural geopolitics.

To include booming empire studies in the arsenal of cultural geopolitics, we ought to bridge historical and current empire studies by focusing on imperial mechanisms, deepening the study of socialist empires, and conceptualizing empires as interactions, rather than state entities. By all appearances, the twenty-first century is becoming a century of religions. In particular, it is difficult to overemphasize the importance of religions in the geopolitics of the NBRs. The massive participation of researchers of various disciplines in the study of religions will break its traditional narrow scope and make religion studies an indispensable subgenre of area studies.

References

- Admiraal, B. M. 2007. A Religion for the Nation or a Nation for the Religion? Putin's Third Way for Russia. Paper presented at the AAASS Convention, November 15-18, New Orleans.
- Akao, M. 2007. A New Phase in Jewish-Ukrainian Relations: Problems and Perspectives in the Ethno-Politics over the Hasidic Pilgrimage to Uman. *East European Jewish Affairs* 37 (2): 137-155.
- Akiba J. 2007. Preliminaries to a Comparative History of the Russian and Ottoman Empires: Perspectives from Ottoman Studies. In *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo: SRC. P. 33-48.
- Andreescu, L. 2007. The Construction of Orthodox Churches in Post-communist Romania. *Europe-Asia Studies* 59 (3): 451-480.
- Armitage, D. 1995. The Scottish Vision of Empire: Intellectual Origins of the Darien Venture. In *A Union for Empire: Political Thought and the British Union of 1707*. Edited by Robertson, J. Cambridge: Cambridge University Press.
- Armitage, D. 1997. Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World 1542-1707. *Past and Present* 155: 34 – 63.
- Armitage, D. 2000. *The Ideological Origins of the British Empire*.
- Asano, T. 2008. *Teikoku Nihon no shokuminchi housei. Houiki tougou to teikoku chitujo* [Colonial Laws of Imperial Japan: Integration of Law Territories and the Imperial Order]. Nagoya: Nagoya University Press.
- Balmaceda, M. M. 2007. *Energy Dependency, Politics and Corruption in the Former Soviet Union: Russia's Power, Oligarchs' Profits and Ukraine's Missing Energy Policy, 1995-2006*. London: Routledge.
- Brubaker, R. 1995. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe. *Daedalus* 124 (2): 107-132.
- Canny, N. P. 1998. The Ideology of English Colonization: From Ireland to America. In *Theories of Empire, 1450-1800*. Edited Armitage, D. Aldershot: Ashgate. P. 179-202.
- Colley, L. 1994. *Britons: Forging the Nation 1707-1837*. London: Yale University Press.
- Cracraft J. 1971. *The Church Reform of Peter the Great*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Crews, R. D. 2006. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Crews, R. D. 2007. Russian Power and the Local Politics of Qajar Iran. Paper presented at the Winter International Symposium, “Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts,” held at the SRC, Hokkaido University, on December 4-6, 2007.
- Elliot, J.H. 1992. A Europe of Europe of Composite Monarchies. *Past and Present* 137: 48-71.
- Forsythe, D. P. et al. eds. 2006. *American Foreign Policy in a Globalized World*. London: Routledge.
- Friedman, T. L. 2005. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Fujimori, S. 2005. Ukrainian Gas Traders, Domestic Clans and Russian Factors: A Test Case for Meso-Mega Area Dynamics. In *Emerging Meso-areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Edited by Matsuzato, K. Sapporo: SRC. P. 113-136.
- Garrard J. & C. 2008. *Russian Orthodoxy Resurgent: Faith and Power in the New Russia*. New Jersey: University Presses of California, Columbia and Princeton.
- Gerenburg, M. 1999. Identity Change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and Back. *Ethnic and Racial Studies* 22 (3): 554-580.
- Hayashi, T. 2007. Masaryk's 'Zone of Small Nations' in His Discourse during World War I. In *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*, edited by Hayashi T. and Fukuda H. Sapporo: SRC. P. 3-20.
- Hale, H. 2008. *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hrytsak, Y. 2005. One Sails and Gales, and Ships Driving in Various Directions: Post-Soviet Ukraine as a Test Case for the Meso-Area Concept. In *Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Edited by Matsuzato, K. Sapporo: SRC. P. 42-68.
- Huntington, S. 1993. Clash of Civilizations? *Foreign Affairs* 72 (3).
- Ibragimov M.-R. and Matsuzato, K. 2005. Alien but Loyal: Reasons for the ‘Unstable Stability’ of Dagestan, an Outpost of Slavic Eurasia. *Emerging Meso-areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Sapporo: SRC. P. 221-246.

- Ieda, O. 2007. Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia: Focused on Eastern Europe. In *Emerging Meso-areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Edited by Matsuzato, K. Sapporo: SRC. P. 19-41.
- Joenniemi, P. 2007. Regionalisation as Europe-Making: The Case of Europe's North. In *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present* edited by Hayashi, T. and Fukuda, H. Sapporo: SRC. P. 21-45.
- Kappeler, A. 2001. *The Russian Empire: A Multi-ethnic History*. Harlow, England: Longman.
- Keohane, R. O. and Nye, J. S., Jr., 1970. Ed. *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Lakoba, S. 2005. Abkhazia under the Conditions of the Division of the World. In *Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* Edited by Matsuzato, K. Sapporo: SRC. P. 349-371.
- Lankina, T. V. and Getachew, L. 2006. A Geographic Incremental Theory of Democratization: Territory, Aid, and Democracy in Postcommunist Regions. *World Politics* 58 (4): 536-582.
- Levitsky S. and Way L. A. 2007. Election without Democracy. The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy* 13 (2): 51-65.
- Lieven, D. 2001. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven and London: Yale University Press.
- Marsh, C. 2005. Orthodox Christianity, Civil Society, and Russian Democracy. *Demokratizatsiya* 13 (3): 449-462.
- Marshall, A. 2006. *The Russian General Staff And Asia, 1860-1917*. London: Routledge.
- Martin, T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, N.Y. and London: Cornell University Press.
- Matsuura, T. 1997. Teikoku no hyosho [Perception of Empire]. In *Teikoku toha nanika [What Is Empire?]*. Edited by Yamauchi M. et al. Tokyo: Iwanami Publishers.
- Мацузато К. 2004. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Под ред. И. Герасимов и др. Казань. С. 427-458.

- Matsuzato, K., Ibragimov, M.-R. 2005. Islamic Politics at the Subregional Level of Dagestan: Tariqa Brotherhoods, Ethnicities, Localism and the Spiritual Board. *Europe-Asia Studies* 57 (5): 753-779.
- Мацузато К. 2006. Патронное президентство и политика в сфере идентичности в непризнанной Абхазии. *Acta Eurasica* 4: 137-145.
- Matsuzato, K. 2007. Muslim Leaders in Russia's Volga-Urals: Self-Perceptions and Relationship with Regional Authorities. *Europe-Asia Studies* 59 (5): 777-803.
- Matsuzato, K. 2008. From Belligerent to Multi-ethnic Democracy: Domestic Politics in Unrecognized States after the Ceasefires. *Eurasian Review* 1: 101-106.
- Matsuzato, K. 2009. The Five-day War and Transnational Politics: A Semiospace Spanning the Borders between Georgia, Russia, and Ossetia. Forthcoming in *Demokratizatsiya*.
- Miller, A. 2007. The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery. In *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo: SRC. P. 19-32.
- Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004.
- Mouri, K. "Higashi Azia Kyodotai" wo sekkei suru: gendai azia gaku heno charenji [Designing an 'East Asian Community': A Challenge to Contemporary Asia Studies]. In *Higashi Azia kyodotai no kochiku. 1. Aratana chiiki keisei* [Making the East Asian Community. Vol. 1. A New Regional Formation]. Edited by Yamamoto, T., Amako, S. Tokyo: Iwanami Publishers, 2007.
- Numano, M. Is There Such a Thing as Central (Eastern) European Literature? An Attempt to Reconsider 'Central European' Consciousness on the Basis of Contemporary Literature. In *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present* edited by Hayashi, T. and Fukuda, H. Sapporo: SRC. P. 121-134.
- Orenstein, M. A. and Hans P. S., 2006. The New Transnationalism and Comparative Politics. *Comparative Politics* 38 (4): 479-500.
- Paxson, M. 2005. *Solovyovo: the Story of Memory in a Russian Village*. Woodrow Wilson Center Press/Indiana University Press.
- Peyrouse, S. 2007. Islam in Central Asia: National Specificities and Postsoviet Globalisation. *Religion, State & Society* 35: 3 (2007): 245 – 260.
- Plokhy S. 2007. Beyond Nationality. *Ab Imperio* 4: 9-46.

- Pocock, J. G. A. 1975. British History: A Plea for a New Subject. *The Journal of Modern History* 47 (4): 601-621.
- Prodromou, E. 1996. Paradigms, Power, and Identity: Rediscovering Orthodoxy and Regionalizing Europe. *European Journal of Political Research* 30 (2): 125-54.
- Risse-Kappen, T. 1995. Ed., *Bringing Transnational Relations Back In: Non-State Actors, Domestic Structures and International Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson, J. 1994. Union, State and Empire: The Britain of 1707 in its European Setting. In *An Imperial State at War: Britain from 1689 to 1815*. Edited by Stone, L. London: Routledge.
- Shinohara, T. 2007. Historical Consciousness and Civil Ethics: Debating the 'Painful Past' and Reviving 'Central Europe' among Dissident Circles in the 1980s. In *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*, edited by Hayashi T. and Fukuda H. Sapporo: SRC.
- Skakov, A. 2005. Abkhazia at a Crossroads: On the Domestic Political Situation in the Republic of Abkhazia. *Iran and the Caucasus* 9 (1): 159-185.
- Sugiyama, K. 2008a. Daishin teikoku shi kenkyu no genzai. Nihon niokeru gaikyo to tenbo [The Current Situation of the Study of the Great Qing Empire: Survey and Perspectives in Japan]. *Toyo bunka kenkyu [Oriental Culture Studies]* 10: 347-372.
- Sugiyama, K. 2008b. Minsho no Manchuria shinshutsu to joshin-jin kibieisho-sei: Yurashia kara mita posuto-Mongoru jidai no Hoppo sekai [Early Ming's Advance to Manchuria and the Institution of Jusen Commanderies: The Northern World of the Post-Mongolian Epoch, Viewed from Eurasia]. In *Chusei no Hokuto Ajia to Ainu: Nurugan Einei-ji hibun to ainu no hoppo sekai [Medieval Northeast Asia and Ainu: Epitaph of the Nu'ergan Einei Temple and the Northern World of the Ainu]*. Tokyo: Takashi Publishers. P. 105-134.
- Sugiyama, M. 2003. Teikoku-shi no myakuraku: Rekishi no nakano moderu-ka nimukete [The Context of Imperial Histories: Towards Modeling in History]. In *Teikoku no kenkyu: Genri, ruikai, kankei [Empire Studies: Principles, Typology, and Relations]*. Nagoya: Nagoya University Press. P. 31-85.
- Tabata, S. 2008. *Energy and Environment in Slavic Eurasia: Toward the Establishment of the Network of Environmental Studies in the Pan-Okhotsk Region*. Sapporo, SRC.
- Werth, P. 2006. Georgian Autocephaly and the Ethnic Fragmentation of Orthodoxy. *Acta Slavica Iaponica* 23: 74-100.
- Werth, P. 2007. Imperiology and Religion: Some Thoughts on a Research Agenda. In *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*. Sapporo: SRC. P. 51 – 67.

Session I : Concepts and Issues of Eurasianness

Eurasian Studies : A Critical Review

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”
Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Seongjin Kim

Professor
Duksung Women's University,
Seoul, Korea

skimgla@duksung.ac.kr

Eurasian Studies: A Review¹

I. Introduction

The purpose of this study is to conduct a brief review of Eurasian studies, that has relatively ‘newly’ emerged, and to find methodological implications for research agenda. The term Eurasia has widely been used particularly in geography and geology. It covers Europe and Asia, and is considered a supercontinent, or part of supercontinent of Afro-Eurasia. The term has also been used in geopolitics, the coverage of which tended to vary depending on the context, but often limited to identity a specific propensity, particularly in the context of Russian history and politics.

However, the term Eurasia became more popular after the collapse of the Soviet Union. After the Cold War, geographical borders of international activities have changed: political and socio-economic interactions between the countries that had been demarcated by the ‘iron curtain’, e.g. East European Countries and the European Union (EU), and between Turkey and Central Asian Countries, have expanded. Together with the increasing socio-economic and cultural flows across international border or border of the blocs of the Cold War period, norms and orders in the region have undergone complete changes. Geopolitical confrontations particularly between the US and Russia, and growing interests of oil and gas in the region also attracts academic attention. In the process Eurasian studies might have become an alternative to Russian and East European Studies in which research resources become scant.

Watching an emerging new research area is a thrill, particularly when it may provide researchers with challenging new agenda, and readers with a chance to assess the findings of comparative analyses and area studies. Analyses of smaller group of states may provide comparative theories with more cases suggesting a compromising emphasis between peculiarity and generalization. However, it is, at the same time, a demanding task to understand peculiarities and regularities of new orders, particularly when the situation is unstable: the boundary of the region itself is vague; Eurasianism has been employed as a banner of either side of opposite inclinations; time-series data sets are unavailable; behavior of actors often overturns existing findings; and meanings of widely accepted proxy variables may collapse.

Where has the term come from, and what does it mean? Boundary of Eurasia remains to be

¹ This draft is prepared for the presentation at the First International Conference of the HK Eurasia Research Project, and is unsuitable for citation.

redefined. Eurasianism as an identity, whether self-invented or labeled by outside, imposed ‘from above’ or rising ‘from below’, intrinsic or instrumental, has been argued to show affinity to a particular political and socio-economic system. However, Eurasianism in Russia and Ukraine are said to have different orientation. Comparative findings frequently failed to provide ‘Eurasian politics’ students with not only predictions, but also consistent explanation of political development in the region. Furthermore, Western experiences in the process of democratization often failed to maintain their explanatory power when they were applied to the transition of the former socialist countries. In particular, theories have revealed their limits in predicting the direction of transition, as they failed to forecast *perestroika*. Although it does not necessarily deny democracy itself, ‘a third way’ marginalizes the discussion of democratization as it shook its basic presumptions. As a result, emphasis on the peculiarities again seeks to strengthen its position, limiting the efforts for generalization.

Why it is getting more difficult to find a consistent and more generalized explanation for the transition of the former socialist countries? As Chua noted (Chua 2003), ‘dual transition’ could be an answer. We might have applied a right theory to a wrong case. We might have applied a wrong theory to either wrong or right case. Or we might have applied to a right theory to a right case, but in a wrong way. In this study, first of all, I would like to examine the meaning of Eurasia and Eurasianism, and methodological gap between existing comparative and Eurasia studies. Secondly, butterfly effect in this context suggests that a small variation in the initial conditions upon which a theory is based, but often ignored in the process of generalization, may result in a sharp decrease in explanatory power of the theory. In this context, existing literature of civil society and its role in the transition in the Eurasian countries could be a good example, and to be examined. Third, this paper also tries to investigate problems at the micro level of analysis. For instance, statistical analyses of electoral behaviors in the former socialist countries including Russia have been said to fail to provide prediction or be easily overridden by an elite factor. The problems come not only from peculiarity of Russian elections, but also from the failure of proxy variables that fail to reflect original consideration in the Russian context.

What makes it difficult to generalize findings of Eurasian studies, imposing barriers to the applications of comparative understandings to Eurasian context? Peculiarities of Eurasian regions may an answer: simply it is just incorrect to apply Western experience to Eurasian cases, exaggerated it may be, one may say. Chaos theory, however, suggests that regularities exist even in a chaotic system, and thus briefly reviewed to borrow some concepts from it.

II. Why Chaos Theory in Eurasian Studies

Existing literature of Eurasian Studies, territorial boundary of which is yet to be defined, appears to show difficulties in predicting and generalizing the course of transitions in Eurasian countries. As the term transition suggests, the destination of transition remain unclear. Although the term was intended to maintain neutrality in the assessment of the goals and performance of a system in transit, such a concept renounces a strong merit of reference structure of understanding that has been established by existing studies. It has not only made targets of transition vague, but also incurred the collapse of causality relationship among variables as if trying to establish an equation of $y=ax+p$ for unknown y .

Another problem comes from the fact that variables are incessantly changing as the norm of a society itself has altered, particularly when we limit our discussion to former socialist countries. Furthermore, no norms are strong enough to replace Soviet ones, making it difficult to predict behaviors of actors at various levels. Such instability also threatens causality among various variables that has carefully been established in western literature. Efforts have been made to investigate causal relationship of thought-to-be independent variables to the goals of transition presuming it as democratization, institutionalization, or marketization, only to achieve a limited success.

Such instability indicates that it may be difficult to produce a short-term prediction, particularly in former socialist countries in Eurasia. Furthermore, transition in those countries suggests that we are not observing non-linear dynamics, “which refer to systems whose changes are not in a straight line, but is disorderly.” If it is a case, an alternative approach is required in Eurasian studies.

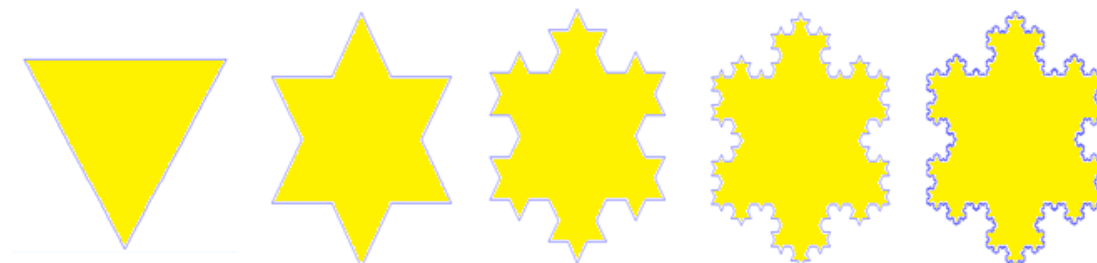
In this context complexity or chaos theory provides readers with useful suggestions. Chaos or irregularity has become one of the field of research in mathematics, physics, biology, and chemistry in the 1970s. Chaos theory is to predict irregular development of a dynamic system, where long term prediction is possible only with analogues values:

Physiologists found a surprising order in the chaos that develops in the human heart, the prime cause of sudden unexplained death. Ecologists explored the rise and fall of gypsy moth populations. Economists dug out old stock price data and tried a new kind of analysis. The insights that emerged led directly into the natural world—the shapes of clouds, the paths of lightening, the microscopic intertwining of blood vessels, the galactic clustering of stars (Gleick 1987).

According to Chaoticists, chaos is a deterministic system where disorderly looking long-term evolution, that is non-linear and non-periodic, is made. A chaos system is featured by its sensitive dependency to initial conditions; it means a tiny unimportant event at the initial state can bring long-lasting huge changes. Butterfly effect, the concept devised by Edward Lorenz, meteorologist, demonstrated the causal relationship between seemingly unimportant and thus logically ignorable incident, flap of butter fly wing in Brazil, and Tornado in Texas (Lorenz 1972).

Non-linear and non-periodic it may be, a chaos system consists of attractors and fractals, abstract geometrical nature of chaos, which looks the same “when examined from far away or nearby.” The term fractal, similar at all levels of magnification, i.e. self-similarity, was revived by Mandelbrot in 1975 as fractal geometry (Mandelbrot 1982), though mathematic interests of fractals traced back to 19th Century (see Figure 1). Fractals are found in the nature such as trees, mountains, and clouds, snowflakes, lightning bolts, and cauliflower, broccoli, and so on.

Figure 1. A Fractal: Koch’s Snowflake

In sum chaos is not an absolute disorder, but non-linear regularities. A complex system differs from a simple system which is based on reductionism and Euclidian geometry. In particular, a simple system is believed to be understood by a feedback system that is self-contained and equilibrium, while a complex system is influenced by other systems and keeps changing as in real nature within which chaotic behaviors in a certain boundary are found. Complex/chaos theory shows limits of reductionism. It draws our attention to non-linear changes of a system that helps to find non-linear regularities in seemingly disorder. It also demands attention to the sensitivity of initial conditions that have often been ignored in the generalization process that seeks linear causality and equilibrium.

III. Eurasia and Eurasianism Revisited

Eurasia studies emerged after the collapse of the Soviet Union, though it may not be sudden. However, the territorial boundary of Eurasia appears confusing and vague. The term Eurasianism indicates an identity of a collective group of people who shares a certain feature of the region. During the Soviet period Eurasianism was defined within the boundary of the Soviet Union. The collapse of the Soviet Union, however, enables ‘newly independent states’ to interpret Eurasianism at their disposal, producing numerous variations of Eurasianism. The vagueness of the boundary of Eurasia indicates that there exists confusion in and outside the area, and the rise of variations of Eurasianism shows the contradiction of identity or self-recognition in the area.

Geographical boundary of Eurasia covers Europe and Asia, as the term literally indicates. However, Eurasia studies often cover former socialist countries, and thus exclude Korea and Japan. In some literature the term Eurasia covers republics of the former Soviet Union that exclude Central/Eastern Europe and Russia (Zirin et al. 2007), or post-socialist republics as a whole (Buckley et al. 2008; Beissinger & Young 2002). However, the term has often been expanded to cover wider range of territories. For instance, Weisbrode defined his research boundary of Central Eurasia to be stretched “from the Bosphorus in the west to the eastern border of the Chinese province of Xinjiang, and from Kazak steppe in the north to the Indian Ocean in the South” (Weisbrode 2001). According to Weisbrode’s definition, the term Eurasia is expanded to cover “Afghanistan, northern Iran, the northern Caucasus, north-western China, and Kashmir and the Tibetan plateau,” pointing out that existing definition is too narrow:

Immediately following the collapse of the Soviet Union, there was a tendency to consider the region narrowly as the southern tier of the former empire, which post-Soviet Russia has termed the ‘near abroad.’ This definition supported the widespread view in both the former Soviet Union and the West that the former Soviet territories were linked by some common factor, and that most geopolitical issues in the region could be reduced to either favoring or opposing Russian hegemony. Within this regional concept existed an older sub-division that made use of the most obvious geographic boundary—the Caspian Sea—to bisect the region into the South Caucasus, comprising the three former Soviet states of Armenia, Azerbaijan, and Georgia; and Central Asia, comprising the five republics east of the Caspia—Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan

These Definitions are oversimplifications for two reasons. Firstly, the emphasis on the old Soviet borders not only promotes the fiction that the Commonwealth of Independent States(CIS) is the most potent force in the region's affairs, but also

excludes territories with important historic, ethnic, and cultural ties to Central Eurasia. These territories include Afghanistan, northern Iran, the northern Caucasus, north-western China, and Kashmir and the Tibetan plateau.

Secondly drawing a line down in the middle of Caspian and asserting the geographical separation of Caucasus from Central Asia suggests an east-west division that believes the economic and political links between the two territories, notably in the area of hydrocarbons. The trans-Caspian division may be meaningful to China or India, which have far more reason to be concerned about events on their borders than in the faraway Caucasus, but makes less sense for Iran, which border both sides divides, or for Europe or the US, which border neither (Weisbrode 2001, pp. 11-13).

After the collapse of the Soviet Union, defining geographical boundary of the area that located between Europe and Asia has become more challenging task among policymakers as well. As for the US, the US-Soviet relations were in charge of the European bureau of the State Department, although “the Soviet Union had been the biggest country in Asia, and still the biggest power in Europe as well as in Asia.”² However the boundary became confusing when the Soviet Union collapsed and not all of the former Soviet republics are in Europe. Rumer observed “the fusion of geographic consideration and bureaucratic politics produced a new definition of Eurasia.”³

Eurasian studies also appear to be confusing in their territorial boundaries. Central Eurasian Studies Society (CESS) of the US defines its boundary to include Turkey, Mongolia, Iran, Caucasus, Tibet, and others.⁴ Eurasia Studies Fellowships limits their supporting researches to the area include Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Russian Federation, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine and Uzbekistan.⁵ The program includes Russia but not Baltic states. World policy Institutions’ Russia project and Eurasia Project cover the CIS, Central Europe, Baltic states, Afghanistan, Iran, Pakistan, Turkey, and so on.⁶

Many programs or departments of universities in the US also embrace ‘Eurasia’ in their titles whether they clearly demarcate their research boundaries.⁷ The Central Eurasian Studies World Wide, program on Central Asia and the Caucasus at Davis Center for Russian and Eurasian Studies,

² Eugene Rumer, “Eurasia a New World Order?” *Carnegie Report*, vol. 3, no 4, in http://www.carnegie.org/reporter/12/eurasia/index5_low.html.

³ Ibid.

⁴ <https://www.cess.muohio.edu/>.

⁵ <http://programs.ssrc.org/eurasia/fellowships/>.

⁶ <http://www.worldpolicy.org/projects/eurasia/detail/economic.html>.

⁷ However, the Ellison Center at University of Washington adheres to the old fashion; Russian, East European, and Central Asian Studies. <http://jsis.washington.edu/ellison/>.

Harvard University, geographically extends the term Central Eurasia to the five former Soviet Central Asian republics—Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan—as well as closely related neighboring regions ranging from Eastern Turkistan, Mongolia, Tibet, Afghanistan and Iran, the Caucasus, Muslim-, Turkic-, and Mongol inhabited regions of Russia, etc.⁸ The Department of Central Eurasia Studies, formerly Department of Uralic and Altaic Studies (1965-1993) at Indiana University defines Central Eurasia as “the vast heartland of Europe and Asia extending from Central Europe to East Asia and from Siberia to the Himalayas.”⁹ The Centre for Russian, East European, and Eurasian Studies at the University of Kansas, maintains their regions of interests “from new European Union members in the west to the Russian Far East; from indigenous peoples of the Arctic to traditionally Islamic societies of the South Caucasus and Central Asia,” and the language program covers Bosnian/Croatian/Serbian, Czech, Polish, Russian, Slovene, Turkish, Ukrainian, and Uyghur, suggesting that the term Eurasia in this context covers Turkic and Uyghur people.¹⁰ Other Soviet related programs or institutions changed their names sometimes without clear demarcation of territorial boundary: the Russian and Eurasian Studies (RES) at Princeton University;¹¹ Russian and Eurasian Studies at Johns Hopkins University;¹² Berkeley's become Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies at UC Berkeley;¹³ Center for Russian, East European, and Eurasian Studies at Stanford University;¹⁴ Russian, East European, and Eurasian Center at Illinois at Urbana-Champaign;¹⁵ and Russian, Eurasian, and East European studies of the Harriman Institute at Columbia University;¹⁶ the University of Chicago Center for East European and Russian/Eurasian Studies.¹⁷

However, research institutions in the UK tend to remain in traditional fashion: British Association of Slavic and East European Studies;¹⁸ Department of Central and East European Studies at University of Glasgow;¹⁹ Centre for Russian and East European Studies at Birmingham

⁸ <http://lists.fas.harvard.edu/mailman/listinfo/central-eurasia-l>.

⁹ <http://www.indiana.edu/~ceus/index.shtml>.

¹⁰ <http://www.crees.ku.edu/about/index.shtml>.

¹¹ <http://www.princeton.edu/~restudy/soyuz.htm>.

¹² It does not clearly define the area of research though the course programs include post-communist countries, Caucasus, Central and East European countries, Central Asia and Caucasus Basin. <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/res/index.htm>.

¹³ <http://iseees.berkeley.edu/>.

¹⁴ <http://creees.stanford.edu/>.

¹⁵ <http://www.reec.illinois.edu/>.

¹⁶ <http://www.harrimaninstitute.org/>.

¹⁷ <http://ceeres.uchicago.edu/>.

¹⁸ <http://www.basees.org.uk/>.

¹⁹ <http://www.gla.ac.uk/cees/>.

University;²⁰ the School of Slavonic and East European Studies at University College of London;²¹ and Department of Russian and Slavonic Studies and Nottingham Institute for Russian and East European Studies at University of Nottingham.²² The term Eurasia is found a couple of institutions in the UK, e.g. Russian Eurasian Centre at St Anthony's College at Oxford University,²³ although Russian and East European Studies at Oxford University remained as before.²⁴

The term Eurasianism seems more confusing, as there involve not only objective factors such as geography, but also subjective ones such as identity and self-imposed political, socio-economic, and historical meanings. As Kotkin argued, Russian-Eurasian studies appear have been “overwhelmingly preoccupied with democratic transition and democracy in the present (which mostly does not exist), and with identity in the past (which simply cannot explain today's ongoing authoritarianism)” (Kotkin 2007). Eurasianism as an identity which has been regarded to explain various propensities that emerged in the Russian politics including authoritarianism or imperialism in Russian foreign policy (Tsygankov 2003; Kerr 1995).

However, extended geographical boundaries includes variations of Eurasianism, and thus, the meaning of which is also extended, conveying different creeds, beliefs and goals/myth depending on the context (Smith 1999). Furthermore, democratization facilitated various interpretation of Eurasianism in a state as well, thus making variations within a state, making it equivocal.

In Russia, Eurasianism as an identity, which was more than territorial boundary, was known to be advocated in the 1920s by a small group of the exiles in Sophia.²⁵ In their manifesto, the group declared “Russians are neither Europe nor Asia.”²⁶ The concept was established by Nikolas Riasonovsky who defined Eurasia as a space of “economically self-sufficient,” “ruled by Moscow,” and “was predestined to redeem humanity”(Riasanovsky 1967, p. 57). However, Eurasianism proclaimed itself in a real politics varied: from national Bolshevism (Petr Savitsky) to Trotskyism (Petr Suvchinsky), to anti-Sovietism (Prince Nikolai Trubetskoi). Furthermore, according to Riasonovsky's observation, and variations of Eurasianism had been carried out by ‘non-Russians’: three intellectuals of Eurasianism came from Ukraine (Savitsky, Florovsky, Suchinsky), the fourth

²⁰ <http://www.crees.bham.ac.uk/>.

²¹ <http://www.ssees.ac.uk/>.

²² <http://www.nottingham.ac.uk/nirees/>.

²³ <http://www.sant.ox.ac.uk/russian/>.

²⁴ <http://www.rees.ox.ac.uk/>.

²⁵ According to Tsymburskii, Eurasianism advocated by the exiles was a revival of Moscovite's view of distinguishing Russia from Europe and Asia, which traced back to the 16th and 17th century. Already at that time there developed tow Euasianism—neither Europe nor Asia, or both Europe and Russia. The prototype of Eurasianism in Russia had developed after the Crimean War. Vadim Tsymburskii “Dve Evrazii: omonimiia kak kliuch k ideologii pannengo evraziistva,” in Sergei Panarin (ed.), *Evrāzja: Liudi mify* (Moscow: Natalis Press 2003), in Kotkin 2007

²⁶ *Iskrebod k vostoku* (Sofia: Rossiisko-Bolgarsko knigo, 1921), in Kotkin 2007.

was Lithuanian origin (Trubetskoi). Riasanovsky's Eurasianism has been developed by Lev Gumilev (1912-1992) whose interpretation of Eurasianism is anti-Western, anti-liberal, anti-Catholic, and anti-Semitic (Kotkin 2007). However, as Tsygankov argued geographic thinking evolves into various types in Russia (Tsygankov 2003). Furthermore, regional variations such as Tatarstan version are also evolving to accommodate political authoritarianism and 'commercial pro-Westernism'.²⁷

When we extend the discussion to Eurasian context, more variations of Eurasianism are found in and outside of former Soviet space such as Kazakhstan (Cummings 2003), Turkey (Akturk 2004), Indonesia (Veur 1960). In the former Soviet space, Eurasianism, which had been buried by the discussion of Russian version of Eurasianism, developed in the process of identity building and reestablishing its relationship with the CIS and western countries. For instance, Eurasianism in Kazakhstan has been evolved to be a mixture of anti-liberalism and commercial pro-Westernism. In general, Eurasianism seems to be assessed as anti-liberal, and in some cases close to fascist claims as in Italy for instance, although it takes either pro- or anti-western propensities (see Table 1).

Table 1. Evolution of Eurasianism

		Attitude toward the West	
		Pro-	Anti-
Attitude toward Liberalism	Pro-	Westernism(Westernized Eurasianism) (Rus, Gorbachev)	Liberal Eurasianism (?)
	Anti-	Commercial Eurasianism (Kazakhstan; Tatarstan)	Pan-Eurasianism (Gumilev's, Italy, Russian nationalist)

Such evolution of Eurasianism suggests that the term may contain not only the tradition, but also practical/economic needs. Evolutions may keep proceeded based on history and currently political and socio-economic changes. Such a process suggests that identity of Eurasia involves in open-system interrelations, instead of closed-system feedback system, which is a main concern of chaos theory.

IV. A Contextual Reading of Theories and Variables

²⁷ For detailed discussion, see Rafail Khakim, "Russia and Tatarstan: At a Crossroads of History," *Anthropology & Archeology of Eurasia*, vol. 37, no. 1 (1998), pp. 30-71.

If vague boundary of Eurasia is closely related to the hegemonic or geopolitical concerns, and thus in a part is intended, a series of failures in explaining or forecasting changes in the former Soviet republics may have been caused by some methodological over-generalization or reductionist approaches. First, sometimes comparative findings that are generalized in a particular context, i.e. Western history, have been employed without consideration of initial considerations, the importance of which are strongly underlined in Chaos theory. Sometimes a sort of time-lag was found in applying comparative accounts to the assessment of events or changes in former Soviet space. More specified research methodologies such as statistical analysis has also failed to read the context of dependent/independent variables, particularly the meaning of proxy variables.

First, some of existing literature has simply misled by over-generalization. For instance, it is not difficult to find literature that failed to trace civil society in Russia. Civil society in the Russian context has often been assessed to be far from ‘civic’: the grassroots render strong support for statism, show another stronger preference of orders to individual rights (Melville 2002), perceive state as the primary source of legitimate authority, and accept state’s extensive role over civil society (Evans et al. 2006, p. 318). Furthermore, literature often interprets the weakness of civil society constitutes an obstacle to the development of democracy.

I am not denying that the development of civil society constitutes a basis of democracy. However, we must admit that there exist two traditions in the relationship between society and state, either conflict or free from conflict:

Where Putnam’s civic community is spontaneous and voluntary, republicans emphasize the creation of civic society from above by state-building and broader associations. ... Finally where his civil society is a harmonious, ‘functional place’, republicans often stress conflict between citizens and between citizens and the state (Mouritsen 2003, p. 650).

Mouritsen continued that still cooperative relationship between society and state was also acceptable:

I wish to suggest that we retain older contents of the concept. In the Enlightenment, ‘civil society’ referred to social activity which took place outside of the state but which also—this was the *civil* element—helped maintain a state fit for moderns. This would be a constitutional *Rechtsstaat* of civilized institutions and citizenship roles (Mouritsen 2003, p. 652).

In particular, Mouritsen raised a more basic question taking readers to the beginning of discussion: how to make a citizen and how to build a civil society:

The point was recently demonstrated in Eastern Europe. Civil society did not just need *liberation* from totalitarian states, but also something else and better instead. There must be reasonable and operative laws before people will learn to respect them, working institutions before national solidarity, and rights before anyone would wish to be a citizen. The first step towards civil society is a civil state—difficult as this is. In the absence of such a state or the relatively recent memory of one, instead of citizens there will be alienated individuals, fending for themselves, instead of market capitalism there will be mafia economies, and instead of velvet revolutions there will be more stolen ones (Habermas 1996; Diamond 1994; Foley and Edwards 1996, in Mouritsen 2003, p. 658).

In fact, certain aspects of civil society such as its relationship with the state and the role of the state (or even the concept of the state, see Laborde 2000) are on-going projects to be explored, for which vehement discussion is found in the literature of comparative studies or political thoughts (Evans et al 2006). In this regards, an empirical study shows interesting results: weak overall relation between indicators of social capital and democratization in the post-communist countries (Dowley & Silver 2002). I would not generalize the result of this empirical analysis. However, it still suggests that some ‘logical’ sequence—i.e. social capital contributes to the development of democracy—may not survive the Russian context (or in the former Soviet space).

Of course there exists possibility that statistical results could be distorted when proxy variables failed to reflect initially designed socio-economic or political meanings. For instance, in an analysis of political behavior, for instance, class or social strata of an actor can be categorized by the level of education, income, or occupation. However, higher education did not necessarily linked to higher income in the socialist context. Furthermore, higher level of income did not guarantee higher level of expenditure. The gap between monetary- and real- income/expenditure was so high that monetary income/expenditure failed to show living standard. Although such gaps might have been bridged, still proxy variables are to be carefully designed, and causality relationship is to be revisited.

V. Conclusion

Despite emerging Eurasian studies, the term is yet to be defined. The term appears to capture the changes that have altered hegemonic relations within the post-Soviet space and between the former Soviet space and adjacent regions. The boundary of Eurasia, however, is unclear; sometimes it is reduced to a particular regions even excluding Russia and East European states, reflecting geopolitical considerations, or extended to post-Soviet space, Turkey, Afghanistan, Eastern part of China, Pakistan, India and so on.

The term Eurasianism seems more complicated. In the Soviet studies, the term was used to describe certain propensities of the Soviet Union. The collapse of the Soviet Union enabled the former Soviet Union republics such as Kazakhstan, Ukraine, and even by the federal subjects of the Russian Federation to reinterpret the term. Furthermore, extending geographical boundary of Eurasia, Eurasianism advocated by other states or other groups of states are to be included in the discussion, making it more complicated. Furthermore, there emerged pan-Eurasianism which is targeting to organize the whole region as a single political and cultural space. In terms of political spectrum Eurasianism ranged from liberal (though yet to be discussed) to fascist claims. Thus defining the term remains to be a challenging research agenda.

Second, literature often finds it difficult to apply comparative findings to Eurasian context, particularly in the former Soviet space. The problems emerged partly because of over-generalized theories themselves. As chaos theory suggests we need to examine initial conditions and minor changes that may have strong impact to the results. In particular, we need to pay attention to the possibility that theories that fit to explain Western experience may lose its implications in the Soviet space.

Third, causality of certain variables that are tested in the Western experiences may also fail to survive the post-Soviet space. In particular, proxy variables are to be refined to convey intended political and socio-economic meanings in the analysis.

Finally, changes observed in the post-Soviet space and adjacent state, i.e. in Eurasia, may not be explained by a linear equation. They could take non-linear, non-feedback, non-repeated patterns of development. In particular tiny initial changes we may have lost in the development of post-Soviet studies. For instance, literature seldom pays attention to the very the last stage of the Soviet Union, and the early period of the Russian Federation. In particular, seemingly minor issues, such as migration, which is socio-economic but relatively weak link to identity issue in the West, may take critical importance in the post-Soviet space. It may mean that Eurasian studies need to find meaningful variables and to establish a 'new' causal relations in the Eurasian context.

BIBLIOGRAPHY

Akturk, Sener. "Counter-Hegemonic Visions and Reconciliation through the Past: the Case of Turkish Eurasianism." *Ab Imperio*, vol 4 (2004), pp. 207-237.

Beissinger, Mark R., and Crawford Young, eds. *Beyond state crisis?: Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2002.

Blum, Douglas W. *National Identity and Globalization: Youth, State, and Society in Post-Soviet Euraisa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Buckley, Cynthia J., and Blair A. Ruble with Erin Trough Hofmann, eds., *Migration, homeland and belonging in Eurasia*. Washington, D.C. : Woodrow Wilson Center Press, 2008.

Chua, Amy. *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. London: Arrow Books, 2003.

Cummings, Sally N. "Eurasian Bridge or Murky Waters between East and West? Idea, Identity and Output in Kazakhstan's Foreign Policy." *Journal of Communist Studies & Transition Policies*, vol. 19, no. 3 (2003), pp. 139-155.

Dowley, Kathleen M. & Brian D. Silver. "ocial Capital, Ethnicity, and Support for Democracy in the Post-Communist State." *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no. 4 (June 2002), pp. 505-527.

Dowley, Kathleen N., and Brian D. Silver. "Social Capital, Ethnicity and Support for Democracy in the Post-Communist States." *Europe-Asia Studies*, vol. 54, no. 4 (2002), pp. 505-527.

Dressler, Wanda. "Kazakh Eurasianism: an Identity for the Future of Kazakhstan?" paper presented at the Association for the Study of Nationalities, Columbia University, 2002.

Evans, Alfred B. Jr., Laura A. Henry, and Lisa McIntosh Sundstrom, *Russian Civil Society: A Critical Assessment*. New York: M.E.Sharepe, 2006.

Gleick, James. *Chaos: Making a New Science*. New York: Penguin Books, 1987.

Hale, Henry E. *The Foundation of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Hauner, Milan. *The Rise of Eurasianism*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1997.

Iskhod k vostoku. Sofia: Rossiisko-Bolgarsko knigo, 1921.

Kerr, David. "The New Eurasianism: The Rise of Geopolitics in Russia's Foreign Policy." *Europe-Asia Studies*, vol. 47, no. 6 (September 1995), pp. 977-988.

Khakim, Rafail. "Russia and Tatarstan: At a Crossroads of History." *Anthropology & Archeology of Eurasia*, vol. 37, no. 1 (1998), pp. 30-71.

Labored, Cecile. "The Concept iof the State in British and French Political Thought." *Political Studies*, vol. 48, pp. 540-557.

Lorenz, Edward N. "Predictability: Does the Flap of a Butterfly's Wings in Brazil set off a Tornado in Texas?" paper presented at the Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science, Washington, D.C., December 29, 1972.

Mamm, C. M. *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London: Routledge, 2001.

Mandelbrot, Benoit B. *The Fractal Geometry of Nature*. New York: W. H. Freeman and Co., 1982.

Mouritsen, Per. "What's the Civil Society?: Robert Putnam, Italy and the Republican Tradition." *Political Studies*, vol. 31, no. 4 (2003), pp. 650-668.

Neuman, Iver. *Russia and the Idea of Europe: Identity and International Relations*. London: Routledge, 1995.

Riasanovsky, Nikolas V. "The Emergence of Eurasianism." *California Slavic Studies*, vol. 4 (1967), pp. 39-72.

Shlapentokh, Dmitry. *Russia between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2008.

Smith, Graham. "The Masks of Proteus: Russia, Geopolitical Shift and the New Eurasianism." *Transactions of the Institute of British Geographers*, New Series, Vol. 24, No. 4 (1999), pp. 481-494.

Tsygankov, A. P. "Mastering Space in Eurasia: Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-up." *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 36, no. 1(March 2003), pp. 101-127.

Tsyburskii, Vadim. "Dve Evrazii: omonimiia kak kliuch k ideologii pannengo evraziistva." in Sergei Panarin (ed.), *Evraza: Liudi mify* (Moscow: Natalis Press 2003).

Veur, Paul W. van der. "Eurasian Dilemma in Indonesia." *The Journal of Asian Studies*, vol. 20, no. 1 (November 1960), pp. 45-60.

Weisbrode, Kenneth. *Central Eurasia: Prize or Quicksand?: Contending Views of Instability in Karabakh, Ferghana and Afghanistan*. Oxford: Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies, 2001.

Yaacov, R'oi. *Democracy and Pluralism in Muslim Eurasia*. London: Routledge, 2004.

Zirin, Mary Fleming et al., eds. *Women and gender in Central and Eastern Europe, Russia, and Eurasia: a comprehensive bibliography*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2007.

Session II : Critical Interpretations of Eurasianism

The Concept of Russian Policy toward the Eurasian Region

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Gleb Ivashentsov

Ambassador of Russian Federation
to Republic of Korea

**Выступление Посла России
в Республике Корея
Г.А.Ивашенцова
Ханьянском Университете**

Дорогие друзья!

Благодарю за приглашение выступить в Ханьянском Университете. Я здесь уже не в первый раз. Рад Вашему интересу к России. Наши страны -близкие соседи и активные партнеры. Географией и историей им предписано вместе решать немало общих задач.

Нынешняя Россия уверенно смотрит в будущее. За последние годы в России сделано многое.

Страна, которую десять лет назад Запад рассматривал в качестве аутсайдера в международной политике, восстановила свои позиции влиятельного независимого игрока в международных делах.

Страна, которой готовили участь не более чем придатка энергетической системы Запада, сейчас взяла свои ресурсы под собственный жесткий контроль.

Страна, которая в 1990-е годы зависела от иностранных займов, накопила значительную финансовую мощь в результате доходов от нефти и продуманной экономической политики.

Благотворные результаты того, что было сделано за последние годы, особенно ощутимы сегодня, когда начавшийся в США мировой финансовый кризис в определенной степени «заразил» и Россию.

Россия вынуждена парировать два удара. Первый – это собственный финансовый кризис, который вызвал отток капитала, потому что сами западные экономики столкнулись с дефицитом ликвидности, и начали уводить деньги к себе назад, плюс свертывание внешних источников финансирования.

И второй удар - это резкое падение спроса и цен на традиционные товары нашего экспорта, а значит - сокращение доходов в бюджет.

Россия эти удары держит. Если говорить о результатах 2008 года, то в целом для России они неплохие. Несмотря на снижение темпов в четвертом квартале, ВВП страны вырос на 5,6%, рост промышленного производства составил 2,1%, более чем 10-процентный рост показало сельское хозяйство, инвестиции выросли на 9,8%, а производительность труда - на пять.

В прошлом году больше, чем на 10 процентов увеличилась реальная заработная плата.

Почти в два раза повышен минимальный размер оплаты труда. Было построено 64 млн. квадратных метров жилья - это лучший показатель за всю историю новейшей России.

Хороший отклик встретили программы по расселению аварийного и ветхого жилья, ремонту многоквартирных домов. Благодаря этим программам, более 120 тыс. человек уже получили или получают в самое ближайшее время новые квартиры, а в целом улучшат условия своей жизни 7 млн. граждан России.

Улучшена материально-техническая база десятков тысяч школ, техникумов, вузов. Число компьютеров в школах выросло более чем в 3 раза, и теперь наши школьники обеспечены ими не хуже, чем их сверстники во многих европейских странах.

В целом 2008 год стал прорывным для распространения Интернета в России. Регулярный доступ к Сети имеет уже треть населения страны - 50 млн. человек. В 2008 году, объявленном Годом семьи, у нас родился 1 млн. 717 тыс. детей - самый высокий показатель с начала 90-х годов. Ожидаемая продолжительность жизни достигла почти 68 лет, то есть, за последние 5 лет она выросла на 3 года. Это значит, что само качество жизни в России меняется в лучшую сторону.

Богатство образовательного, научного, творческого достояния России дает нам видимые преимущества для создания конкурентоспособной, основанной на интеллекте и знаниях экономики, такой экономики, где основным двигателем служат не темпы освоения природных ресурсов, а именно идеи, изобретения и умение быстрее других внедрять их в повседневную жизнь.

Россия намерена в полной мере реализовать себя в таких высокотехнологичных сферах, как современная энергетика, включая атомную, основанную на безопасных реакторах нового поколения, коммуникации, космос, авиастроение, стать крупным экспортером интеллектуальных услуг. Мощный рывок в этих традиционно сильных для страны областях – это наш шанс использовать их как локомотив развития в целом.

Для реализации именно такой стратегии в России подготовлены условия: приняты законы, сформированы необходимые структуры.

В то же время Правительство России признает, что 2009 год будет для нашей страны очень трудным.

Опубликована правительственная программа антикризисных мер. Её смысл в том, чтобы обеспечить оптимальное сочетание антикризисных мер долгосрочных проектов, чтобы не только обороняться, но и наступать, строить новую, более эффективную экономику.

Сохранены все федеральные программы, связанные с инновационной деятельностью.

Предусмотрена государственная поддержка инвестиционной деятельности крупнейших российских компаний, финансирование планов реформирования жилищно-коммунального хозяйства, системы медицинского обслуживания населения, обязательного медицинского страхования; реорганизации в сфере образования и реформирования пенсионной системы.

В некоторых странах, которые столкнулись с кризисом, и все об этом знают, планируется снижение уровня заработных плат и доходов населения. Правительство России, наоборот, намерено все свои планы по повышению всех этих пособий исполнить.

* * *

По мере своего внутреннего укрепления Россия вновь обрела влиятельную самостоятельную роль в мировой политике и экономике. Не секрет, что кое-кому на Западе такое развитие событий пришлось не по душе. Этим людям нравилась Россия 1990-х годов. И не потому, что была демократической, а потому, что позволяла другим наступать себе на ноги. А когда Россия поднялась, с трибун международных форумов и из западных СМИ стали раздаваться призывы «сдержать Россию».

Активные действия России по обеспечению своих национальных интересов в период Кавказского кризиса отрезвляюще подействовали на страны Запада, способствовали прояснению для них современных геополитических реалий, включая незаменимую роль России в качестве партнера в деле решения практически всех актуальных вопросов глобальной и региональной повестки дня.

Задачи, которые ставят перед собой Президент и правительство России просты: создать внутренние и внешние условия для безопасной и обеспеченной жизни россиян.

У России нет планов подчинять себе Соединенные Штаты или Европу. Моя страна не рекрутирует малые западные государства в некий пророссийский военный блок. Она не пытается создавать военных баз по периферии Европейского Союза или США и не финансирует в странах НАТО политических партий, стремящихся подорвать существующие правительства.

Что касается наших соседей на постсоветском пространстве, то мы стремимся к самому широкому взаимодействию с ними, ибо у нас общие корни, общее настоящее и общее будущее.

Партнерство с Республикой Корея имеет для нашей страны самостоятельную ценность, прежде всего, в плане создания основанной на «сдержках и противовесах» системы многосторонней безопасности в Северо-Восточной Азии, где как ни в каком ином регионе

взаимосвязаны внутренние и внешние интересы России.

Залог будущего России, как великой державы, в хозяйственном, технологическом и социальном подъеме Сибири и Дальнего Востока. В применении к этому огромному региону поставлены сегодня руководством страны огромные по размаху цели, достижение которых призвано принести мощную отдачу.

Ибо, вне всякого сомнения, последовательное освоение Сибири и российского Дальнего Востока, с их природными и другими ресурсами будет сопоставимо по своим результатам с освоением более ста лет назад Запада в США, если не превзойдет его. Оно, несомненно, окажет свое влияние на все цивилизационные процессы, как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и за его пределами.

Для решения внутренних задач необходимо отсутствие внешних угроз. Путь к этому Россия видит, прежде всего, в развитии добрых отношений с соседями.

На этом пути мы уже немало добились. Существенно укрепилось наше стратегическое партнерство с Китаем. Интенсивный политический диалог на различных уровнях идет с Японией. С КНДР Россия связана договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

Россию и Республику Корея объединяет, прежде всего, общая заинтересованность в том, чтобы устранить в Северо-Восточной Азии военную угрозу. Главный источник такой угрозы - более чем полувековое противостояние на Корейском полуострове, которое сегодня еще более осложнено наличием ядерной проблемы.

России эта проблема касается непосредственно. КНДР проводит свои ядерные испытания на расстоянии менее 180 км от нашей границы.

Нас такое положение не устраивает. Нам не нужны вблизи наших границ ни ядерные, ни ракетные испытания. Ни вообще бряцание оружием, кто бы этим ни занимался. Вот почему Россия стала активным участником шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова.

Россия не признает за КНДР статус ядерной державы и совместно с партнерами по «шестисторонке» неустанно работала на том, чтобы побудить ее отказаться от военной ядерной программы.

Проведенное КНДР новое ядерное испытание нельзя рассматривать иначе как прямое нарушение Резолюции 1718 Совета Безопасности ООН, которая среди прочего требует от Пхеньяна не проводить ядерных испытаний.

Напомню, что эта резолюция была принята по статье 41 главы VII Устава ООН и

обязательна для исполнения всеми без исключения государствами – членами Организации.

Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН не намерена, да и не может в какой-либо форме оправдывать любые действия, наносящие ущерб авторитету Совета Безопасности.

Но северокорейское ядерное испытание противоречит не только резолюции СБ ООН, а также Договору о нераспространении ядерного оружия и Договору о Запрещении ядерных испытаний.

Россия стояла у истоков двух этих договоров. Мы считаем, что они крайне важны в нынешней международной обстановке. Поэтому любое действие, подрывающее режимы этих двух договоров вызывает серьезную озабоченность и требует должного ответа.

Последние шаги КНДР провоцируют эскалацию напряженности в Северо-Восточной Азии и угрожают безопасности и стабильности в регионе. Пхеньян должен нести за это ответственность.

Вместе с тем мы полагаем, что было бы контрпродуктивным вести дело к введению де-факто полной международной изоляции КНДР. Двери для диалога с Пхеньяном в любом случае не должны закрываться.

Понимаем, что у КНДР могут быть определенные озабоченности в отношении собственной безопасности в условиях, когда в международных отношениях все более проявляется фактор силы и звучит язык ультиматумов.

Однако мы не видим реальной альтернативы обеспечению ее безопасности иначе, как на политико-дипломатических рельсах, путем формирования соответствующих региональных институтов с участием всех заинтересованных сторон.

Мы призываем наших партнеров из КНДР проявить ответственный подход, исходящий из интересов поддержания стабильности в регионе, устойчивости режима нераспространения ОМУ, уважения и соблюдения решений Совета Безопасности ООН.

По-прежнему исходим из того, что ядерная проблема Корейского полуострова может быть решена только в рамках шестистороннего процесса.

При всем нашем осуждении недавних ракетных пусков и ядерных испытаний в КНДР хочу отметить, что действия Пхеньяна не стали неожиданностью. О такой возможности северокорейцы неоднократно предупреждали.

Случившееся – следствие срыва шестисторонних переговоров, произошедшего отнюдь не столько по вине КНДР.

Поэтому, если мы действительно хотим найти выход из кризиса, сейчас крайне важно

отсечь эмоции и двигаться вперед, сочетая твердость и решительность с выдержкой и хладнокровием.

Никто не должен использовать действия КНДР в качестве предлога для форсированного наращивания собственного военного потенциала, в первую очередь, формирования ядерных арсеналов и укрепления военных альянсов, создающих в Северо-Восточной Азии конфронтационные разделительные линии.

Необходимо предпринять все усилия к возобновлению шестистороннего процесса, продолжить поиски приемлемого для всех урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова на основе уже достигнутых договоренностей с учетом законных интересов и озабоченностей всех стран.

Одновременно все участники переговоров должны выполнить все принятые на себя обязательства как по денуклеаризации, так и по экономическим компенсациям.

Мы также должны продолжить обсуждение проекта руководящих принципов мира и безопасности в Азии в рамках соответствующей рабочей группы под председательством России.

Россия готова внести свой вклад и в дело межкорейской нормализации. Ибо в нашем, и не только в нашем, понимании урегулирование ЯПКП и межкорейская нормализация – два колеса одной повозки. Той единственной повозки, которая может доставить нас к нашей общей точке назначения – системе мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Вот почему Россия всегда выступала в пользу шагов двух корейских государств к самостоятельному мирному объединению родины. Для содействия этому мы прежде предложили ряд крупных трехсторонних проектов партнерства России, Севера и Юга Кореи, таких как соединение Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью, а также программа создания в Северо-Восточной Азии единой энергетической системы и сети трубопроводов, связывающей Корейский полуостров с регионами Восточной Сибири и Российского Дальнего Востока.

Осуществление таких проектов не только дало бы значительную экономическую прибыль странам – участницам, но и внесло бы весомый положительный вклад в улучшение межкорейских отношений. Ведь сегодня главное препятствие на пути наведения мостов между Пхеньяном и Сеулом – это отсутствие взаимного доверия. А что как не общая работа по осуществлению долговременных совместных хозяйственных проектов – лучший путь для достижения и укрепления взаимного доверия между государствами?

Дорогие друзья!

Сегодня практически нет такой сферы человеческой деятельности, в которой бы не сотрудничали Россия и Республика Корея, будь то обеспечение международной безопасности, торговля, экономика, наука и техника, энергетика.

В ходе российско-южнокорейского саммита в Москве в сентябре прошлого года Президент России Д.А.Медведев и Президент РК Ли Мен Бак подтвердили приоритетный характер российско-южнокорейских отношений для обоих государств и высказали решимость поднять двустороннее взаимодействие до уровня стратегического сотрудничества и партнерства.

Это партнерство имеет самостоятельную ценность для каждой из наших стран с любой точки зрения – политики, экономики, безопасности.

Между нами нет противоречий или споров. Мы сотрудничаем на море, на суше и в космосе. Это сотрудничество не направлено против третьих стран. Его цель – содействовать безопасной и обеспеченной жизни россиян и корейцев, всех народов Северо-Восточной Азии.

Поступательно растет торговый оборот между Россией и Республикой Корея. С 2000 по 2008 год он увеличился почти в 10 раз, приблизившись к 20 млрд. долл. США. К сожалению, в текущем году по объективным причинам глобального финансового кризиса неизбежно определенное падение объемов российско-корейской торговли.

В ходе московского саммита российская сторона поддержала стремление деловых кругов Республики Корея к развитию сотрудничества в освоении регионов Сибири и Дальнего Востока, в том числе с учетом Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года».

Особое место в российско-корейских экономических связях занимает энергодиалог.

На переговорах в Москве стороны высказались за совместное осуществление энергетических проектов в России, Республике Корея и третьих странах.

Российская сторона приветствовала намерение корейской стороны участвовать в конкурсах и аукционах на право пользования недрами, в строительстве нефте- и газохимических комплексов, станций сжиженного газа на российском Дальнем Востоке.

Южнокорейские компании получили заказы на миллиарды долларов на изготовление оборудования для энергетических проектов в России и современных танкеров.

18 февраля с.г. компания «Сахалин Энерджи» ввела в эксплуатацию на Сахалине первый в России завод по сжижению природного газа. С него уже начаты поставки в Республику Корея. Они составят 1,5 млн. тонн сжиженного газа ежегодно в течение 20 лет.

Не стоит, однако, воспринимать Россию как исключительно поставщика сырья на

южнокорейский рынок. Уже сегодня из России в Республику Корея идет немало высокотехнологичной продукции. Например, более шестидесяти процентов гражданских вертолетов, используемых в Республике Корея, - российского производства. Поставками из России обеспечивается более трети потребностей Республики Корея в топливе для АЭС.

К сотрудничеству России и Республики Корея на суше и на море добавилось сотрудничество в космосе. В апреле 2008 года первый южнокорейский космонавт Ли Со Ён, подготовленная в российском Звездном городке, успешно совершила полет в космос на российском космическом корабле, а в конце июля с.г. состоится запуск российско-корейской ракеты-носителя KSLV - 1, способной вывести на околоземную орбиту полезную нагрузку 100 кг.

В проработке находится целый ряд коммерческих соглашений о совместном проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в том числе в освоении космоса, а также о производстве в Республике Корея высокотехнологичных товаров по российским лицензиям.

Между Россией и Республикой Корея продолжается взаимодействие в военной области, включая развитие делегационных обменов и военно-технического сотрудничества.

Прежний недостаток информации о культуре и искусстве двух стран, вызванный их многолетней оторванностью друг от друга, сегодня активно восполняется и с российской, и с корейской стороны. В России издано немало книг о Республике Корея, пользуются спросом южнокорейские фильмы, популярна борьба таквандо.

В свою очередь, в Республике Корея хорошо знают русскую музыку, балет, русскую классическую литературу. Многие южнокорейские певцы, артисты балета, музыканты классической школы учились в Москве и Санкт-Петербурге. Все более популярным в Южной Корее становится российский вид боевых единоборств борьба самбо. В пятнадцати провинциях и городах Южной Кореи борьбой самбо уже занимаются более 4 тыс. юношей и девушек.

Крупным событием стало проведение в сентябре 2006 г. в Сеуле фестиваля русской культуры «Русские вечера». В августе 2007 г. подобный же фестиваль корейской культуры прошел в Москве. Радует интерес к этим фестивалям со стороны российской и корейской молодежи. Молодое поколение двух стран должно знать друг друга, чтобы избежать предубеждений, преодолеть отрицательные стереотипы прошлого.

Важным шагом в плане развития контактов между людьми стала достигнутая на московском саммите договоренность совместно поработать, чтобы отметить предстоящую в

2010 году 20-ю годовщину установления дипломатических отношений между двумя странами широкими мероприятиями в области культуры и искусства.

Дорогие друзья!

Надеюсь, что после моего рассказа Россия стала Вам понятней и ближе.

Россия – надежный и добросовестный партнёр Республики Корея.

Session II : Critical Interpretations of Eurasianism

**Eurasianism as a Phenomenon and Strategies of Identification:
Post-Soviet Experiences**

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Alexey Gryakalov

Professor

Gerzen State University,

St. Petersburg, Russia

alexagr@mail.ru

Феномен евразийства и стратегии идентификации: постсоветский опыт

А.А.Грякалов

(Россия. Санкт-Петербург)

1. Экспозиция

Сегодня *теоретическая* составляющая евразийской программы представляет собой достаточно эклектичный набор постулатов, часть из которых является очевидными, а часть других не имеет теоретических обоснований. Исходная же *теоретическая* база евразийцев была достаточно выстроенной и последовательной: можно говорить о высоком уровне комплементарности «евразийских идей». Были определены *необходимые* и *достаточные* компоненты и принципы евразийства как теории - от лингвистики до геополитики и философии искусства - в этом смысле евразийская теория была системным построением с определением основных принципов родства и взаимосвязей. Сегодня важно иметь *реальное*, а не *эмоциональное* (Н.А.Бердяев) представление о процессах идентификации и стратегиях установления идентичности на постсоветском пространстве.

Во-первых, если евразийская идея претендует на то, чтобы быть *политической* – именно это выходит на первое место в *неоевразийстве* – то есть быть идеей о *мире евразийских сообществ*, то нужно представлять не только *содействие*, но *противодействие* политических сил на постсоветском евразийском пространстве, имея в виду, что власть - именно *соотношение сил*. *Во-вторых*, иметь перед собой соответствующий современным реалиям *теоретический* опыт формирования идентичностей. То есть, продумать *философско-политическую* (теоретическую) составляющую евразийской интеграции на постсоветском пространстве («нет ничего более практичного, чем «хорошая теория», которая может быть по аналогии с понятием «хорошего общества»). Таким образом, встает вопрос о *феномене* евразийства в его несводимости к набору пожеланий *идеолого-политического* и *социально-практического* характера.

Сами евразийцы говорили о *евразийской правде* прежде всего как о «правде вопросов» (Л.П.Карсавин). Каковы *природа* целостности, обосновываемой евразийской теорией, и какова логика обосновании самой теории, располагающей «феномен евразийства» не только в пространстве политико-экономической и культурной жизни, но и в пространстве современной

рефлексии. Тут нужно выйти за пределы «естественной установки» к пониманию *сущностных* характеристик феномена евразийства - только это даст возможность говорить о стратегиях идентификации на постсоветском пространстве.

И тут первое замечание относительно современной рефлексии или рефлексии в ситуации *пост*модерна. В плане ориентации, которая задана Конференцией, проблематика *пост*советского пространства соотносима с проблематикой *пост*модерна, что отсылает к вопросам *пост*истории со всеми вытекающими смысловыми коннотациями и социально-культурными следствиями. Речь идет о рефлексии *пост*советского *пространства*, а не *пост*советского *времени*: в одном и том же времени разворачиваются различные, а в ряде случаев противоречивые процессы, связанные с идентификацией субъектов на *пост*советском пространстве. Это обращает проблематику идентификации к чрезвычайно значимой для евразийцев теме *месторазвития* - в современном теоретическом контексте отсылает к проблемам *топологической* рефлексии.

Какова логика выстраивания *ментальных карт* Евразии? - есть ли у евразийских субъектов нечто большее, чем очевидная необходимость экономического взаимодействия в (пост)глобальном мире? Есть общая «метафизика чувствительности» (Н.М.Бахтин), затрагивающая не только экономическую сторону жизни социальных субъектов, но и сторону их *сопереживания, события, сорадования, сопечалования, солубования*? (М.М.Бахтин). И в каких *дискурсивных* и *символических* практиках это может быть ясно представлено? Каков *этнос* евразийского сотрудничества – на чем основывается специфическая евразийская *этика сотрудничества* и каковы принципы ее обоснований?

Постсоветское пространство предстает сегодня как «великая шахматная доска», на которой происходит не только «сыгрывание» различных политических сил, но стоит вопрос о *глобальном господстве* уже в силу того, что пространство Евразии тем или иным способом включено в процессы глобального мира. Процессы идентификации размещены в пространстве *цивилизационной политики* - утрата культурной идентичности в *пост*советских обществах обостряется борьбой за «новый информационный порядок». С ним связан бурный рост средств и методов убеждения: политика все более становится всепроникающей *трансполитикой* (Жан Бодрийяр). «Идентификационная практика» утрачивает классические континуальные измерения традиции и преемственности и обращена к *очевидностям* массмедиаальных представлений. При господстве *экономического* расчета формируется *пост*глобальный мир с его доминантами региональных стратегий, локальными противоречиями,

этнорелигиозным терроризмом.¹ На этом фоне могут быть смоделированы и внедрены стратегии конфликтов не только внутри России, но и на ее границах, а также в пределах самих евразийских субъектов - информационное пространство производит и воспроизводит *символические* (виртуальные) планы и акции. Они могут иметь весьма отдаленное отношение к тому, что происходит в *действительной* жизни сообществ.

В такой ситуации доминанты *экономики/политики* важно представить *другой* ход понимания идентификационных процессов: от *экономики и политики* - к *философии экономики и философии политики*, воспроизводя в новых условиях основные интенции евразийцев - именно они полагали *духовно-культурные* основания евразийства не менее значимыми, чем экономика. Идентификации, следовательно, обращена к философии *политического*, учитывающей реальное соотношение сил и способной прогнозировать реальное развитие действий. Это тем более важно, что в постсоветском пространстве трансполитика сущностным образом изменяет экономику, культуру, образование, групповое и индивидуальное существование людей.

Евразийская идея – «позитивный национализм» всех народов Евразии, вкладывающих свои силы в общее дело образования общего пространства существования. Но это совершенно естественный «жест» выживания в современном мире, что не является отличительной характеристикой интеграционных и идентификационных процессов на постсоветском евразийском пространстве. И положения, которые предлагали евразийцы, в частности предельное внимание к православию, сегодня вряд ли может быть повсеместно признанным и идентификационно легитимным. Другое дело, что должна быть учтена *религиозная компонента* идентификации в ее общесодержательном смысле - в ситуации роста значимости сообществ важно осознание того, что религиозные ценности по-разному переживаются в различных конфессиональных сообществах.

На чем строится логика *евразийской всеобщности* сегодня?

Существует ли *коллективный евразийский субъект*?

В связи с этим можно говорить о евразийском векторе политики и экономики, о евразийски ориентированном диалоге, о сотрудничестве. Должны быть учтены исходные различия отношений *евразийского полилога* – специфические евразийские смыслы и ценности появляются при определении различий внутри экономических, культурных,

¹ «Создание информационного общества означает в частности, что ложная, провоцирующая, содержащая ненависть и вражду к другим нациям и религиям информация может передаваться достаточно быстро. ...Возникает новый мощный рычаг воздействия на все уровни человеческой деятельности» (Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 256).

межконфессиональных и социально-антропологических отношений.

Интегративные процессы протекают с разными скоростями и монтируются из разных модулей. Как множественность отношений и различий может быть представлена как особого рода целостность? Напомню, что время «больших рассказов» (Поль Рикер) - в прошлом. Не является ли евразийство «большим нарративом» из прошлого времени («времени модерна»)? И какова *практическая философия* «сборки» евразийского феномена? - всеобщий формальный *категорический императив* или просветительская «универсалия», *этика сострадания*, *этика дискурса* или *глобальная этика* современности, построенная на общности идей выживания и сохранения?

Ни одно из предлагаемых обобщающих построений не может быть положено в основание понимания евразийского феномена. Необходимо создать *другую* «философию жизни» - именно это стремились реализовать евразийцы, учитывая в своих построениях не только *разумно-рассудочные*, но и *бессознательные* компоненты существования. В качестве таковой может выступить разрабатываемая в современной мысли *философия события*, имеющая топологическую соотнесенность с евразийской *персонологией* и в целом с идеями *онтологического структуриализма*.

2. Идентификация и конфликты

Мир евразийской современности различен и противоречив, но до известной степени организован как *целое* - организован хотя бы в том смысле, что испытывает общие потрясения и переживает общие опасности экологических, антропологических и гуманитарных катастроф. Несомненно, присутствуют ценности *социальной памяти* в общем переживании совместных испытаний (война, совместное участие в боевых действиях, стройки социализма, помощь при экологических катастрофах, совместная учеба и служба в армии, совместные браки, контакты интеллектуалов). В этом смысле евразийское пространство представляет собой особого рода «уплотненный» мир - (пост)современная «картина мира» строится на идеях исчезновения человечества как *коллективного субъекта*, непереводимости и несовместимости многообразных языковых и поведенческих программ и дискурсов - это во многом напоминает *исходные* констатирующие идеи евразийцев.

Сегодня в процессах идентификации постмодернисты отрицают существование *универсального языка*, которым может быть описан мир. Устраняя иерархичную структурированность и центр-периферийную упорядоченность мира, постмодернисты

воспринимают его как конгломерат рядоположных универсумов, указывая на существование в мире множества совершенно различных *уровней реальности*, порою нередуцируемых принципов миропонимания, множества микронарративов. Именно понятие постмодерна, как полагает Козловски, содержит в себе «момент освобождения», так как оно в состоянии увести от идей всемирного противостояния Запада и Востока.²

Новая геополитическая ситуация предполагает распространение влияния атлантического блока на *внутренние регионы Евразии* и, что самое главное, осуществление эффективного контроля над сухопутными коммуникациями, связывающими эти регионы: если в годы "холодной войны" "силы Суши" и "силы Моря" взаимодействовали в береговых секторах Евразии, то после распада СССР "зона взаимодействия" вплотную приблизилась к южным рубежам России. Отныне соперничество ведущих геополитических центров разворачивается не за контроль над поясом береговых зон, а над стратегически важными внутриматериковыми пространствами Евразии.

В этом уплотненном жизненном пространстве суть интеграционных и идентификационных процессов выражается в терминах *интенсификации* (трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей), «слияние», «интеграция» (национальных экономик в единую общемировую систему), «рост взаимозависимости «национальных экономик и политических систем государств», возникновение «единого информационного пространства», «рост согласованности действий» в самых разных сферах жизнедеятельности человека.

С точки зрения евразийской теории нужно говорить о *постглобализации*, где происходит *выход* за глобальный порядок. Поэтому процессы идентификация должны учитывать разные аспекты - нужно выйти за пределы «экономического детерминизма» в пространство *информационного, коммуникационно-технического, экологического взаимодействия, рабочей кооперации*. Правомерным будет выделение сфер *экономической, правовой, демографической, политической, экологической, культурной интеграции*. Существует *военный* аспект проблемы взаимодействий и *эпидемиологическая интеграция*.

Именно в связи с этим остро встает проблема *управляемости* конфликтами: необходимо идентифицировать принципиальные *противоречия*. Повышенную конфликтогенную напряженность процессам идентификации придает постоянное присутствие *этнических и религиозных* столкновений, «постмодернистского террора» на постсоветской территории, борьбы за власть *национальных элит*. Идентификация сообществ и личностей особенно

² Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С.33.

отчетливо дифференцируются именно в *конфликтогенных* ситуациях, что затрагивает практически все формы сообществ - от интеллектуальных групп до этнических образований. В таких случаях актуализированы символические *образы сообществ*, влияющие на перераспределение собственности в глобальных финансово-экономических отношениях.³

На этом фоне встает вопрос: наличествует в современном евразийском пространстве особого рода *телос*, позволяющий говорить о возможной направленности процессов и способах их рационального понимания и прогностики? Может ли быть установлен *субъект* идентификации? - ведь глобализация оказывается процессом, вызванным к жизни особой внутренней логикой развития рынка, финансов, то есть безличных *структур*.

Во многом идентификационные процессы в сфере культуры определяются новым *информационным* порядком. Он способствует увеличению количества информационных потоков, их интенсивности, быстрому и беспрепятственному перемещению, тиражированию знаков, символов, образов, это влечет за собой нарастание взаимной информированности, преодоление отчуждения между культурами.

Но глобальная культура исторически неглубока, беспамятна, основана на «исполнительном дискурсе» повседневной практики, она демифологизирована, ценностно-нейтральна и лишена традиций, в отличие от прошлых культур, которые строились вокруг общих – в том числе *евразийских* - воспоминаний, традиций, мифов, архетипов и символов - поэтому она не отвечает живым потребностям людей и не создает воспоминаний. Тем самым признается другой факт: там, где действует глобальная культура, не принимаются в расчет именно *личностные* характеристики бытия и существования. Ими будто бы можно пренебрегать, но именно неучтенность этих факторов жизни заставляет их проявляться путем деструктивных действий. Человек не может быть *нигде*: он существует в традиции места и времени. Культура пространства Евразии - при всем широком ее толковании - включает в себе *архетипически* близкие образы жизни. Идентификация может осуществляться именно в соотнесении с этим фондом социальной памяти, что может способствовать диалогу культур.

Евразийская *интеграция* - против *глобализации*. *Глокализация* и *гибридизация* демонстрируют специфику современной логики культуры, которая характеризуется особым соотношением глобального и локального, их взаимодополнением, переработкой глобальных элементов в локальном контексте. Эти процессы взаимодействия локальных культур друг с другом и с распространяемой глобальной культурой, свидетельствуют о тенденции

³ См.: Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., 2004.

универсализации культур, понимаемой как процесс их диалога и взаимопроникновения, а не о гомогенизации и нарастании однообразия. Парадоксально, но интеллигенция не исключительно *космополитична*, поскольку именно она - «носитель национального сознания» одновременно заявляя о себе, как о гражданине мира, она при этом занимается разработкой «национальной идеи».

Совместное исследование американских и российских социологов, проведенное среди российской молодежи и нашедшее отражение в работе «Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры»⁴, позволяет выявить наиболее близкий к действительности вариант трактовки результатов взаимодействия российской и «глобальной» американизированной массовой культурой. Становится ясно, что модель *культурной универсализации* как *гомогенизации* является всего лишь идеальным типом объяснения социокультурной динамики в России. Восприятие Россией продукции западного культурного производства, как отмечают авторы, происходит даже не по сценарию *гибридизации*, то есть активного отбора и синтеза привычного и нового, а в виде *параллельного восприятия*. «В нарративах о культурном обмене глобальная (западная) культура представляется молодежи очень привлекательной и способной по-настоящему развлечь, но при этом поверхностной, тогда как российская культура - духовно богатой и понятной только россиянам, неприкосновенным, сакральным достоянием. Российская молодежь с удовольствием потребляет западную культуру, но при этом остается уверенной в том, что локальная, российская культура останется неуязвимой для глобального вторжения. Западную культуру с точки зрения российской молодежи характеризуют такие черты, как *рациональность, индивидуализм, холодность, фальшивость, поверхностность, бездуховность*, тогда как российскую - *эмоциональность, коллективизм, открытость, теплота, искренность, глубина, духовность*».⁵ Именно *гибридизация* и *глокализация* способствуют актуализации модели культурного универсализма, основанного на диалоге и взаимопроникновении культурных стратегий. Феномены глокализма и гибридности приводят к осознанию людьми их принадлежности не к одной, а к нескольким культурам, создают предпосылки для расширения средств и возможностей идентификации.

⁴ Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О.Обремко и У.Блюдиной. – СПб., 2004.

⁵ Пилкингтон Х., Омельченко Е. Бок о бок с западом // Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О.Обремко и У.Блюдиной. СПб., 2004. С. 232.

3. Идентификация и отчужденность: опыт сообществ и отдельного человека

Ослабление роли «большого государства» в области разработки культурных программ привело к ослаблению *национально-государственной* идентичности.

Идентификация идет в двух противоположных направлениях: формируется «групповое сознание» (субъективность сообществ), особенно интенсивно складывающееся в ситуации утраты единого прежнего государственного языка и усредненное сознание вынужденного или осознанно действующего «субъекта-маргинала». Эта ситуация наиболее характерна для конфликтных регионов и для поведения больших групп мигрантов.

В обоих случаях возникает ситуация нестабильности, неуверенности, недостаток средств идентификации приводит к повышению роли этнического сознания. Это обстоятельство усиливается проводимой в ряде стран более или менее явной политикой «мультикультурализма», которая предполагает наличие *автономных* замкнутых культурных общностей, сосуществующих в параллельных и непересекающихся мирах («этнизация идентичностей» - Д.Фридман). Локальные этнокультурные общности порой «переписывают» собственную историю удобным для них образом, с тем, чтобы оправдать свои политические и экономические требования, и добиться особого отношения к членам своих групп со стороны национального государства. В этом смысле задача государства состоит в том, чтобы оценивать действия индивида не с точки зрения его статуса и этнокультурной или субкультурной принадлежности (различные меньшинства), но с точки зрения универсального принципа справедливости и прав человека.

Иными словами, мультикультурализм фактически лишает отдельного человека автономности, признавая обладающим правами субъектом только *этническую группу* - это особенно характерно для групп мигрантов на всем евразийском пространстве. При этом ослабляется гражданская идентичность, продуцируемая и поддерживаемая государством. Процесс обретения *идентичности* - непрекращающийся процесс *идентификации*, открытый будущему, постоянно и динамично происходящий, а не унаследованный или единожды обретенный (З.Бауман).

В ситуации формирующегося евразийского мира скорее необходимо говорить о динамике непрекращающегося *самоопределения*, постоянного обновления идентичности. Можно говорить о доминанте *ситуативно-инструментальной* актуализации идентичностей - *гражданской, религиозной, профессиональной, гендерной, возрастной, этнокультурной*.

Особое значение в ходе глобализации культуры приобретает процесс *этнокультурной идентификации*.

Человек оказывается наследником не только *коллективной памяти* своей культуры, но и новой памяти *культуры-гибрида*. Это проявляется в феномене, который У.Бек назвал «глобализацией биографии». Она означает, что процессы идентификации затрагивают конкретного человека и его личную жизнь. Они проявляются в мультикультурных браках, в феномене «кочевой жизни», которую ведет современный человек. Именно человек является тем локусом, где соединяется транснациональное, локальное и всеобщее, его биография - это история встреч, переездов, столкновений с Другим, «место», где разрушаются монопроекты, создается новая история, новая память.

Каким предстает в этом контексте «дело евразийства»?

Во-первых, евразийски ориентированное сознание стремится вернуть России национальное достоинство, избавить её граждан от комплексов неполноценности, сложившихся в результате катастрофического понижения мирового статуса страны (в результате распада СССР, падения экономики и уровня жизни в ходе непродуманных реформ).

Во-вторых, оно является предупреждением против односторонней ориентации во внешней политике - будь то в направлении Запада или Востока. Российская политика должна быть многовекторной.

В-третьих, оно отстаивает идею равноправности различных культур, цивилизаций, конфессий и наций - при этом евразийство высоко ценит и акцентирует толерантность в межнациональных, межрелигиозных и межкультурных отношениях; евразийство стимулирует плодотворное обсуждение идей интеграции евразийского пространства, что отвечает глобальным тенденциям мирового развития.

В-четвертых, неоевразийство справедливо выступает против атлантической модели глобализации, ставящей большинство стран в положение «догоняющего развития»; оно ратует за то, чтобы плодами глобализации могли пользоваться все народы, а не только «золотой миллиард».

В-пятых, евразийское течение разделяет общую позицию культурноцентричной критики технической цивилизации с её культами Машины и Тела, развивающейся в ущерб духу.

4. Евразийская персонология и опыт идентификации: «позитивная сборка» мира

В связи с глобализационными процессами в современной гуманитарной мысли особую актуальность приобретает вопрос о возможности формирования «глобальной этики» и «глобального сознания» - в пределе речь идет о формировании *диалогического* сознания современности и возникновении *диалогических* стратегий установления идентичности. Интерес эта ситуация представляет в связи с евразийской *персонологией*.

Н.С.Трубецкой говорил о соотносительности «рядов» жизни в пределах общества и мирового сосуществования. Личность как особого рода *событие* не совпадает ни с одним из этих рядов («лик»») и ни с одной из индивидуаций: «личность есть с в я з ь и с о в о к у п н о с т ь всех их».⁶ В перспективе определяются горизонты особой координирующей науки о личности - *персонологии*, сообразно с принципами которой должны перестроиться все стороны культуры. Трубецкой подчеркивал именно событийное единство «духа» и «плоти» - функциональная позиция ориентирована синтетически, физическое окружение («природа территории») и «плотская сторона» существования предстают как коррелят «иерархии личностей». Психофизическое целое рассмотрено в соединении с физическим окружением личности: совокупное усилие географии, антропологии, археологии, этнографии, статистики и истории искусств совмещено с историософией, этнософией и геософией так, чтоб представить функциональную многомерность личности.

И вот что наиболее важно для понимания «персонологической субъективности»: идея *личности* может быть скорректирована с пониманием *культуры*. Искомая «система идей» должна в свою очередь соответствовать системе «практических действий» ориентированное на поступок самобытной жизни познание в непрерывности самоосуществления органически вырастает из жизненной стихии. Такой ход, подчеркивал Н.С.Трубецкой, дает возможность соотнести порядок существования с целостностью традиционного сознания («подсознательная философская система»). На практике евразийцы стремились применить одну из важнейших аксиом своей теории: причина всех несчастий должна быть отыскана в непризнании подлинных *границ* между системами.⁷

Эта тема сохранения «*особого мира*», с чем связана проблема *идентификации*

⁶ Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 106.

⁷ См.: Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-1930 гг. Пер. с фр. Н.С.Автономовой. М., 2001. С. 88.

национальных культур. «Возвращение Русского» или «введение Западного» рассматривается в таком случае как ложная дихотомия. Ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать нечто *третье*, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал, - писал в ответе А.С.Хомякову И.С.Киреевский.

В работе «Время славянофильствует» В.Ф.Эрн писал, что старая антитеза «Россия и Европа» вдребезги разбивается настоящей войной, и в то же время из-под ее обломков с непреодолимой силой поднимаются новые антиномии, новые всемирно-исторические противоположения и новые духовные задачи и в новой конфигурации событий сама собою наметилась линия глубочайшего внутреннего единства между Россией и Европой. Проницательные русские относились к Европе с внутренним антиномизмом, подчеркивал В.Ф.Эрн, и любили, и ненавидели, и признавали, и отрицали в одно и то же время.

Радикальное *антизападничество* неверно и неосуществимо, как невозможно и исторически бесплодно и элементаризирующее западничество: Европа уже не все нас, а внутри нас, - и это относится не только к стихии культуры, но и к религиозной стихии. Антизападничество во всех его формах неверно и опасно, - оно неизбежно направляется на русскую же душу. Даже катастрофа 1917 года, продолжал Зеньковский, идеологически связанная с идеологией Запада, не может быть отделена от буйствующих начал самой России. Историй снято противоположение России и Запада - оно ныне выступает как глубокое расщепление внутри русского духа. Фальшивыми, по мнению Зеньковского, являются отгораживания от Запада или Востока: («все яды отравили нас, все добрые течения вошли в нас»), - пришла пора действенной сосредоточенности на себе без горделивого мессианского сознания, без утешения себя критикой других. Обретение единства для себя возможно, по убеждению Зеньковского, только на пути воссоздания целостной жизни на основе Православия, вселенская истина которого свободна от навязчивой мессианской идеи. В.В.Розанов полагал даже, что тема будущего России может быть выражена в ясной и неопровержимой формуле («формуле одновременно *физиологичной и духовной*»). По его мысли, женственная природа русских способна оказывать воздействие на те нации, у которых доминирует мужской элемент. «Подчинение русских» трансформируется в конце концов во внутреннее овладение самими подчинителями. Женственное качество оказывается как сила, обладание, овладение. Отличающиеся свойством отдаваться беззаветно чужим влияниям, русские тем самым создают особую форму овладения - непременно требуют в том, чему отдаются, - кротости, любви, простоты, ясности.

Тихое, незаметное, глубокомысленное - *нашептывающее* - влияние русских на Европу

представлялось Розанову несомненно благотворным - и исполнение этого он считал возможным в середине XX века.

5. Идентификация и гуманитарная безопасность

Сегодня политики и философы много говорят об антитезе славянофильства и западничества в России. Но эта представляемая чуть ли не основной для русской философии проблема *самобытности* и *западности* имеет конкретный философско-исторический и историософский смысл и не может быть понимаема как исходное перво-различие. Скорее, речь идет здесь о борьбе ролей и представлений: оппозиция западничество/самобытность в значительной мере может быть расколдована и переведена в плоскость органического *совмещения* императивов модернизации с императивами сохранения национальной идентичности, что должно обеспечить доминанту продуктивности.

Востребованы *универсалии* евразийской культуры, перед лицом которых национальные, религиозные и политические противопоставления отошли бы на второй план. Но именно вопрос о таких универсалиях и представляет главную трудность евразийского проекта. Основоположники классического евразийства хорошо это понимали. Вот, например, что написал по этому поводу Н.С. Трубецкой: «Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и при том существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определённое место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов. ...Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнёт распадаться на части, к величайшему несчастью и страданию всех её частей (Н.С.Трубецкой). Понятие *субъективности* сохранялось, но переносилось с уровня *индивидуальности* на уровень *коллектива* - тут момент *встречи* личности и сообщества, именно в этом пространстве происходит *идентификация*. Точно так же и Якобсон выделяет общие *структурные* соотношения в евразийских языках (а также другие, противопоставленные им структурные соотношения в языках не-евразийских), а уже потом делал следующий шаг - выводил из этих соотношений "органическое", квази-личностное сродство или не-сродство соответствующих языков. Евразийская лингвистика - это

методологический компромисс, когда исследовательское поле разделяют между собой два несовместимых метода: внутри себя язык описывается как дифференциальная структура, а в своих взаимоотношениях с другими языками – как самобытная "органическая" личность. Так евразийские лингвисты сохранили традицию романтической гуманизации культуры на макроуровне межъязыковых процессов. Именно в лингвистике была выработана эпохальная познавательная модель, ценность которой далеко не исчерпана - *структурный метод описания культурных систем*.

И еще об одном теоретическом концепте, имеющем косвенное отношение к евразийскому пространству, но принципиальным образом характеризующим близкую к евразийским взглядам структурную теорию. Речь идет о взглядах представителей ПЛК, в который в разное время входили Р.Якобсон, Н.С.Трубецкой, П.Г.Богатырев. Ими был создан *структурный метод* в лингвистике, литературоведении, эстетике. Особенность этого взгляда состоит именно в *топологическом* совмещении понимания *бытия* и *структурности*. В известном смысле эту позицию выражает термин «онтологический структурализм»: существует содержательное наполнение структурных целостностей - именно с ним нужно считаться при рассмотрении любого культурного феномена.⁸

Феномен Евразии не имеет синтетического характера - это нужно понять сегодня и рассматривать феномен евразийства через *философию события*. Это целостность особого рода - в том числе созданная и опытом советского периода. *Третий* путь как философия события, учитывающая символические и социально-онтологические характеристики существования. Уже в 1911 году Федор Степун написал работу «Феноменология ландшафта», в которой показал принципиальную соотнесенность жизненно-природного *ландшафта* и способа *мысли*.

Проблемы идентификации связаны с актуальной для сегодняшних дней проблемой *гуманитарной безопасности*, которая совмещает в себе человеческие и космические масштабы идентификации социальных субъектов. *Национальная* безопасность рассматривает всю совокупность внешних угроз со стороны других государств и сообществ - *человеческая* безопасность обращена к пониманию конфликтности и противоречивости внутри самих

⁸ Например, евразийские языки, по Якобсону, характеризуются *смыслоразличительным соотношением* твердых и мягких согласных - то есть не просто тем, что в них имеются звуки, скажем, [л] и [ль], а тем, что эти звуки используются для различения слов, то есть могут быть вычленены как *структура*. Замечательный, парадоксальный факт: исследование абстрактных структур используется для того, чтобы подтвердить существование Евразии – объекта совершенно иного по природе, "внутренне полного", субстанциально-органического (С.Зенкин).

государств и сообществ.⁹ Концепция *гуманитарной безопасности* может основываться на диалогическом совмещении позиций - преодолевая жесткую центричность и односторонность *национальной безопасности*, она дополняется идеями и ценностями концепции *человеческой безопасности*. И в этом смысле нужно говорить об евразийской *интенции* понимания процессов понимания, идентификации и политики.

⁹ См.: Анурада Чиной. Концепция человеческой безопасности // Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Вестник. 2006. № 1.С. 127-130.

Session II : Critical Interpretations of Eurasianism

**Resurgence of Eurasianism and the Future of Eurasia :
A View from the East**

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”
Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Shin, Beom-Shik

Professor
Seoul National University,
Seoul, Korea

Resurgence of Eurasianism and the Future of Eurasia: A View from the East

SHIN, Beom-Shik

This paper is an attempt to explore both domestic and international political implications of “Neo-Eurasianism” which has emerged in Russia since the collapse of the USSR. Thus the main question is: how has Neo-Eurasianism been formed and what are the causes of its resurgence in Russian politics? In order to explore the implication of Eurasianism in international politics, this paper tries to find answer for the question whether Eurasianism can provide the ideological basis to facilitate regional cooperation and integration in Eurasia; and what its conditions are.

The complex of these ideas and concepts, "Eurasian approach," is one of the important components of Russia's thinking in its politics, philosophy, and history; and it is also the self-consciousness of the Russian nation. Eurasian ideas have been actively incorporated into political processes throughout different historical periods, one of which is the present-day period that began from the moment of the Russian Federation formation as an independent state after the collapse of the USSR. These ideas partially carry out worldview functions such as proving Russia's political priorities in socio-political space of Eurasia.

Eurasianism is a complex of ideas and concepts, collectively named as the "Eurasian approach," that reflects dialectical interweaving of the European and Asian civilization components into Russia's society, its worldview, and its politics. This concept also shows the uniqueness of Russia's socio-political development model, distinguishing Russia's equal measure from both the East and the West. Eurasianism has an analytical character in a sense that it is a concept with an extensive spectrum of meanings. Not all of these ideas or concepts of “Eurasian approach” in Russia's identity politics share the same self-identification. Moreover, not all of these ideas are related to the same terminology among authors. However, one of the meaningful themes of this work is to reveal the objective continuity of the essence of "Russian Idea" which has appeared at the various stages of Russian ideological-political developments.

Eurasianism is understood as a historically developed complex of ideas and concepts which interprets Russia's essence, place, role, statehood, culture, and civilization as a unique synthesis of

the European and the Asian. This synthetic complex of “the western” and “the eastern” within Russia originates not only from the outside world but also from the genuine national components of Russia.

Such a synthesis cannot be simply analyzed within the frameworks of neither "Western" nor "Asian" civilizations. Consequently, this transforms Russia into an independent center of power, a center of an original civilization and culture, and into a unique model of socio-political developments, thereby distinguishing it from all existing ones.

There are several distinctions that should be addressed when using the term “Eurasianism” in this paper. The Eurasianist approach which emerged after the collapse of the Soviet Union is generally called “Neo-Eurasianism,” in order to distinguish it from the “classical Eurasianism,”¹ thrived by the intellectuals of the Russian immigrant group in the early 20th century. Between the two terms, there are both consistency and discrepancy which would also make a meaningful research topic. Yet the main subject of this paper is an assessment to Neo-Eurasianism after the collapse of the Soviet Union, thus “Eurasianism” in this article generally refers to “Neo-Eurasianism” unless any specific modifier is added.

1. Eurasianism as a Final Version of the “Russian Idea”

‘Russian Idea’ indicates the collective way of thinking that defines the worldview and the ideology for the Russian nation’s future development.² By and large, a worldview is one of collective consciousness referring to a reasonable perspective of the world with a meaningful structure and a system of values regarding cognition, race, and aestheticism. Occasionally, a particular worldview is demonstrated through theoretical, political, economic or historical mechanisms. At times, art also becomes an important intermediary in reflecting a worldview. It can be identified as the “Russian Idea,” however, when the worldview of Russian nation is substantially connected to the self-consciousness and the ideological outlook towards their future developments.

Thus, “Russian Idea” can be defined as a historically formulated self-awareness which demonstrates Russian nation’s characteristics, essence, and its directivity towards growth.

¹ Joseph L. Wiczyński (ed.), *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History* (Gulf Breeze, Florida: Academic International Press, 1976) Vol.11, p. 6.

² On this idea, see: M. M. Maslin (ed.), *Russkaia Ideia* (Moscow: Respublika, 1992); Robin Aizlewood, "The Return of the 'Russian Idea' in Publications, 1988-91," *Slavonic and East European Review* 71:3 (1993), pp. 490-499; D. Schlapentokh, "The End of Russian Idea," *Studies in Soviet Thought* 43 (1992), pp. 199-217; S. I. Kurginyan, "Russkaya ideya, natsionalizm i fashizm," in *Kuda idet Rossiya* (Moscow: Aspekt Press, 1995), pp. 447-458; Tim McDaniel, *The Agony of Russian Idea* (Princeton: Princeton University Press, 1996).

Therefore, the main components of the 'Russian Idea' include: a) descriptive system of Russian nation's identity, b) prospects of the Russian nation's developmental path, and c) ideological narratives of its historical mission. These notions become an important basis for understanding Russia's perspective on international politics and foreign policies.

A nation's intellectual history can be understood as the developmental process of its self-consciousness. Thus if one traces the Russian intellectual history which delineated the characteristics of Russian nation's identity and self-consciousness between the East and the West, it is possible to find some significant developmental forces of the Russian Idea as follows :

Controversy between Westernism and Slavophile: It is true that Slavophile from Odoevsky to Kireevsky, Khomyakov and so on conflicted with the Westernisers tradition, represented by Belinsky, Bakhtin, Herzen. The "*Raskol* (раскол)" between the elite and the people in Russia since the Westernization policy by Peter the Great, however, was a feature reflecting the dualistic character of Russian statehood and the duality of Intelligentsia, the new cultural class rooted from Russia. Since then, the gap and feud between the orientation for westernization and the orientation clung to the Russian peculiarity have embedded within the Russian Idea in a form of the dualistic Russian statehood (государственность).

Pan-Slavism and Defensive Nationalism: Russia's concerns between the East and the West, have continued all the way through the Russian intellectual tradition. The notion of Danilevsky, one of the Pan-Slavists, exemplifies the new phase of 'Russian Ideas.' In his work "Russia and Europe," Danilevsky criticized the assumption that the West, symbolized as the European civilization, represents the social, cultural and intellectual advancements, and had opposed the Hegelian theory of history which saw the Europe as the final phase in world civilizations. He advanced his theory on the uniqueness of Russia, as a self-sufficient region distinct from that of Asia and Europe. His main argument lays on his Mosaic worldview based on the "polycentrism of the world civilizations." This mosaic world view suggests the idea of 'slavic world (славянский мир)' beyond the notion of ethnic Russia. He regarded this slavic world as the unique type of cultural-historical development, distinct from that of the East and the West, and as the great future where the humankind would begin. Yet his argument cannot be understood correctly without taking defensive nationalism of Russia, rooted from the historical event of the Crimean War, under its consideration.

Russia's Self-Consciousness of "Russia as the Third Power Domain": The specific statement of Russia's mission on building its originality through the 'integration of East and West,' signifies progress in Russian perspective towards the East. This can be also seen in the thoughts of Dostoevsky and Lamansky which appeared when Russia had expanded towards the Asian region. In

his thesis “What does Asia mean to us?” written about the Russian Army’s successful march to the Central Asia, Dostoevsky pointed out the prevalent perspective on Asia as the minor region at that time. Then he went on to assert that Asia would be the starting point on which Russia’s future will depend. Lamansky had also argued the reality of the ‘Slavic World’ as the third power domain emerging as a result of expansion and settlement of the Russian culture through gradual migration of Russians. He had also emphasized the fact that Russia, the new world between Europe and Asia which shares the vast continent of the world, has emerged.

The Russian Nation and the East: Yet for Russians, notion of the “East” which was formed in opposition to the “West,” has never meant ‘East’ in geological terms. The ‘East’ in the Russian minds relates to their “sense of Russian backwardness.” Longing to be a part of the ‘West,’ this sense of Russia was realized through its rival relations with the West. They saw Russia as an asset for development either in pursuit or surpassing their backwardness to the West. Therefore, this perception had strengthened confidence of the Russians that “betweenness of Russia,” positioned to connect the East and the West both geographically and culturally, has led Russia to undertake a unique path of self-development and it will also continue to do so. Furthermore, combined with the Christian Salvationism, it had also functioned as a mechanism to develop the idea of “Russia’s mission.” After all, Russia has never been a genuine member of Asia since the Grand Principality of Moscow, and it could be interpreted that Russia had utilized East in an attempt to build national identity on the basis of originality rather than to move toward the East as an ‘Eastern vector.’ For Russians, the East was to be acknowledged only through their relations with Europe thus the directivity towards their perception of Asia was determined based on their status of European relations. Such attitude towards Asia seems alike in the era of the Soviet Union as well.

Classical Eurasianism: The struggle for genuine integration of Russia’s Eastern and Western vectors emerged after the formation of the Soviet Union, from a group of exiled intellectuals, so called the Eurasianists.³ According to them, Russia formed an integrated world by being neither part of Europe nor Asia. In this world of ‘Eurasia,’ Slavic culture was merged with non-Slavic culture and diverse racial groups were organically mixed into the unique social-cultural lifestyle. However, Eurasianism, perhaps the final stage of the ‘Russian Idea,’ failed to satisfy the conditions to be verified through practice for those who had developed the idea were migrant intellectuals from outside Russia. However, after the collapse of the Soviet Union which enabled itself to rearrange

³ Mark Bassin, “Classical Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity,” *Ab Imperio* 2 (2003); Beom-Shik Shin, “The Two Aspects of Classical Eurasianism (*in Korean*),” *Russian Studies* 8:2 (Institute for Russian Studies, Seoul National University, 1998).

Russia's directivity of historical development, the Russian political elites and intellectuals with various political stands, seeking for the positive integration of East-West vectors, tried to rediscover the debates on Classical Eurasianism and apply them.

The Collapse of the Soviet Union and the Crisis of Russian State-building: After the collapse of the Soviet Union, Eastern and Western vectors clashed again in debates over the subject of state building orientation. From the Western orientation, the Western liberal democracy could be a potent alternative as a model laying the cornerstone of the Russian statehood. On the other hand, according to those who advocate the principle of Russian uniqueness, the three notions of Russian statehood—the autocracy (*samoderzhavie*), the peoplehood (*narodnost'*), and the orthodox church (*pravoslavie*)—should be the center in rebuilding statehood as Ubarov and Pogodin founded in the 19th century when the official nationalism was settled in Russia. In this conflicting process, divided into Progressives and Conservatives, the tension between the two controversial worldviews was in its repetition again. Reminding the controversies between Westernism and Slavophil, this tension had been the controversy between Atlanticism and Eurasianism.

Atlanticism and Neo-Eurasianism: *Atlanticism* refers to a strategy to westernize the state according to the theory of European Modernization. In other words, the project of modernization means to assign Russia into the established Western model, rejecting the unique historical creativeness of Russia. This attempt in Russia, however, was unfortunately linked to the reformative reasons in Russia which was not yet ready to be incorporated into global orders. Considering the dependence of 'historical time' on 'space,' it is true that the process of modernization is mostly dependent on the Atlantic hub or its proximity to Europe. These factors ill-affect Russia's modernization project which follows Atlanticism. Nevertheless, this does not necessarily mean that Russia should be wholly converted into the power moving towards the East. The psychological proximity of the Russians towards Asia is not as strong as towards Europe. Additionally, the underdeveloped infrastructure for cooperation with Asia becomes a major obstacle in surfacing as a substantive Asian power.

Accordingly *Neo-Eurasianism*, opposed to Atlanticism, can be understood as a strategy to shape out the unique model of civilization development on the basis of acknowledging the Western achievements, and at the same time, synchronizing it with its original historical and cultural traditions. Scholars such as Panarin, a representative theorist of Neo Eurasianism currently reviving in Russia, understand this modernization project to show the post-modern directivity and to explain that it includes neoconservative ideologies. They maintain that whether this project will succeed or not depends on how it secures both the source of political ideology and the energy to overcome

Western civilization through the process of a powerful re-ideologization in both social and state sectors.

However, Neo Eurasianists assert that considering the duality of Russia, a dual strategy is required which continues to be “the Second Rome” in the Eurasian world, and to play its Eastern role towards the West. Some scholars like Tsymbursky advocate isolationism from the Eurasian world, pointing out its structural change. However, most of the Eurasianists dominantly tend to support exclusive and positive activities in the Eurasian world and tend to secure the Hegemony based on it. Also they maintain that Eurasianism substitute the root of the lost identity of the “Soviet people” with Eurasian super-ethnos thus becoming a starting point for dissolving the Russian crisis. Since Eurasianism ultimately pursues the formation of ‘multinational polity’, it provides an alternative for the collapsed empire supposing the political composition for Russia to play a major role in space of the Soviet Union.

In the end, the characters of the “Russian Idea” formed in Russian history, brought the following types of historical developments as a legacy for the Russian statehood:

First of all, the developmental path of Russia had moved forward in a zig-zag form like a pendulum between Eastern and Western orientations, pursuing the development model of overtaking and acknowledging its backwardness.

Second, the stimulus to drive transformation of the state system comes from the West, and the desire for stabilization within the process of transformation is realized on its basis of uniqueness. In other words, reforms which began with the Westernization experiment were shown repeatedly in patterns of stabilization seeking Russia’s uniqueness.

As a result, the final version of the answer for the task to integrate Western and Eastern orientations has come to a notion called “Eurasianism” as the Russian mission developed from such legacy. It is true that Russia’s acknowledgement over the East has been gradually strengthened and has developed through this process, but the East has never been considered as an earnest partner for Russia’s historical development until the emergence of a newborn Russia. The very absence of such serious regards towards the East, as well as the absence of the future vision on the relations between the East and Russia, is the most important weak point in Russia’s Eurasian development and will become an important task in the development of the “Russian Idea.”

2. Resurgence of Eurasianism and Its Impact on Russian Politics

What are the reasons for Neo-Eurasianism, distinct from Classical Eurasianism, to emerge in the debate over Russia's identity and developmental path along with the controversy over "Russian Idea" after the collapse of the USSR? In order to understand the revival of Eurasianism in Russia after the collapse of the USSR, one must consider the demands of new ideas that would enact as a "focal point" in vacuum of the ruling ideas during the transformation period.⁴

For this task, we need to understand the ways of thinking that Russians have historically developed to ponder over the world and Russia's position in it. The results of Russian scholars' historical and philosophical thinking of Russia's worldview and identity have accumulated under the phrase of "Russian Idea." In a sense, Russian history can be interpreted as the process of searching for the Russian Idea. The most obvious attempts to catch the essence of "Russian Idea" can be found in the works of Russia's prominent thinkers and scholars such as P. Chaadaev, V. Odoevskii, I. Kireevskii, A. Khomyakov, K. Aksakov, N. Danilevskii, A. Herzen, K. Leont'ev, F. Dostoevskii, V. Soloviev, E. Trubetskoi, P. Savitskii, V. Il'in, N. Alekseev, G. Florovskii, P. Bitsilli, L. Karsavin, N. Berdiaev, S. Frank, N. Gumilev and others.⁵

Under this ideological tradition, Eurasianism has played the role of the "Russian Idea." The Russians' worldview, established on the relations between the West, Russia and the East can be developed into the level of ideology from time to time, but not always. The ideological struggles in Russia's transition period seem to have the fundamental nature of historical repetitiveness in that they are on continuous process of pursuing "Russian Idea" from a comprehensive view, and they are the responses of national self-consciousness to the Russian crisis.

Over the reasons why Eurasianism has become strengthened in the New Russia, Ignatov pointed out as follows⁶:

First, Eurasianism has provided not only the foundation of the worldview to build the new statehood but also the ideological basis in response to the crisis of statehood. That is, the argument

⁴ Judith Goldstein, Robert O. Keohane (eds.) *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change* (Ithaca and London: Cornell University Press, 1993); Jeffrey T. Checkel, *Ideas and International Political Change: Soviet/Russian Behavior and the End of the Cold War* (New Haven-London: Yale University Press, 1997).

⁵ On a short introduction of Russian intellectual history in the perspective of Russian Idea, see: Beom-Shik Shin, *Idei 'Evraziistva' isovremennyi rossiiskii ideino-politicheskii protsess* (Moscow: MGIMO, 1997), Ch.1; Andrei P. Tsygankov, "Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates," *International Studies Review* 10 (2008), pp. 765-772.

⁶ A. Ignatov, "Der Eurasismus und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität: Die Neubelebung des Evrazijsstvo," *Mythos* (Köln, 1992).

asserting that the first step to unravel Russia's crisis rests on the "Eurasian super-ethnos"⁷ substitution for the lost identity as the "Soviet people," was convincing. Second, the political elites are considering that the linkage between Eurasianism and the state ideology is a measure to weaken the western syndrome which was prevalent after the collapse of the USSR, to deteriorate Russian's sense of inferiority, and to justify the new development and hegemonic characters of Russia in the Eurasian region. Third, Eurasianism guides the public opinion to the reconciliation with the Islamic world thus providing the possibility to overcome internal contradictions of Russia. For last, since Eurasianism ultimately pursues the formation of 'multinational polity,' it suggests an alternative for the collapsed empire by supposing Russia's political composition to play a major role in a space which had been the Soviet Union's.

To infer based on the abovementioned conditions, Russian intellectuals and political elites who deliberated over the 'Russian Idea' during the transition period have become interested in Eurasian experiment to integrate the duality of Western and Eastern orientations based on the Russian uniqueness. Moreover, they examined the possibility of its realistic practice. Therefore, Eurasianism could be understood to have influence on almost every political group from Liberalists to Communists, or even to Nationalists. Also it has become the most influential alternative among the new Russian Ideas or the alternatives of new ideologies. The ideological directivity of Russia altered like this has affected its foreign behaviors as well.

The liberalist elites' desire to be a part of Western powers in the early stage of the Russian Liberalistic reforms could not be harmonized with the general sentiment of the Russians who were becoming conservative due to social and economic hardships. This disharmony raised the question of "Who are we Russians?" As a result, conflicts and controversies over interpretation of the Russian identity drastically changed the domestic backgrounds of Russian foreign policy, which in turn brought out the diverted understandings on international politics, or the basis of directivity of foreign policy. Hence the pro-Western liberal diplomatic line led by Kozyrev faced resistances due to domestic conditions of Russian society's conservatization which resulted from the liberalist painful reform as well as the unfavorable international political environment towards Russia which exemplified through NATO's eastward expansion. In the end, his diplomatic line was stranded with criticisms of the patriotic- nationalist group, later taking advantage of this change.

⁷ Discussion over the "Eurasian super-ethnos" was conceptualized in Trubetskoi's work on Eurasian nationalism, in which he argued diverse ethnic groups in Eurasian world have identity of super-ethnos within the Eurasian Civilization framework. Н. С. Трубецкой, "Общевразийский национализм," *Евразийская хроника* Вып. 9 (Париж, 1927).

Considering these changes, the newly appointed foreign minister Primakov pursued foreign policy converting from the West to the East, and strengthened the efforts to redefine Russia's national interest. These efforts of changes in foreign policy were to include strengthening the near abroad policy, to establish a trilateral alliance of Russia-China-India, and to consolidate strategic partnership with China. Such changes were considered as Russia to be moving towards anti-western policy. The above policies, however, have not achieved any visible outcomes. Russia was on the journey of arguments to find out the genuine self-identity and its national interest. However, the task to end the "lost decade" of Russia and to fill the gap between reality and wishful thinkings in foreign policy rested on Putin's shoulders, who appeared on the stage of the 21st century. Russia under Putin's leadership, compromising with reality under the name of pragmatism, redefined which to adopt or which to reject in order to build a superpower to win the Western recognition.

This change in Russian's understanding of international politics is quite parallel to the frame of disputes among the three political groups (pro-Western Liberalism, pragmatic centrism, patriotic nationalism) in Russia. It can be thought the three types of thinking were established on national interest of Russia and orientation of the Russian foreign policy, rooted from the reflections of defining Russia's identity. They include West-oriented Liberalism, Pragmatic Statism, and Tradition-oriented Nationalism. Because these three orientations have different starting points respectively in defining Russia's identity and its mission, they suggest completely different descriptions on the orientation of the Russian foreign policy. Moreover, the disputes among these three different schools and discourses have put fundamental foundations in establishing Russia's outlook on international politics.

The features of the above three types of thinking could be briefly introduced as follows:

West-oriented Liberals: Considering severance of "the civilized, advanced western countries" as the root of Russia's backwardness, this group of scholars asserts Russia's choice to be incorporated within the western community, in order to overcome the failed experience of the USSR which had been insulated from the advanced flow of global development. Therefore, their international order is the modern international system that the West has taken the lead in its development since the modern period, and its form of order on the basis of liberal democratic system and market economy from its continuous perspective.

Accordingly, acknowledging the threat against the formation and development of this leading global order being derived from resistance and challenges of nondemocratic countries, they believe Russia should dispose or limit the relations with these nondemocratic countries, and should

cooperate in developing the liberal democratic order and in cooperating for market economy and protection of human rights. Also, they admit the importance of the role of international organizations such as UN, and the utilized role of the western-led NATO.

After all, the pro-Western liberals, acknowledging the western developmental path is providing a universal model of human progress and the liberalistic world order, understood the purpose of the Russian foreign policy as to quickly obtain the achievement of the western development and form the condition to integrate into the advanced West, both in politics and economy. This orientation of the Russian diplomacy, to put the priority on the “matured, strategic partnership” with the United States and Europe, was apparent in the behavior of President Boris Yeltsin in his earlier days, and that of the foreign minister Kozyrev. This diplomatic line led by the pro-western group could not last for long as the group being diminished to one of the competing powers under intensive attacks from the anti-western group since the late 1992.

Rather, among the moderate reformists who inclined to liberalist reforms against a lean-to-the west policy, the presence of the critical pro-western liberalists seemed to be more consolidated than that of the *ex-parte* westernizers. The interesting point was, as time went by, these moderate liberals have moved towards Nationalism which stands for the conservative position as well as the pragmatic one, through reflecting the narrative system of Eurasianism which advocates the Russian value and the independent developmental path on their opinions. It also reflects the disappointment at the West, a sense of isolation, and the political conservatization of the Russian society since the mid 1990s. These liberals with a nationalistic tendency rejected a dichotomous way of thinking that Westernism divides into the developed west and the backward outside world, and instead developed the notion of a more elaborated world order on the basis of interdependence and collective security. According to them, it is urgent to build the world order of “unity in diversity”, in order to establish the new international order based on protection of universal human rights and cultural pluralism. The greatest obstacle, they suppose, is an attempt to force unilateral or west-centric order on this. They assert that Russia should adapt an integration policy into the world orders based on its cultural uniqueness in order to contribute in establishing such orders.

Meanwhile, regarding the issue of major actors in international politics, the west-oriented liberals admit the fact that the developed western countries hold the initiatives in international politics and that they support Russia’s attempt to be a part of this western world as a form of the western civilizational development. Currently, however, Russia does not hold enough economic power which they understand to be the consequence of the past developmental path based on communist ideology having Russia isolated from the West and being exhausted from maintaining the

socialist international system. In turn, they believe, it is important to be estranged from these errors, which would be possible through allying with the West. According to them, the greatest threat against Russia's development involves the argument that spreads anti-west orientation within Russia, and also externally, the autocratic states against the liberal democratic system as well as terrorist groups allied with them. One interesting thing is that these liberals response sensitively as well to the tendency of cultural imperialism of the West, regarding the issue of cultural diversity which should be preserved within the international order.

Therefore, the most important strategy for them is to join the "universal" path of development through western coalitions and to secure the membership of G-8, and to contribute on building a global civilization community. So they think it is most important to be incorporated quickly into the international economic order by joining WTO and to strengthen its interaction within it by making the best use of the assets of Russia.

Pragmatic Statists: The understanding on the international political environment of this group is quite similar to the realistic paradigm in international politics. They agree to the realistic view that only balance of power can guarantee peace and stability in the international order, characterized by competition among sovereign states as the major actors. In turn, mutual agreements and compromises among the powerful countries are basically the essential elements for international stability for which they emphasize the role of UN. The most fundamental root of global instability is understood as the revisionist attempt to shatter balance of power among the states, especially the powerful ones. Furthermore, they think it is necessary to take the progressive response to this defiant factor.

Such understanding-the most important actor in international politics is the state and the western powers are most influential among them on the stage of international politics- is little different from that of realism. However, regarding the current position of Russia, they think the unilateral concessions of pro-western policy made in the initial stage of reformation in Russia led to the weakening of influential power of Russia, both globally and locally, and Russia is undervalued due to this. Therefore, to overcome this underestimation, they place the national goal to restore its influential powers. The most crucial strategy for this involves reestablishing the military strength and exploiting energy resources, natural resources, and geological location of Russia converting it to its national influence. Based on this restored influential power, it is the major strategic target for Russia to constitute the axis of multipolar international order, and accordingly, the strategic keynote becomes balancing for the international strategic stability.

These pragmatic nationalists in Russia were influenced by Eurasianism as much as Westernism. They have a tendency of moderate conservatism to maximize national interest of Russia through an eclectic mix of pro-western liberalism and patriotic-nationalism. It appears to be that the geopolitical and strategic thinkings of Eurasianism have strong influence over the background of this tendency. The narrative system of Eurasianism which provides the answers for cultural or civilizational identity as intertwined with the target of balancing strategy between the East-the West or the North-the South, is deeply involved in the process of discussion over the Russian foreign policy. That is, the Eurasianistic thought, although acknowledging the core values of western civilizations such as democracy, pluralism, capitalist market economy, and human rights, also accepts the unique character of Russia at the same time.

For them, the cooperation and coexistence with the West is basically accepted to be the key policy target of Russia. Nonetheless they point out that the one-way directivity and dependence on the West cannot make Russia a genuine Russia. Rather, through the cooperation with Japan or Korea that had succeeded in building market economy, or through the cooperation of India or China with its tradition of strong interference by the government that are now quite successful, the Russian foreign policy should be readjusted to restore the balance between the East and the West, the North and the South. They also assert that the Russian foreign policy should be reestablished to realize the genuine interest of Russia in its unique tradition of the Russian geopolitics. The Russian foreign policy founded on this pragmatic nationalism has been strongly demonstrated continuously, from then foreign minister, Primakov's Multi-polar and Muti-vector diplomacy since 1996 – Primakov had had an influential power on foreign policy even after being appointed as the Prime Minister- to Putin's foreign policy at present.

Tradition-oriented Nationalists: Scholars of this school share the view that the uniqueness of the Russian civilization or the continental power conflicts with that of western civilization or naval powers in its nature. They suggest to detach this distinctive uniqueness of Russian civilization from the West while emphasizing both the tradition of unique and independent path of national development, and also the tradition of Russian civilization to be fundamentally distinctive from the Western path. They are characterized by their perceptual maps of the bipolar international orders, based on the double hemispheric perspective of the world bifurcated by Atlanticism of naval powers ideology through Anglo-Saxon countries, and by Eurasianism of continental powers including Russia, Germany, and China. They demand aggressive expansions of Russian power or the isolation from the flow of western development, while at the same time warning that the unconditional pursuit of

western civilizations ignoring the historical and geo-political situation of Russia can cause the extinction of Russian values thus ultimately putting its survival into danger.

Tradition-oriented Nationalists argue that Russia should persistently pursue the model of its national development based on the uniqueness of Russian civilization, restoring its strong national tradition of empire or the Hegemony (державность) which it held since the era of Russian empire. Thus the tradition of Soviet way of thinking and Russia's geo-political tradition that it has been purported since this era (the era of Russian empire), are the two important components characterizing the patterns of thinking tradition-oriented Nationalists.

Consequently, they argue that Russia should perform the role of strong deterrent power opposing the formation of a unipolar world led by the United States while asserting the expansion of United States' power over the Eurasian continent as well as the expansion of NATO to be an encroachment of genuine interest of the continental power including Russia,. According to this argument, strengthening Russia's national power especially its military, and the expansion of anti-western notion should be maintained in order to achieve this goal. If not possible, Russia should persistently pursue its strategic goal managing its status and prestige as a super power even through alliances with the anti-western or anti-naval powers. They maintain that Russia should retain its national prestige as a global actor as well as an active continental power either through maintaining its geo-political influence in a passive scale, or through seeking an active role by pursuing its territorial expansion in an active way.

Surely these Tradition-oriented Nationalists include diverse political powers. Depending on how to define Russian tradition between that of communist revolution and empire tradition, they could be divided into the two categories of neo-communists and expansionists.

Despite such differences, every personnel with reactionary and anti-reformist disposition is included within this category, ranging from neo-communists and traditionalists to extreme right expansionists. Such a traditional and nationalist inclination came to exert strong influence gradually over the formation procedure of the Russian foreign policy. Such influence was gradually strengthened when Zhirinovsky's slogan of 'Restoration of the great Russia' took much sensation in the parliamentary election in 1993, intertwined with the Russian Communist Party's rise to the first party of the nation in 1995. However, the matter is that this tradition-oriented nationalist group includes various political powers such as orthodox communists, revisionist brown communists, and traditional communists. These political powers agreed on certain values including anti-western, anti-Yeltsin, and anti-reforms. However, their values were not wholly conformed due to their different definitions of 'tradition'. However there is not so much dissension over the fact that Eurasian value

orientation was rooted behind their common criticism and rhetorics over foreign policies. Such value orientation well surfaced with the rhetoric of the neo-communists and expansionist, played a critical role in collapsing Russia's pro-western diplomacy through the controversy over Russian foreign policy and election in the mid-1990s.

3. Eurasianism and Changes of Russia's Perspectives on International Politics

To understand the contemporary implications of the Russian perspective on international relations, it is important to explore how the thoughts and perceptions of these major schools and political groups have influenced on Russia's international strategy and behaviors.

It is because Russia's foreign policy has been the outcome of 'politics of identity', formed in the midst of conflicts among domestic political powers, particularly in highly politicized circumstances. The idea of Eurasianism seems to have comprehensive and strong influence on the process of identity politics. Based on the analysis of Russian domestic discourse and debates which represent the Russian pattern of thought, Russia's perception of international politics can be categorized into three types as Table 1 shows.

[Table-1] Three types of Russia's perspectives on international politics

philosophical world-view	Atlanticism		Realism		Eurasianism	
support group	Pro-western Liberals		Pragmatic Statists		Tradition-oriented Nationalists	
politician	A. Kozyrev	M. Gorbachev	V. Putin	E. Primakov	G. Zhuganov	V. Zhirinovsky
foreign policy orientation	Globalism		Pragmatic Internationalism	Defensive Internationalism	Nationalism	
attitude toward the West	Cooperation with the West		Great power pragmatism	Great power balancing	Isolation from West / Confrontation against West	
IP perspective pattern	Convergence pattern (interdependence)		⇒ Compromising pattern ⇐ (influence & int'l prestige)		Divergence pattern (<i>derzhavnost'</i>)	

Beom-Shik Shin, "Russia's Perspectives on International Politics: A Comparison of Liberalist, Realist, and Geopolitical Paradigms," *Acta Slavica Iaponica* T. 26 (2009), p.9.

After the collapse of the Soviet Union, Russia's perception of international politics has been transformed from the Kozyrev doctrine to the Primakov doctrine, and to the Putin doctrine. These periodical features are defined as "Americano-centrism," the "Multi-polar Alternative," and "Integrationism" by V. Nikonov, or as "Liberal Westernism," "Great Power Balancing," and "Great Power Pragmatism" by A. Tsygankov.⁸

In the first phase, led by Kozyrev under the presidency of Yeltsin, the Russian perception had been preoccupied with pro-Western liberalism. Pro-Western Liberals identified Russia as a manager of a democratic and liberal market world order which was primarily run by the U.S. and Western powers. Expansion of NATO, however, posed serious challenge to this perception as an external factor. Yet more critical factor which brought about fundamental transformation in Russia's perspective on international relations came from its internal change. To understand this change, understanding the cultural and institutional context of the Russian society is critical, since process of defining national interests or development of foreign and security policies are defined by such cultural and institutional conditions. A number of studies on Russia's official statements concerning the expansion of NATO and discourse of political elites demonstrate that its elites and people did not regard the expansion of NATO as an actual military threat.

This shows that the exogenous factor, the expansion of NATO, was not a critical factor in deciding Russia's security concerns. Rather, NATO expansion ignited the domestic "politics of identity," more as a matter of domestic politics concerning its 'prestige,' 'status,' and 'identity'.⁹ As Alexander Wendt pointed out in "Agent-Structure Problem in International Relations Theory," the external factor, NATO, changed the Russian perception towards the exterior world by stimulating the new formation of its national identity, and consequently made Russian elites to redefine their national interests. It means a new change in Russian perception of international relations.

The discourse of 'Russian tradition' and 'Eurasian values,' which is characterized by its extensive criticism towards the Western-centered values, was the main rhetorical instrument used by Russian elites in expressing their perceptual changes. Russia's tradition as a super power, its geopolitical location as a continental power, its pride as a unique civilization, and its tradition seeking for socialist alternative to Western capitalism constituted a perceptual basis which supports

⁸ V. A. Nikov, "Resursyi priorityty vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii," A. V. Torkunov et al. (eds.), *Sovremennyye mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* (Moscow: Prosveshchenie, 2006) pp. 729-43; Andrei P. Tsygankov, *Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity* (Lanham, New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2006).

⁹ Peter Shearman, "New Political Thinking Reassessed," *Review of International Studies* 19:2 (1993), pp. 139-159; Peter Shearman, "NATO expansion and the Russian Question," in Robert G. Patman (ed.), *Security in a Post-Cold War World* (NY: St. Martin's Press Inc., 1999), pp.157-180.

Russia's new identity. The birth of Primakov line, which led the second phase, could be understood in this context.

Anti-Western policy of the Primakov line was a Russia's struggle to recuperate its imperial identity and pride. It meant a significant change in Russian foreign policy, at least in rhetoric, since Russia began to seek for restoration of its super power status through such efforts. Primakov's superpower diplomacy, however, could not bring about substantial diplomatic achievements or changes in policy area. It was due to the large gap between Russia's "wishful thinking" and its limited material capability.

Russia's proclaiming of "superpower" status, which was at least domestically supported by national sentiments, was totally ignored by Russia's "others," the Western powers. Recognition by the "other" had been sought only in the prospect of the alignment with a new ally.

Although creating a new ideational orientation is not a difficult work, implementing and realizing it as an actual policy is a totally different matter. What these changes imply is, however, that Russia's perception of international relations began to change. Eurasianism, as a new way of thinking, offered a guideline during this process of 'politics of identity'.

A series of documents, which show the clues of Russia's new perspective on international relations reflecting aforementioned changes, were published with the advent of Putin. The most significant change with the beginning of Putin's era was that Russia's struggle for its new positioning based on pragmatism and realism has begun.

It was a pragmatist foreign policy, based on Russia's real capability, unlike Primakov's rhetorical approach. In addition, tremendous political impacts of 9/11 and the War of Terror offered a turning point for Russia to recuperate its status and pride. Russia could show the world its status as a superpower by overcoming its status as an 'anti-American balancer' in a rhetorical term during the Primakov's era or as a 'junior partner' of the United States during Kozyrev's era, and strengthening its image as an equal superpower cooperates with the United States.

It is clear, however, that such an aspect of Russian perception of international politics during the Putin's era is the compromising form of perception, as a combination of Western-liberalist components and traditional-nationalist ones depending on the internal or external conditions. In other words, this new facet of perception can be characterized by the double-sided self-consciousness. When it is possible for Russia to cooperate with the United States or Western countries under the favorable conditions for itself, Russia's image as a pro-western actor would be emphasized in its foreign policy. On the other hands, the other aspects of Russia, the face of superpower, would come to the surface when such conditions change in the opposite direction. Such a change is well exposed

in its policies towards Eurasia after 2005, as well as its policies towards the Western countries after 2007.

At the early stage of his presidency, President Putin explicitly revealed his intention to strengthen the cooperation with the Western countries, emphasizing Russia's European identity. It did not mean, however, Russia decided to change its direction to pro-Western. Putin's reemphasis on multi-polar world and explicit expression to deter the American unilateralism could be understood as clear evidences showing the compromising character of the current Russian perception of international politics.

In sum, Russian perception of international relations has been formed through the tumultuous and dramatic process of transformation both in its domestic and international politics in the post Cold War era. Russia is still seeking to harmonize its uniqueness with the generality, balancing itself between traditional perception of international politics and liberal one. In this process of equipoise and compromise, Eurasian way of thinking is setting itself as the critical standard for evaluating Russian perception of international politics and its foreign policy.

4. The New Challenge for Eurasianism

As stated above, Eurasianism played a significant role in stabilizing Russia's domestic politics, functioning as a novel basis for "Russian Idea" during the domestic process of "politics of identity."

The challenge for this Russian version of Eurasianism, however, could be posed in Eurasia facing the 21st century. This exogenous challenge is related to the tasks of reformulating the structure of the Eurasian region. A region under a specific naming is constituted in the process of struggle and discussion in international arena. Thus discussions over the range and implication of the term "Eurasia" should be understood as matter of international politics.¹⁰ Since the end of the Cold War, Eurasia has been experiencing deep transformation in various dimensions, becoming the center of global strategic and socio-cultural competitions. Changes range from New Great Game of global scale, the geopolitical pluralism and normalization of relations among Eurasian states to democratization and socio-cultural changes in post-cold war societies. Though extensive in scale, these changes have not been so far translated into multilateralism in the region. Multilateral

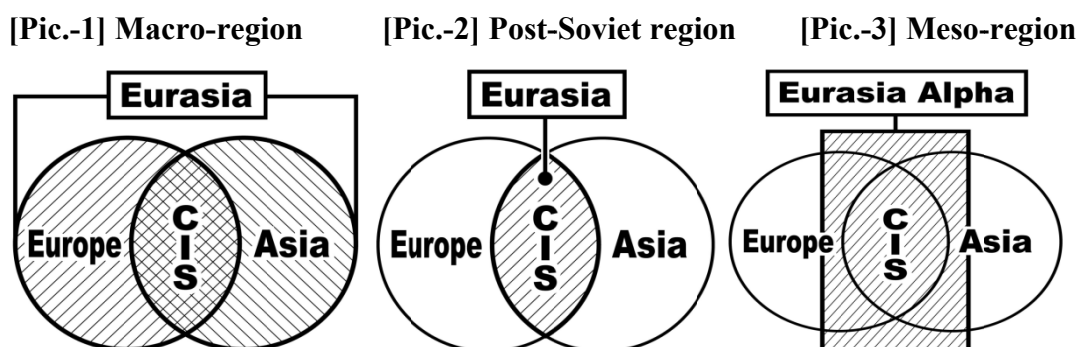
¹⁰ On formation and naming a region, see: Donald Emmerson, "Southeast Asia: What's in a Name?," *Journal of Southeast Asian Studies* XV-1 (1984), pp.1-21; Arif Dirlik, "The Asia-Pacific Idea: Reality and Representation in the Invention of a Regional Structure," *Journal of World History* 3-1 (1990), pp.55-79.

tendencies are the first step towards adapting to the globalizing world order, but the signs for regionalism in the region are far from clear.

One of the major challenges Eurasianism would possibly face concerning such a regional cooperation and integration matter, is about defining the range of 'Eurasia' as a region where its critical interest is at state from Russian perspective. The other is whether Eurasianism would be able to obtain its universality over the area of national interests of Russia, as well as its relevance with Russian nationalism.

Concerning these challenges, it is required to think about several uses of the term similar to this word 'Eurasia'. As S. Kurginyan pointed out, Eurasianism differs in its contents according to its originating place. In general, contemporary Eurasianism can be divided into three forms: Russian version, Islamic version, and European version.¹¹

As can be seen in this distinction, Eurasianism centering on Russia and European Eurasianism both appears to define different spatial ranges for Eurasia; the matter is how to delimit the range of it. Concerning the range of Eurasia, there are three examples of usage in general.¹² The first example for the usage of the term Eurasia, derived from geography, means entire Asian and European continents (Pic.-1). The second meaning of the term refers to the space of post-Soviet Union including Russia (Pic.-2). The third one refers to the post-Soviet space and its neighboring regions which closely interact with the former (Pic.-3).¹³

¹¹ А. Колъев, *Идеология абсурда: Симптомы и лечение* (Москва: Интеллект, 1995), с. 161-167.

¹² Concerning the different usages of the term 'Eurasia,' see: Alexei D. Voskresenski, "Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Interaction in Eastern Eurasia," in Ieda Osamu, Uyama Tomihiko (eds.), *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds* (Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006); Ieda Osamu, "Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia: Focused on Eastern Europe," in Kimitaka Matsuzato (ed.), *Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised?* (Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005); Vello Pettai, "The Study of Meso- and Mega-Area Dynamics: Methodological and Empirical Considerations," in K. Matsuzato (2005).

¹³ The figures are from the presentation material by Iwashita Akihiro at a workshop on "Eurasianism - Past, Present Future" held by KAIS (Hoam Faculty House, SNU, June 6, 2007)..

As a matter of fact, the space where images of the Russian philosophers comprehend over the Asia is not unified, since the level of Russian influence is volatile depending on its national power and the international circumstances. Although there exists no agreement on the geological definition of the range of Eurasia historically, the question of whether uniting the comprehensive words “Russia-Eurasia” holds the valid meaning in the current post-Soviet international politics could be raised.

The notion of Eurasia as the most realistic alternative in the current Russian practice of international politics seems to be the one includes the former-Soviet republics as shown in the picture-2. The space is where Russia wants to manage as the most clear-cut region projecting its political power since the era of the Russian empire and that of the Soviet Union. The situation of the international politics in the 21st century, however, shows certain restraints for defining “Russia-Eurasia”, as an exclusive and independent space due to several challenges in the region: “geopolitical pluralism” rising in the region, rise of China, and the entry of the U.S. into the Central Asia and Caucasus. Especially for the countries that recently gained their independence in the region, the notion of “Russia-Eurasia” and the Russian way of Eurasianism are likely to be perceived as an imperialist ideology supporting Russian national interests, since those ideological attempts clearly emphasize Russo-centricism.

As suggested in the picture-2, however, the notion of Eurasia as a “meso-region”, including former-Soviet republics, notably Russia, and neighboring countries such as China, Mongolia, India, and Iran, is gradually taking practical implications. Especially the establishment and development of SCO is taking another chance to strengthen such notion.

Yet regarding the practice of developing the regional cooperation in Eurasia, as seen in the picture3, there appears to be either procrastinating or negative attitudes in terms of two perspectives in Russia. First, Russia is unlikely to give up its exclusive superiority over the “Russia-Eurasian” space (pic 2). Especially, Russia would try to maintain the Eurasian region as the resource for its influence (as shown in the picture-2) concerning rise of China. Russia’s recent attempts of strengthening the regional cooperation frameworks such as CSTO or EurAsEC are the good examples of it. The other is related to Russia’s intention of using SCO framework as an instrument for resistance against the United States and the Western countries.

Such an attitude of Russia, however, would not be helpful for invigorating the regional cooperation in Eurasian region in the long-term. It is critical for Russia to maintain Eurasia under its exclusive influence as shown in the pic2, while resolving the doubt and fear for possible Russian hegemony among the countries in the region. Further, developing the structure for regional

cooperation in Eurasia as seen in the [Pic.-3], is also important for Russia to develop the cooperation with the neighboring powers such as India and China.

At the same time, it is significant for the peace and prosperity of Eurasia, that expanding Russia's range of cooperation in the meso-region level, as a way towards the 'open regionalism' with clear expression of its intention, rather than exploiting such a mechanism to resist against the United States and Western countries, while leading the process of such cooperation and integration.

Another challenge still remains even if Russia takes an initiative of cooperation in Eurasia as a meso-region. What status of Asia and Europe in the space of Eurasia would be is still a critical matter.

What is evident, however, is that policies that pursue its international politics based on the understanding of Eurasia-as shown in the picture-1, are yet actively discussed within Russia. Of course, such a perspective has been expressed as a formal conception of "Common house of Europe" which refers to the immense European region from Vladivostok to Dublin. The idea caused sensational response not only in Soviet/Russia but also in Europe at the time.

Under such considerations, the spatial range defined by Grand Europeanism and Eurasianism was relatively identical. However, Eurasia, defining the range of picture-1, is not yet the critical matter of consideration within the current practice of Russia in its international politics. Although this might be considered in the long-term perspective, it seems impossible to define comprehensive Eurasian region as a measure of policy in a current situation of when the alliance structure of Atlanticism such as NATO is becoming intensified, as well as the regional integrational body of Europeanism in Europe.

In Northeast Asia there exists 'perceptual pessimism' or 'perceptual fatalism' which refers to a fad in intellectual circles to contrast Eurasia with Europe to reach negative conclusions about the future of integration of the region. Such pessimism has given rise to a related thinking that economics is one thing and security matters are another, causing a huge gulf between studies of economy and security. Thus growing economic interdependence among these regional states incongruously go with the deepening security competition in a contradictory way. Perceptual pessimism is one of the main features of challenge for the Northeast Asian states, which needs to be squarely dealt with.

In this regard, a wider scope of regional concept such as "Eurasia" is deemed to be essential to promote regional cooperation projects in overcoming the perceptual pessimism. By only broadening the regional scope, it becomes possible to incorporate such sub-regions like Central Asia, Russian Siberia, the Far East, Mongolia, and Northeast Asia into a coherent regional category. This

reflects efforts to view the region a more positive way by overcoming “perceptual pessimism” and involves identification of more positive elements for integration which are not available in Europe to eventually provide a blue print for the future of the region.

There are numerous cases which show limitation in developing Northeast Asia-based regional order, including the U.S.-Japanese alliance, the rising Chinese influence, Russia’s development strategies in East Siberian and Far Eastern region. Though it is not clear to what extent the adoption of the concept of Eurasia would broaden the cognitive scope of regional cooperation, there is no doubt that it will be a good starting point for different ways of thinking about regional order.

However, a new way of fostering the cooperative culture in Eurasia is by formulating new ideas for co-prosperous sphere of life and common understandings of Eurasia which can come only from reinventing Eurasianism and relating practical strategies for its realization.

Developing Siberia or Far East region in Russia is particularly critical, not only in terms of preserving the territorial integration for Russia but also in terms of driving a new engine for Russia’s development in the future. How to engage these Far East and Siberia regions into Northeast Asia to ride the regional development flows while creating the structure for cooperation, is significant for both Russia as well as for the Northeast Asian region.

Thus as a theoretical and conceptual foundation of all these efforts, it is time to redefine the concept of Eurasianism within the newly emerging regional context. Rather than understanding Eurasianism largely in negative, residual, or fuzzy terms, one should redefine its concept to make it more useful in positive purposes. Taken this under consideration, it is important as well as interesting to critically review Eurasianism from the perspectives of the countries in the region, and to come up with a more fine-tuned understanding to suit more positive goals for the future.

Conclusion

As seen above, the 21st century Eurasianism is called from its perceptive framework of the post-Soviet domain, for its ideological development to comprehend regional cooperation and integration by both philosophy and practice. Moreover, it should also answer to the question whether how Russia will perceive and accept Northeast Asia as well as Europe in this vast framework of cooperation. Such challenges demand Russia’s open practice and its necessity to macro- and meso-regionalize in recognizing Eurasia.

There is much room for controversy over the question whether Russian foreign policy based on Eurasianism, would be helpful to achieve the new goal of international politics in Eurasia, and in

cooperation and integration of the region from external, middle-range, and macro-range perspectives. While the integration of Eurasia is getting intensified under the conditions of increased significance of Asia as well as the rise of China, the development of India, can Eurasianism be a basis for the regional integration?

This very question would be the essential matter of the 21st century challenges against Eurasianism. As pointed out earlier, Eurasianism as a Russian idea fails to possess enough consideration for Asia. It is now required for the new perception of Asia reflecting the assets of Russia's development, not as its auxiliary and complementary characteristics, to prevail.

Russian way of Eurasianism has been used as a rhetorical instrument for the Russian responsibility of creating mankind civilization by combining the Western and the Eastern vectors. Possessing mediatory trait between the West and the East, Eurasianism faces the demands for change in the 21st century international politics. This era demands that Eurasia should transform into open and organic domain diverting from the heritages of the 20th century, when region was defined to be the domain which Russia would exploit for its autonomous political economy and for its socio-cultural scopes.

In other words, Eurasia, not just as a post-Soviet space but as the mediator between CIS countries, Russia, and its neighboring countries, and as the connector Asia and Europe, is now being required as its new vision. Thus Russia and neighboring countries need to develop Eurasian collaborative regionalism in its level of CIS region, meso-region, and macro-region while going beyond the frame of Eurasian super-ethnosism or exclusive Russian nationalism. During such procedure, Russia should try to share its vision with Northeast Asia through interaction as well as sharing it with the European countries. This would be the way to realize Russia's genuine geo-strategic value, distinguished from the errands of Russian empire trying to win the world merely with its own power.

Session II : Critical Interpretations of Eurasianism

Eurasia as a New Geopolitical Concept of Post Modern

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Aleksandr Dugin

Professor

Moscow State University,

Moscow, Russia

agd@rossia3.ru

ЕВРАЗИЯ КАК НОВОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ПОСТМОДЕРНА

Александр Дугин

Определенные термины от слишком частого употребления теряют своё первоначальное значение, утрачивают исторический смысл. Значение таких понятий как "социализм", "капитализм", "демократия", "фашизм" подверглись фундаментальной содержательной эрозии. Размывание смысла в данном случае происходит от слишком частого их употребления. Банализация понятий обесмысливает их. В понятиях "евразийство", "Евразия" также содержится некая неопределенность. Но по совершенно иной причине. Эти термины не столько затерты, сколько слишком новы. Они принадлежат к политическому языку, который только устаивается, внедряется. Они принадлежат к новому интеллектуальному контексту, который пребывает в стадии становления. Термин "евразийство" живой, он отражает активный динамичный процесс, а не какую-то строго фиксированную реальность. Он только получает свое строгое значение в ходе исторической и интеллектуальной практики, а следовательно, это значение остается открытым, нуждается в постоянном уточнении, развитии, углублении. То же самое можно сказать и о понятии «геополитика» и о понятии «постмодерн». Попробуем разобрать три этих новых определения политического языка не банально, но с точки зрения их изначального, содержательного смысла.

Парадигмальная система координат: премодерн — модерн — постмодерн

В нашем мире происходит фундаментальный слом парадигм, сопоставимый с тем, который произошел в Новое время. Новое время (модерн) сменило собой «традиционное общество» (премодерн), утвердило программу его полного уничтожения и приступило к ее исполнению. Это была настоящая революция парадигм. Сегодня на наших глазах складывается новая парадигма, которую принято называть «постмодерном». Смысл этого понятия сводится к обозначению нового состояния цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики в той ситуации, когда основные энергии и стратегии модерна, Нового времени, представляются либо исчерпанными, либо измененными до неузнаваемости.

Приставка «пост» отсылает нас к состоянию, следующему за данным. Постмодерн наступает только после конца модерна.

Модерн, как парадигма, рожденная Западной Европой в Новое время, была отрицанием традиционного общества. Как альтернативный концепт, он был рожден посттрадиционным и антитрадиционным обществом, выработавшим систему критериев, в которой наука, опыт, техническое развитие, рационализм, критицизм и индивидуализм заменили собой теологию, коллективность, веру, догматику, холизм, интуицию, онтологизм традиционного мира. Программа модерна питалась энергией отрицания, опрокидывания устоев того, что тысячелетиями казалось непререкаемым абсолют. Западный модерн распространялся, созидался и укреплялся через борьбу с не-модерном, не-современностью, «премодерном», а также через борьбу с не-Западом (Востоком или Третьим миром). А. Тойнби осмыслил этот процесс в тезисе «The West and the Rest», у С. Хантингтона он превратился в «The West against the Rest». Программа и основной пафос модерна заключались в ниспровержении очевидностей традиционного общества, либерализации и освобождении человека от всего того, что догматически претендовало на роль его коллективной идентификации.

Либерализм изначально был чистым воплощением модерна, отрицавшим последовательно и размеренно онтологию премодерна. Вначале либерализм (буржуазная демократия) последовательно победил монархии и сословные общества. В этом процессе буржуазных реформ и революций, по сути, была сформулирована основополагающая программа модерна: Фрэнсис Бэкон и Адам Смит сегодня звучат абсолютно современно. Отрицая шаг за шагом фундамент традиционного общества, «освобождая» Европу от его нормативов, либерализм двигался широким путем нигилизма. Первый аккорд этого освобождения очевиден: разрушаются формальные структуры традиционного общества, представленные эксплицитно. Этот этап завершается к концу XIX века, когда формально феодальных режимов на Западе более не остается. Отныне нелиберальные идеологии вынуждены принять терминологию модерна, формально облачать свои идеи и тезисы в язык современности. Так, наряду с либералами, которые представляют собой модерн и по форме и по содержанию, сложились течения консервативных революционеров и коммунистов.

Консервативные революционеры, представители идеологии «третьего пути», пытались - довольно прозрачно и осознанно - обернуть консервативный фундаментал (ценности традиционного общества) в оболочку модерна, не просто отвергая модерн, как классические консерваторы, но пытаясь его перетолковать. Классический пример - Луи де Бональд,

утверждавший, что после того как «Французская революция утвердила в обществе «права человека», консерваторы должны утвердить в нем «права Бога». Он делал вид, что не отдает себе отчета в заведомом богоборчестве атеистической программы модерна... Наивная хитрость («теперь мы должны») тем не менее возымела свой эффект, и многие европейские режимы 20-30-х годов XX века поддались на консервативно-революционную стратегию.

Но в середине XIX века сложилось еще одно направление, которое до поры до времени воспринималась как наиболее «продвинутой» форма модерна, как наиболее «модерновое» в модерне. Речь идет о революционной демократии, социализме, коммунизме. Здесь, казалось бы, нигилизм (отрицание традиционного общества) был еще более очевиден, нежели в либерализме, и многие искренне рассматривали это направление как будущее буржуазно-демократического периода. До поры до времени обе тенденции модерна (либерализм и социализм) шли рука об руку, по крайней мере в том, что касалось борьбы с традицией в ее явной (консервативной) или завуалированной (консервативно-революционной) формах. По мере достижения успехов в общей борьбе заострялись противоречия между этими двумя формами.

Таким образом, к началу XX века модернизация шла уже сразу по трем каналам, три идеологии претендовали на ортодоксальное выражение этого процесса: идеология национальной модернизации (фашизм и его аналоги), идеология социалистической модернизации (марксизм) и идеология либеральной модернизации (англо-саксонский капитализм). Все они предлагали свой путь и по-своему трактовали стартовый импульс Нового Времени, все были ориентированы на достижение некоторого финального состояния модернизации, когда ее процессы достигли бы наивысшей стадии. Иными словами, на горизонте всех трех версий модерна сияли три утопии, три версии «конца истории» как завершения процесса модернизации.

Фашистский проект (особенно масштабно воплощенный в мифологии национал-социализма) предполагал создание «планетарного Райха», где расово-германский элемент был бы венцом и субъектом технической эволюции. Показательно, что здесь апелляции к теме «Reich»'а, т.е. «царства», «империи», были прямыми и, по сути, обнаруживали наличие полуосознанной цели - реставрации условий премодерна в глобальном режиме с преобладанием германского расового элемента. Модернизация в нацизме была диалектическим средством для практической реализации «вечного возвращения», о чем прямо повествовали нацистские мифы. Германский «планетарный Райх» рухнул первым. Данный план «модернизации для архаизации» был сломлен.

Второй проект – советский – был более тонким и предпочитал оперировать только категориями модерна, без прямых апелляций к «империи». «Империей» («красной империей») – в полемических целях и в pejоративном смысле – СССР называли только враги. Однако и здесь модернизация должна была достигнуть своего пика с переходом на качественно новый уровень. Этим пределом был коммунизм. История модернизации, осознанная в гегелевско-марксистских терминах, кончалась бы коммунизмом. Исследуя советский опыт уже в 30 годы XX века, многие прозорливые либералы (К.Поппер, Н.Кон, Ф.фон Хайек, Р.Арон) пришли к выводу, что коммунизм и социализм суть разновидности консервативной революции. Но архаичное, сакральное и традиционное здесь весьма специфично, глубоко завуалировано и подчас невятно большинству самих коммунистов и социалистов. Речь, по их мнению, шла об эсхатологической версии традиции, абсолютизирующей онтологию будущего. По сути, коммунизм – это постмодерн в советской версии модернизации, точно так же, как «планетарный Райх» – постмодерн нацистского проекта. Но и эта модель не реализовалась.

Третий проект модернизации – либерально-демократический – остался единственным, который дошел до финишной черты и тем самым выиграл приз на наследие всего модерна. После Второй мировой войны начался очередной этап очищения модерна от традиции, но уже от тех ее элементов, которые проникли в модерн глубоко и неявно. В этом состоял парадигмальный смысл геополитической и идеологической борьбы между советским и капиталистическим лагерем в послевоенный период («холодная война»). Постиндустриальное (информационное) общество – единственная успешная модель завершения программы модернизации и перехода ее на следующую ступень развития.

Гегелевская философия истории, определявшая логику модернизации во всех вариантах, могла теоретически привести к одной из трех альтернативных версий «конца истории», постмодерна. Об этом много спорили в XIX и XX веках. А.Кожев одним из первых выдвинул гипотезу, что этим «концом истории» станет не коммунизм, и тем более не планетарный нацистский Райх, но именно либерально-модернистическая парадигма. Теоретически постмодерн мог бы быть нацистским, коммунистическим или либеральным. Он стал только либеральным, именно либеральную парадигму следует принимать за образец постмодерна. Переход от модерна на следующую ступень исторически реализовался только в либеральном контексте, и иного формата постиндустриального общества, кроме либерального, мы не знаем. Все остальное – в сослагательном наклонении. Конечно, Ф.Фукуяма несколько поспешил объявить о том, что история закончилась. Но в целом он был прав. Выиграв соревнование с

фашизмом и коммунизмом и первым реализовав переход от модерна и индустриального уклада к следующей постиндустриальной эпохе, либерализм остался один на один с самим собой.

Сегодня Ф.Фукуяма корректирует свой тезис о «конце истории», т.к. реализация «империи постмодерна» сталкивается с новыми трудностями, - например, всплытие затопленных и ранее игнорируемых смысловых и психологических «континентов» премодерна в Третьем мире, в Азии и т. д., - но теоретически построения американского футуролога безупречны. Раз альтернативные проекты модернизации сорвались и не дошли до следующей стадии (не случайно Н.Хрущев назначил коммунизм на 1980-е - опоздание со сроками реализации «советского постмодерна» создавало реальную угрозу победы Запада, что и произошло), то «конец истории» доказал себя в лице планетарного либерализма.

Победа либерализма нивелирует различия между прежними проектами, стремившимися быть ему альтернативой. Это означает, что к началу XXI века различия между классическим консерватизмом, третьим путем, коммунизмом были практически стерты, а на следующем этапе это коснется и социал-демократии. Все, что оказалось «немодерном» - по форме или даже по глубокому и бессознательному содержанию, - отнесено в разряд политнекорректного, «вечно вчерашнего», «преодоленного».

Постмодерн: Запад, Восток и Россия

Описанная выше схема (премодерн - модерн - постмодерн) взята, однако, по прецеденту (в юридическом смысле): так или приблизительно так обстояло дело с той частью человечества, которая проживала в последние две тысячи лет в Западной Европе или была как-то связана с ней генетически (колонизаторские культуры обеих Америк, в меньшей степени - Африки и Тихоокеанского бассейна). И хотя в самой Западной Европе эта модель также имела множество отклонений и противоречий, тем не менее можно утверждать, что «телос» западноевропейской истории именно таков: от традиционного общества к современному, от премодерна к постмодерну.

Но европейское или европоцентричное сознание отличается «гносеологическим расизмом» и постоянно осуществляет отождествление «западноевропейского», «европейского» и «универсального». Западноевропейский «телос» истории берется как универсальный «телос» истории человечества, на основании которого вырабатывается «универсальная» система оценок, критериев и шаблонов. Путь от традиционного общества к

современному (и «постсовременному»), который прошел и продолжает проходить Запад, считается универсальным путем для всех стран, культур и народов. Их история рассматривается лишь как процесс «модернизации» и «вестернизации».

«Вестернизация» и «модернизация» - понятия не тождественные, но в то же время тесно связанные между собой концептуально. «Современность» оценивается со знаком плюс только в прогрессистской западной парадигме, поэтому этот термин заведомо несет на себе ее отпечаток. «Модернизация» (в широком смысле) имплицитно постулирует универсальность «исторического телоса», по сути скалькированного с «телоса» именно европейской истории.

Очевидно, что история традиционных обществ (а к этой категории до сих пор принадлежит подавляющее число жителей земли!) выпадает из такой телеологической парадигмы, движется по совершенно иной траектории. Следовательно, в глазах Запада «история» большинства человечества игнорируется в ее содержательном измерении, а внимание фокусируется лишь на тех ее фрагментах, где дают о себе знать признаки «европейского телоса», т. е. «элементы модернизации».

Для написания учебников по всеобщей истории такой подход чрезвычайно удобен: все общества, культуры и страны ранжируются в соответствии с упрощенной исторической схемой, выстраиваемой согласно априорно заданной телеологии. Далее задача приобретает чисто технический характер - в зависимости от уровня учебника более или менее нюансируются иллюстрации (любопытно, что марксизм в значительной мере наследует западноевропейский «гносеологический расизм»). Вне подобной историцистской парадигмы говорить о «постмодерне» (равно как и о модерне) бессмысленно.

Эволюция социально-политических идентичностей в парадигмальной системе координат

Какое бы социальное явление мы ни рассматривали, следует точно локализовать его в парадигмах исторического процесса по линии «премодерн» («традиционное общество») - «модерн» (Новое время) - «постмодерн». Очевидно, что смена парадигм происходит не мгновенно, а занимает довольно растянутый исторический период. В этом качественная содержательная нагрузка исторического процесса: модерн, с его революционной повесткой дня, элиминацией метафизики, освобождением индивидуума, разрушением старых социокультурных, политических и религиозных форм, вытесняет премодерн постепенно, а тот («традиционное общество»), в свою очередь, упорствует, ищет новых воплощений, стремится

одновременно прямо противостоять ему и проникать изнутри, имитируя «модернизацию». Сложность картины смены парадигм никогда не позволяет однозначно определить, когда модерн победил, а премодерн исчез. Нельзя спешить с выводами: премодерн очень устойчив, жизнеспособен, глубок и способен прорасти сквозь рациональную программу модерна, как трава сквозь асфальт. Иррациональное, мифы, чувства, сны, интуиции ведут против модерна свою тайную работу, не останавливаясь ни на мгновение. Проследим цепи парадигмальных эволюций на примере трансформаций идентичностей - социальной, политической, индивидуальной.

Премодерн знает следующие основные идентичности:

- империя;
- этнос;
- религия;
- иерархия (каста, сословие).

Империя объединяет в общий рациональный проект несколько этнических групп, универсализируя определенный культурный тип который ложится в основу выработки системы особой имперской рациональности, всегда подчиненной высшей, сверхрациональной, трансцендентной цели (*imperium sacrum*).

Этнос это, напротив, данность. Это матрица культурной, языковой, психологической, родовой, кровной, но и социальной, природы человека. Рождаясь в премодерне, человек попадает в этнос и чаще всего остается в нем до самой смерти.

Религия - особая форма идентичности премодерна. В некоторых случаях она совпадает с этносом (иудаизм). В других случаях она опирается на стратегический потенциал империи (римское язычество, позже христианство в Византии).

Для большинства типов традиционного общества характерен Кастовый (или, смягченно, сословный) принцип. Почти все они основаны на иерархии, где высшие касты соответствуют духу, низшие - материи. Человек премодерна отождествляет себя со своей кастой, которая дает ему обоснование для социальной жизни и самопозиционирования. Иерархия - дословно, «священновластие» - является неотъемлемой чертой традиционного общества.

Интересно следующее: при сдвиге парадигм - от модерна к постмодерну - открываются затопленные континенты «традиционного общества», его, казалось бы, давно преодоленные и рассеянные установки. Премодерн - особенно в Третьем мире, но и не только - пользуется критической фазой перехода для того, чтобы снова напомнить о себе. Так, как это ни парадоксально, все чаще дают о себе знать архаические идентичности: в политологическом

языке снова употребляется термин «империя» или «империи» (во множественном числе); этносы напоминают о себе после столетий подавленности со стороны национальных государств; религии (в частности, ислам) вновь становятся фактором мировой реальной политики, а секты и радикальные политические организации воспроизводят параметры древних иерархий. Так складывается в нашем мире сложная мозаичная система идентичностей. Сегодня мы легко можем обнаружить - причем на одной и той же плоскости - следы всех перечисленных нами парадигмальных эпох. Часть человечества живет в постмодерне, часть - в модерне, часть - в премодерне, причем эти эпохи в пространстве локализуются недостаточно четко: элементы модерна и премодерна встречаются и на постмодернистическом Западе, а сам постмодернизм проникает в толщи архаических социальных зон Востока и Третьего мира. В этом заключается уникальность нашей эпохи: переход от модерна к постмодерну позволяет проявляться любым, логически не связанным и концептуально конфликтующим друг с другом идентичностям. Именно так, совершенно неожиданно для многих, в современном политологическом дискурсе вновь появилось понятие «империя».

Политическая география постмодерна: «Империя» как концепт постмодерна

Политология Нового времени записала имперский концепт в разряд категорий «предсовременного», традиционного общества (премодерн). В политологии модерна «империи» места не было, на ее место пришли «государства-нации» как продукт распада или реорганизации прежних империй на принципиально новых условиях. Концепции Бодена, Локка и Макиавелли, творцов концепции современной государственности, отвергали «империю» и ее политическую онтологию. Политическая логика модерна была направлена на «преодоление империи» как в теоретическом, так и в практическом смыслах: разрушение последних империй - Австро-Венгерской, Российской и Османской - стало поворотным пунктом окончательного вступления европейского человечества в политический модерн.

Новое обращение к категории «империя», причем без традиционно уничижительного или чисто историографического подтекста, стало возможным только в условиях постмодерна, когда повестка дня политического модерна была исчерпана и от «традиционного общества» не осталось и следа. Обращение к терминологическому арсеналу, отвергнутому на пороге вступления в модерн, в свою очередь, стало возможным лишь тогда, когда процесс

модернизации полностью завершился; это обращение приобрело отныне «ироничный» смысл. Свобода обращения с тем, что было главным противником на прежнем этапе, обретена за счет абсолютности этой победы. Как же надо «отстать» от ритма развития политологического процесса в западном контексте, чтобы автоматически прикладывать распространенный сегодня термин «империя» как к современным явлениям, так и к политическим формам премодерна...

Постмодерн свидетельствует не о том, что кто-то просто «проспал» модерн, но о том, что модерн настолько успешно выполнил свою задачу, что его бывший противник - премодерн - представляет отныне не большую опасность, чем мышка для кошки. Не понимать этого - все равно что искренне принимать изображение Че Гевары на рекламном плакате мобильной связи за «призыв к социальной революции». Че Гевара здесь выполняет ту же функцию, что и обращение к «империи» в современной политологии: инкрустация его в маркетинговый ряд показывает фундаментальность победы рынка и капитала над социализмом и пролетарской революцией. Отныне капитал настолько уверенно себя чувствует, что иронично предлагает себя через свою антитезу - теперь он может себе это позволить. Не просто наивно, но идиотично считать, что таким образом капитал пропускает удар и невольно конституирует альтернативу себе. Он, очевидно, делает нечто прямо противоположное, разлагая демонстрацией своего всевластия тщету и игровой, фиктивный характер любой альтернативы. Че Гевара в маркетинговой компании мобильной связи - демонстрация того, что Че Гевары больше нет, не может быть и, по сути, никогда не было. Это декомпозиция Че Гевары, его постмодернистическая десемантизация.

Точно так же дело обстоит с «империей». Обращение к ней в постмодернистическом контексте, конечно же, не означает никакого пересмотра политологической установки модерна на ликвидацию этой самой «империи» и ее идейных оснований. «Империя» в актуальном (постмодернистическом) понимании - это концентрированное воплощение отрицания содержания империи в историческом смысле как интегрированной системы общества премодерна. Поэтому, когда мы говорим об «империи» применительно к реалиям сегодняшнего дня, а не к историческим эпохам, относящимся к премодерну, мы должны отчетливо понимать, что речь идет о совершенно новой реальности, устроенной по особому образцу и подчиняющейся совершенно иным законам.

«Империя» в контексте постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Эта «империя» отнюдь не противоположна «гражданскому обществу», но практически совпадает с ним. Она основана на абсолютизации либеральных ценностей и

принципов, а отнюдь не на архаических системах иерархий. Она продолжает модерн, а не отрицает его, переводя на новый, качественно более высокий уровень, а не предлагает какую-либо альтернативу. Эта «империя» фактически представляет собой синоним глобализации. «Империя» в современном понимании прямо противоположна не только империям традиционного общества, но и «красной империи» или «империи зла». В этом полемическом ходе либералы критиковали наличие архаических элементов (т.е. скрытое наследие премодерна) в СССР, и к такому явлению относились без иронии и снисхождения, но с мобилизованной ненавистью. «Советская империя» не реабилитируема в условиях постмодерна, так как она была жесткой альтернативой тому, что называется «империей» сегодня. Пока существовала «советская империя», постмодерн еще не наступил и не мог наступить. Именно она и мешала ему. И до 1991 года никто не применял термин «империя» к западному миру и США. Только конец СССР и восточного блока сделал возможной «империю» в постмодернистическом смысле. «Империя» в таком контексте может существовать только в единственном числе. Только единственное число этого термина является политкорректным и относится к конвенциональному языку постмодерна. Термин «империи» во множественном числе произносить нельзя.

Евразия в качественном пространстве

Евразийство представляет собой результат фундаментального переосмысления политической, идеологической, мировоззренческой, этнической и конфессиональной истории человечества, выдвигает новаторскую творческую систему классификаций и категорий, преодолевающую привычные клише и общепринятые штампы. Евразийство само стремится определить, исходя из своих творческих интуиций, другие мировоззрения, а следовательно, избегает жестких характеристик извне.

В современном евразийстве можно выделить два периода. - Эпоху становления классического евразийства в начале XX века в среде русской эмиграции (Трубецкой, Савицкий. Алексеев, Сувчинский, Ильин, Бромберг, Хара-Даван и т.д.) и после почти полувековой паузы, заполнявшейся лишь историческими трудами Л.Гумилева, время появления неоевразийства (вторая половина 80-х годов и по настоящее время).

Классическое евразийство, безусловно, принадлежит к прошлому и подается строгой классификации и корректному описанию в рамках музея идеологий XX века. Это явление так

и осталось бы фрагментом идеологической археологии, если бы не неоевразийство, которое придало интуициям классиков новую актуальность, новый смысл, новый масштаб и новое значение. Классическое евразийство возродилось в неоевразийстве, и тем самым, покинуло узкие рамки "прошлого". Получив новую жизнь, оно перестало быть столь очевидным, как это казалось, обнаружило новый скрытый потенциал, новые стороны. Таким образом, через неоевразийство вся евразийская идея в совокупности вышла в новое измерение.

Сегодня уже нельзя игнорировать колоссального пути, которое проделала неоевразийская мысль, а следовательно, необходимо попытаться осмыслить это явление целиком в современном контексте.

Евразийство как планетарный тренд (альтерглобализация)

В самом глобальном смысле евразийство и даже Евразия как концепт не привязаны жестко к евразийскому материкам как географическому объекту. Евразийство представляет собой планетарную стратегию, которая признает объективность глобализации и, соответственно, конец эпохи "национальных государств" (Etats-Nations), но вместе с тем предлагает качественно иной оригинальный сценарий глобализации. Не однополярный мир и не единое мировое государство с единым мировым правительством, а несколько глобальных зон - полюсов. Это вариант многополярной глобализации. Глобализация есть главный и фундаментальный процесс нынешнего мира, она определяет основной вектор современной истории.

Национально-государственное устройство сегодня переходит в глобальное; мы стоим на пороге создания планетарного государства с единой унификационной административно-экономической системой.

Однако не стоит думать, что все народы, государства, социальные направления, классы и экономические модели, из которых состоит наш огромный мир, вдруг, словно по мановению волшебной палочки, начнут активно взаимодействовать между собой на основе новой единой планетарной логики. Это заблуждение. Глобализация как она осмысливается и протекает сегодня представляет собою одномерное, одноплановое, одновекторное явление, заключающееся в универсализации специфически западного (англо-саксонского, американского) цивилизационного подхода. Это (подчас насильственное, искусственное) приведение различных социально-политических, этнических, религиозных, конфессиональных, национально-государственных укладов, социально-экономических

аспектов к единому шаблону. Навязывание единой модели, которая (произвольно) считается универсальной. Глобализация представляет собой западно-европейский исторический трэнд, достигший своего пика в американской системе. Глобализация есть навязывание атлантической парадигмы.

Глобализация, являясь абсолютизацией атлантизма, стремится избежать такого однозначного определения. По мнению теоретиков глобализации, когда атлантизм становится глобальным и не имеющим масштабной альтернативы он, в некотором смысле, перестает быть "атлантизмом". Американский политолог Ф.Фукуяма говорит в этом случае о "конце истории", что в частности, подразумевает и "конец геополитической истории", завершение дуэли между атлантизмом и евразийством (в его геополитическом понимании). Но в данном случае под этим подразумевается "победа атлантизма" и "новая архитектура мира" ("новый мировой порядок"), в котором не предполагается никаких оппозиций и поэтому атлантизм из одного полюса двухполярной системы мыслится отныне как единственный полюс, организующий вокруг себя все мировое пространство (а значит, его природа, действительно, несколько меняется). Архитектура глобализации от модели напряжения между двумя полюсами (два конца отрезка Восток-Запад или Север-Юг) переходит к модели центр-периферии (где центром выступает Запад, "богатый Север", "золотой миллиард", а периферией - все остальное). В такой архитектуре "нового мирового порядка" евразийство тотально отрицается.

Однополярный глобализм (как субъективный проект) может иметь альтернативу

Однако "новый мировой порядок" не более, чем проект, план, трэнд. Он очень серьезен и грандиозен, но он далеко не фатален. Сторонники глобализации отрицают альтернативу, отрицают саму возможность наличия иного проекта будущего. Но в мире существует крепнущее и масштабное противное направление, антиглобализм. Евразийство в самом тотальном его определении и есть интегрирующий проект противников однополярного глобализма, выраженный в созидательной форме. Евразийство не просто отрицает однополярную глобализацию, оно выдвигает конкурентный и не менее обоснованный проект многополярной глобализации или альтерглобализации.

Евразийство отрицает структуру мира, основанную на жесткой модели центр-периферия, утверждая вместо планеты, состоящую из созвездия полуавтономных и относительно открытых друг другу "больших пространств". Этими пространствами должны стать не

отдельные государства-нации, но блоки таких государств, реорганизованные в континентальные федерации, своего рода "демократические империи" с большой степенью внутренней автономии. Каждая из таких континентальных федераций сама по себе мыслится многополярной, включающей в себя сложные системы этнических, культурных, конфессиональных и административных единиц.

В этом - наиболее глобальном - смысле, евразийство открыто для всех жителей земли, оно может стать идейной платформой для любого человека, независимо от места его рождения, проживания, национальности или гражданства. Евразийство в таком случае становится общечеловеческой возможностью свободно выбрать будущее, по ту сторону искусственно навязываемых однополярных клише. Причем евразийство не просто стремится сохранить статус кво или прошлое, но смело смотрит в грядущее, признавая, что радикальные перемены миропорядка объективно назрели, что государства-нации и индустриальные общества модерна исчерпали свой исторический потенциал, но при этом создание единого "мирового государства" на основе либерально-демократической системы и глобального рынка отнюдь не является единственным выходом, единственным путем развития человечества в новых условиях.

В самом глобальном смысле евразийство в XXI веке определяется как приверженность к проекту альтерглобализации, как синоним "многополярного мира". Евразийство жестко отказывается атлантизму и американизму в универсальности, в праве на тотальность и общеобязательность. У западно-европейской и американской цивилизации есть множество привлекательных черт и аспектов, достойных подражания и восхищения, но в целом это локальные ценностные и культурные системы, имеющие право на существование в своем историческом контексте наряду с другими цивилизациями и системами. Евразийство, исходя из этого, защищает не просто антиатлантистскую ценностную систему, но многообразие ценностных структур, своего рода "поливерсум", в котором найдется достойное место и для США и для атлантизма, но непременно наряду с другими, не менее достойными, цивилизациями.

Евразийство отстаивает не просто какую-то одну цивилизацию, но все вместе - и те, которые исторически располагались в просторах евразийского материка, и те, которые складывались на других континентах - в Америке, Африке, Тихоокеанском регионе и т.д.

Евразийство на уровне планетарного тренда - это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого

конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации. Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов -- и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с концом истории, навязываемом нам, бодрость нашего духа возрастет, а серьезность рисков реализации американской концепции стратегической безопасности XXI века, связанной с установлением однополярного мира резко увеличится. Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе. Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всем мире будут весьма серьезными.

Евразийство как Старый Свет (континент): Новый Свет как продукт части Старого Света

Второй, более конкретный и узкий смысл термина "евразийство" применим к тому, что принято называть "Старым Светом". Понятие "Старый Свет", которым обычно обозначается Европа, можно рассмотреть гораздо шире. Это гигантское мультицивилизационное пространство, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями, связанными между собой исторически и пространственно общностью диалектической судьбы. Старый Свет - это продукт органического развития человеческой истории.

Старый Свет обычно противопоставляется Новому Свету, т.е. американскому материку, открытому европейцами и ставшему платформой построения искусственной цивилизации, в которой воплотились европейские проекты модерна, эпохи Просвещения. Новый Свет как цивилизация строился практически на пустом месте: доевропейские жители Америки по сути были приравнены к "недочеловекам" и либо истреблены, либо загнаны в резервации. В любом случае, американское общество строилось по искусственным лекалам - исторические корни были смыты солеными водами Атлантики. История осталась в Старом Свете. В Новом Свете строился искусственный проект, рафинированная "цивилизация модерна".

Хотя матрицей Нового Света" был Старый Свет - Западная Европа, она разработал искусственный проект "идеального общества" на одной конкретной стадии своего развития и в основном в ареале Англии, Ирландии и Франции, влияние же Германии и Восточной Европы на структуру американского общества было незначительным и фрагментарным. Здесь речь идет в первую очередь о Северной Америке, и еще более узко о США, так как Южная и Центральная Америка, колонизированные испанцами и португальцами остались в целом простой периферией Старого Света, и лишь в США эксперимент по построению небывалой сугубо современной цивилизации состоялся полностью и в чистом виде.

В терминах О.Шпенглера можно дуализм между "старым светом" и "новым светом" можно свести к парам культура и цивилизация, органическое и искусственное, историческое и техническое.

Будучи конкретным историческим продуктом Западной Европы на определенном этапе ее развития, Новый Свет рано осознал свое "мессианское" предназначение, в котором либерал-демократические идеалы Просвещения неразрывно переплелись с эсхатологией крайних протестантских сект. Это мессианство получило название теории "Manifest Destiny", "Очевидной Судьбы", которая стала символом веры многих поколений американцев. Согласно этой теории американская цивилизация преодолела все культуры и цивилизации Старого Света, и является отныне универсальной нормой, которую следует навязать всем остальным народам планеты. Это мессианство "нового света" постепенно вступило в прямое противоречие не только с культурами Востока и Азии, но постепенно противопоставило себя Европе, которая перед лицом "лабораторного общества" выглядела архаичной, полной предрассудков и устарелых традиций. Так, Новый Свет постепенно освободился от наследия Старого, и после Второй мировой войны в самой Европе стал выступать как безусловный и неоспоримый лидер, как "критерий истины в последней инстанции". Это, естественно, вызвало волну отторжения, и в Европе стал вызревать проект геополитического освобождения от грубого стратегического, экономического и политического контроля заокеанского "старшего брата".

В XX веке Европа осознала свою самобытную сущность, и постепенно двигалась к интеграции всех европейских государств в единый Союз, способный обеспечить всему этому пространству суверенность, независимость, безопасность и свободу. Создание Евросоюза было величайшей вехой в деле возвращения Европы в историю. Это было ответом Старого Света" на непомерные претензии "нового". Если рассматривать альянс США и Западной Европы - с доминацией США - как атлантический вектор европейского развития, то

интеграция самих европейских держав - с преобладанием континентальных стран (Франция-Германия) - можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть теории о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала (Ш.де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

Итак, евразийство в этом контексте может быть определено как проект стратегической, геополитической, экономической интеграции севера евразийского материка, осознанного как колыбель европейской истории, матрица народов и культур, тесно переплетенных между собой.

А поскольку сама Россия (как впрочем и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию - и параллельно через Турцию - интегрирующаяся Европа как Старый Свет уже в полной мере приобретает евразийское измерение; и в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле. Здесь можно синонимически отождествить евразийство с континентализмом. В последние столетия проект объединения в великую Европу исходил от революционной части европейских элит. В древности нечто подобное пытались сделать Александр Великий с помощью интеграции евразийских пространств, а также Чингисхан, создатель самого крупного мирового царства.

На следующем уровне к горизонтальному вектору интеграции добавляется вертикальный. Евразийское видение будущего мира предполагает деление планеты на четыре вертикальных пояса или меридиональные зоны, простирающиеся с севера на юг. Оба американских материка представляют собой одно пространство, которое в целом ориентировано на США и контролируется ими, в рамках некогда принятой американцами "доктрины Монро". Это атлантическая меридиональная зона по преимуществу.

Три другие меридиональные зоны можно отнести к евразийским. К ним принадлежат:

- Евроафрика с центральной функцией Евросоюза,
- Российско-среднеазиатская зона,
- тихоокеанская зона.

В рамках этих зон происходит региональное распределение труда, взаимодействуют между собой очаги развития и коридоры роста.

Три евразийские зоны балансируют как в отношении друг друга, так и в отношении

атлантистской зоны. Эти меридиональные зоны и мыслятся в евразийском образе будущего как полюса многополярного мира. С точки зрения меридиональных зон многополярность приобретает конкретное выражение: количество полюсов здесь больше чем два, но значительно меньше, нежели число формальных суверенных национальных государств. Реальных геополитических полюсов, способных конкретно отстоять свою геополитическую, стратегическую, экономическую и цивилизационную идентичность в евразийской модели мира должно быть не мене 4.

Меридиональные зоны в евразийском проекте мыслятся состоящими из нескольких "больших пространств" или "демократических империй". Каждое "большое пространство" обладает определенной автономией и самостоятельностью, но стратегически интегрировано в меридиональную зону. "Большие пространства" соответствуют приблизительно границам "цивилизаций" и включают в себя, в свою очередь, несколько "государств" или даже блоков государств.

Евро-Африка состоит из Евросоюза, арабского "большого пространства", интегрирующего Северную Африку и Ближний Восток и "черной (транс-сахарской) Африки". Российско-среднеазиатская меридиональная зона предполагает наличие трех "больших пространств", причем в некоторых случаях эти "большие пространства" не имеют строго делимитированной границы, а накладываются друг на друга. Первое "большое пространство" состоит из России и некоторых стран СНГ, входящих в Евразийский Союз. Далее идет "большое пространство" континентального ислама, куда относятся Турция, Иран, Афганистан, Пакистан. Азиатские страны СНГ выступают в этом случае "промежуточной областью". И наконец, третьим "большим пространством" является Индостан - самостоятельный цивилизационный сектор.

Тихоокеанская меридиональная зона на севере определяется кондоминиумом Китая и Японии (два параллельных "больших пространства"), и включает в себя Индонезию, Малайзию, Филиппины и Австралию (которая по иным проектам относится к американской зоне). Это мозаичный геополитический регион, способный дифференцироваться по разным критериям.

В американскую меридиональную зону входят помимо Американо-канадского "большого пространства" еще и Центрально-американское и южно-американское большие пространства.

С меридиональными зонами до определенной степени согласны и атлантистские геополитики, строящие "новый мировой порядок" и однополярную глобализацию. Однако принципиальным отличием евразийского проекта является наличие в нем именно 4 поясов,

включая российско-среднеазиатский. Наличие или отсутствие этого пояса принципиально меняет всю картину мироустройства.

Атлантистские футурологи видят зональное деление троичным: полюс Америка, ближняя периферия - Евросоюз (допускается отчасти и Евро-Африка), дальняя периферия - Азия и Тихоокеанский регион. Пространство России и Средней Азии видится дробным, фактуризированным, а отдельные части приписываются к региональным державам Европы и Азии. Без "четвертой" зоны мы имеем однополярный мир. Но если допустить наличие "четвертой зоны", то весь баланс сил меняется. Российско-среднеазиатский меридиональный пояс в определенной мере уравнивает американское давление, и позволяет другим поясам (европейскому и тихоокеанскому) выступать не просто как периферия, но как самостоятельные цивилизационные полюса.

Именно в успехе создания "четвертой зоны" и состоит залог реальной многополярности, реальной свободы и независимости, суверенности и автономии по отношению друг к другу всех меридиональных поясов и включенных в них "больших пространств".

Американский пояс может быть уравновешен только тремя другими континентальными поясами вместе взятыми, а не каким-то из них. И наличие "четвертого русско-среднеазиатского пояса" является необходимым и достаточным условием для того, чтобы реальное равновесие было достигнуто в планетарном масштабе. Но при этом "четвертая зона", даже будучи интегрированной, будет недостаточной для того, чтобы занять место одного из полюсов в новой "двухполярной системе". Резкий стратегический отрыв США может быть уравновешен только геополитической синергией всех трех меридиональных поясов".

Именно этот проект "четырёх зон" призвано реализовать евразийство на следующем, стратегическом уровне.

Евразийство как российско-среднеазиатский интеграционный процесс

Перейдём к четвёртому уровню евразийства. Это процесс российско-азиатской меридиональной интеграции. Здесь основополагающую и центральную роль играет построение оси Москва-Тегеран.

Весь интеграционный евразийский процесс зависит именно от того, сумеет ли Россия найти формат тесного стратегического партнерства с Тегераном, как в долгосрочной, так и в среднесрочной перспективе. Сложение потенциала России с иранским в области экономики,

ресурсов, военной и политической сфере будет достаточным фактором для того, чтобы сделать процесс меридиональной интеграции необратимым и автономным, не зависящим от остальных дополнительных факторов. Начиная со строительства оси Москва-Тегеран евразийский проект обретает конкретное воплощение - геополитический скелет, "позвоночник интеграции". И Иран и Россия являются автономными мощными региональными державами, способными выстроить свою модель организации стратегического пространства.

Российско-иранский вектор принципиально важен как для создания стратегической конструкции, открывающей России выход к теплым океанам, так и для политико-религиозного переустройства всего среднеазиатского региона - как среди азиатских стран СНГ, так и для зоны Афганистана и Пакистана.

Тесное сотрудничество Ирана с Россией предполагает превращение афгано-пакистанского пространства в свободную исламскую конфедерацию, нейтрально-лояльную как Тегерану, так и Москве. Афганистан и Пакистан как унитарные государства в новой реальности будут создавать постоянные угрозы и накалять дугу нестабильности, разрезающую евроазиатский континент. Только совместная солидарная геополитическая инициатива всех этих держав по созданию новой центрально-азиатской федеративной модели способна превратить этот сложный регион в зону сотрудничества и сопроцветения.

Российско-индийское сотрудничество является второй важнейшей меридиональной осью интеграции материковых просторов. По оси Москва-Дели будет проходить силовая линия сотрудничества по созданию общей системы евразийской коллективной безопасности. Важно, что Москва сможет активно участвовать в снятии напряжений между Исламабадом и Дели в вопросах Кашмира. При этом евразийский проект для самой Индии, спонсором которого призвана выступать Москва, формулируется как создание федеративного устройства, отражающего и закрепляющего все многообразие индийского общества - с широким спектром этнических и религиозных меньшинств, включая сикхов и мусульман.

Важнейшим региональным партнером в деле интеграции российско-центральноазиатского пояса выступает Турция. Эта страна сама несет в себе много "евразийских" элементов, западные тенденции там тесно переплетены с восточными. Турция все более осознает свое цивилизационное отличие от Евросоюза, специфику своих региональных интересов, риски глобализации и с неизбежностью заложенной в ней десовернизации. Императивом становится поиск новых стратегических партнеров в лице России и Ирана. Турция способна сохранить свой уклад только в проекте многополярного мира, и к пониманию этого различные силы в турецком обществе приходят с разных сторон -

светское руководство и левые, следуя одной логике, религиозные круги - другой, армейская верхушка - третьей. Как бы то ни было, ось Москва-Анкара постепенно становится вполне вероятной геополитической реальностью, несмотря на долгие периоды взаимного отчуждения.

Кавказский регион является болевой точкой евразийской интеграции, так как мозаичность культур и этносов легко превращает его в зону повышенного напряжения, чем обычно пользуются те силы, которые стремятся сорвать интеграционные процессы в Евразии. Кавказский анклав населен народами, принадлежащими подчас к различным государствам или к цивилизационным полям. Эта область призвана стать лабораторией интеграции, так как адекватная евразийская модель федерации для Кавказа покажет преимущества адекватной реструктуризации всей российско-среднеазиатской зоны. В евразийском видении кавказский вопрос решается не созданием мононациональных (моноэтнических) государств, и не жестким включением отдельных народов в состав того или иного регионального государства, но созданием гибкой федерации на основании этнокультурного и конфессионального признака в общем стратегическом контексте меридионального пояса. В таком случае в интеграционном проекте возникает система полуосей между Москвой и центрами Кавказа - Москва-Баку, Москва-Ереван, Москва-Тбилиси, Москва-Махачкала, Москва-Грозный и т.д. с одной стороны, и центрами Кавказа и союзниками России по евразийскому проекту, с другой - Баку-Анкара, Ереван-Тегеран и т.д.

Средняя Азия подлежит интеграции в единый стратегический и экономический блок с Россией в рамках Евразийского Союза, призванного встать на место СНГ. При этом функции Средней Азии быть зоной сближения между странами континентального ислама (Иран, Пакистан, Афганистан) и Россией. Поэтому изначально в структуру среднеазиатского сектора этого меридионального пояса следует закладывать возможность многовекторной интеграции - по одним параметрам приоритетными партнерами будет выступать Россия, близкая по культурным пластам, экономическим и энергетическим интересам, стратегической системе безопасности, по другим - акцент будет ставиться на этническую или конфессиональную близость с тюркским, иранским и, шире, исламским миром.

Еще более узкое понимание евразийства, отчасти перекликающееся с тем значением, которое вкладывали в это понятие первые евразийцы 20-30-х годов XX века, ограничено процессом локальной интеграции постсоветского пространства. Различные формы аналогичной интеграции можно проследить сквозь века: от гуннской степной империи и других кочевых империй (монгольских, тюркских и индоевропейских) до царства Чингисхана

и последующих "орд". Позже интеграционную функцию взяла на себя православно-монархическая Россия, затем СССР. Каждая последующая формула государственности отражала историческую специфику конкретного этапа.

Сегодня Евразийский Союз, продолжающий интеграционную традицию, выработал особую мировоззренческую модель, учитывающую демократические процедуры, уважением прав народов, скрупулезный учет культурных, языковых и этнических особенностей всех участников интеграции. Евразийство в этом относительно узком масштабе может быть рассмотрено как философии интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы.

Евразийство как мировоззрение

Наконец, последнее определение евразийства применяется к определенному мировоззрению, к определенной политической философии, сочетающей в себе в оригинальной манере традицию, современность и даже элементы постмодерна.

Эта философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признает императив технической и социальной модернизации (но без отрыва от культурных корней) и стремится адаптировать свою идейную программу к ситуации постиндустриального, информационного общества, называемого "постмодерном".

В постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Однако постмодернизм в атлантистском аспекте уравнивает их с позиции безразличия и исчерпанности содержания. Евразийский постмодерн, напротив, видит возможность альянса традиции с современностью как созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

В евразийской философии легитимное место получают те реальности, которые были вытеснены эпохой Просвещения - это религия, этнос, империя, культ, предание и т.д. В то же время из модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость, освобождение труда и т.д. Противоположности преодолеваются, сливаясь в единую гармоничную и оригинальную теорию, пробуждающую свежие мысли и новые решения для вечных проблем человечества.

Философия евразийства - открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями - историей религий, социологическими и

этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой, страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т.д. Более того, евразийство как философия предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном культурном и языковом контексте: евразийство русских будет с неизбежностью отличаться от евразийства французов или немцев, евразийство турок от евразийства иранцев; евразийство арабов от евразийства китайцев и т.д. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными.

Евразийская версия постмодерна: эсхатологический вызов

Немецкий консервативный революционер Артур Мюллер ван ден Брук написал в свое время очень глубокие слова: «Вечность на стороне консерватора». Вечность на нашей стороне. Полюса великих мировых столкновений народов, культур, цивилизаций, религий, идеологий являются проекцией архетипического состояния - битвы ангелов. Это - небесная рать добра, ведущая бой с демонами зла. Это вертикальная, вечная надвременная ось великой драмы. Бой ангелов - вне времени, он ведется всегда. Он впечатан в вечность, как структурирующая парадигма.

Тень великой битвы падает на историю, давая времени смысл, содержание, ориентацию. Так история становится священной - иероисторией. Многие знаки и образы указывают на то, что сегодня мы подходим к решающей черте этой напряженной драмы. Ведь и предание говорит, что в «последние времена» битва ангелов, в которую вовлечены люди, народы и царства земные, вспыхнет с особой силой, достигнет гигантских масштабов, приблизится вплотную к развязке. Люди - соратники (в этимологическом смысле - т. е. «те, кто сражаются вместе») ангелов. В литургических православных ирмосах говорится: «немногим умалил Бог человека от ангелов».

Большинство традиций и религий мира ставят сегодня нашей цивилизации однозначный диагноз. Глобализм, глобализация, «новый мировой порядок», «однополярный мир», готовящееся «мировое правительство» - это все более очевидный оскал «князя мира сего», стратегическая конструкция «врагов Бога».

Разные религии дают глобализму и глобализации разные имена: христиане отождествляют «новый мировой порядок» с «антихристом», мусульмане - с «даджаллом», ортодоксальные иудеи - с «великим смещением» («эрев рав»). Для индуистов - это полчища

кали-юги. Для буддистов - демон Мара и иллюзия. По ту сторону различия в догматах, доктринах и ритуалах существует особая традиция – традиция архангела Михаила, который в истории моно-теистических традиций играет важнейшую роль. Он архистратиг, предводитель ангельских войск. Эта традиция - «михаэлический» тайный свет. Это тонкая принадлежность человека к иероистории, право (и обязанность) занять конкретное место в войске одной из противоборствующих сторон. Это «военный призыв» под начало небесного архистратига. Те, кто слышат его, спешат исполнить.

Евразийство в своем высшем духовном измерении – это проекция михаэлического начала, вертикального сверхвременного светового столпа на историю в ее финальной, редемпционной стадии.

Часто в иконописи архистратиг Михаил изображается с мечом в одной руке и весами в другой. Весы - символ суда. У немецкого философа М.Хайдеггера в книге «Holzwege» содержится очень важный для нашего дела разбор стихотворения Райнера Марии Рильке. Там речь идет о «передаче весов из рук торговца в руки Ангела». Эту формулу следовало бы взять как ключевой девиз евразийства. «Передача весов из рук торговца в руки Ангела». «Новый мировой порядок», глобализм, «однополярный мир» - это торговый строй, в нем преобладают рыночные ценности, мировой рынок. Это порядок торговцев, которые задают в нем тон, устанавливают критерии и парадигмы.

Мы живем в эпоху постмодерна. Это значит, Новое Время, modernity, закончилось. Все, что было заложено в эпоху Просвещения - социальные, культурные, идеологические, политические, научные и экономические модели - исчерпало себя. Вы вступили в иной мир, в эпоху постмодерна, и это необратимо.

Постмодерн - это глобализм, ультралиберализм, доминанция однополярного мира, главенство сетей, отмена всех традиционных форм идентичности - государств, религий, наций, этносов, даже семей и полов. Вместо государства приходит «открытое общество», вместо традиционных конфессий - сектанство и индифферентность, вместо народов - индивидуумы, вместо полов - клоны, киборги и продукты трансгендерных операций.

Сегодня постмодерн достиг исторической победы. На сей раз не только над традиционным обществом, но и над самим модерном. И снова, как и в эпоху Просвещения, можно формально реактивно противостоять постмодерну. На сей раз, правда, и архаические консервативные идеологии и преодоленные идеологии модерна оказываются по одну сторону баррикад. На практике это противостояние выражается в том, чтобы отстаивать:

- национальное государство против глобализации;

- геополитический дуализм суши и моря против «мирового потопа» в виде тотальной победы атлантизма;
- традиционную семью и органическое воспроизводство детей против свободы трансгендерных операций, однополых браков и клонирования;
- общественную идентичность против тотальной атомизации индивидуумов;
- мир вещей и действий против мира «изображений» и «экранных фальсификаций»;
- реальную экономику («старую экономику») против финансизма, виртуальности, неоекономики и т.д.

Те стороны модерна, которые не попали в постмодерн, оказались, по сути, продолжением Традиции, и сегодня все это по одну сторону баррикад. Это, кстати, делает возможным альянсы консерваторов и социалистов и т.д.

Вспомним теперь о тех тенденциях, которые на самой заре модерна предпочли инвестировать свою внутреннюю энергию в идеологии, модернистические по форме, но немодернистические по содержанию. И именно эти инвестиции и составили основной нерв современной политической и социальной истории, содержание всего Нового Времени.

Нечто подобное наблюдается и сегодня. Перед лицом постмодерна и останки традиционного общества (например, традиционные конфессии) и элементы модерна (например, социализм, реальная промышленность, национальное государство) оказались по одну сторону в положении формальной антитезы постмодерну. Это новое состояние дел требует тщательного осмысления. На поверхности очевидным остается только одно - простой импульс сопротивления постмодерну. Чистая реакция, отторжение. Это уже не плохо, но этого далеко не достаточно.

Уникальность евразийства как политической философии (из разряда консервативно-революционных) состоит в том, что оно понимает уникальность новой ситуации быстрее других мировоззрений, и (это самое важное!) не ограничивается сопротивлением, но предлагает инвестировать внутреннюю энергию вперед, в новый проект, принимая вызов постмодерна, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации радикально иное содержание, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но отстаивать Вечное.

Артур Мюллер ван ден Брук, выдающийся теоретик Консервативной Революции, друг Мережковского и переводчик на немецкий язык трудов Достоевского, в своей книге «Третьей Царство» писал: «Раньше консерваторы противились Революции, мы же должны Революцию

возглавить и увести ее в ином направлении».

Точно так же мы, евразийцы, должны поступить с постмодерном. За нашей спиной и преодоленная модерном Традиция, и проигравшие стороны самого модерна. Они нуждаются в защите не сами по себе. Мы должны сохранить верность тайному смыслу, вечности, михаэлическому свету. И для этого можно пожертвовать формой. Чтобы спасти содержание.

Итак, евразийство есть постмодерн, но с радикально иным содержанием. Мы принимаем вызов глобализации, «нового мирового порядка», согласны с тем, что назрели и неизбежны иные правила игры. Мы не цепляемся за старое - ни в политике, ни в экономике, ни в культуре. Но мы имеем оригинальный и самобытный сценарий будущего: именно будущего, а не прошлого.

Принципы евразийского постмодерна таковы:

- пусть отмирает национальное государство, но пусть на его место придет не единая «глобальная Империя», но несколько континентальных империй (созвездие «империй» против «Империи»);
- пусть сухопутное начало оторвется от конкретных границ и станет столь же глобальным, что и «атлантистские ценности», с претензией на универсальность (это значит, что мы должны противостоять глобализму не локально, но глобально), вместо водного потопа - гераклитовский «экпюрос», который высушит мировые воды;
- пусть изменится этика полов, но через возврат к архаическим формам и в творческом неосакральном эксперименте;
- пусть индивидуум прорвется к высшим аспектам внутреннего «я» через радикализацию опыта одиночества или волевым образом утвердит новые формы коллективной идентичности - экстатические и имперские (здесь действует принцип «экстатической империи»);
- пусть «знаки» и плоские тени экранов заменили собой вещи – мы должны стать господами зрелища, захватить власть над диспозитивом знаков, подчинив себе режиссуру спектакля постмодерна;
- пусть виртуальная экономика вытеснила реальную – мы должны пробиться в святая святых электронных мозгов мировой биржи и замкнуть как раз те проводки, которые ни в коем случае не рекомендуется замыкать (операция «Сорос по-евразийски», обвал мировых валют, но не для наживы, а ради Великой Идеи)...

Мы должны прорасти сквозь постмодерн, как живая трава сквозь мертвый асфальт. Это проект евразийской ризомы, клубневой (и клубной) системы. Мы в ином тысячелетии.

Странно оказались мы за непроходимой чертой миллениума и теперь с тяжелой аскетической радостью осваиваем его язык. Этот язык ужасен, но мы хотим произнести на нем такое слово, чтобы операционная система пришла в логическое противоречие и мировой компьютер необратимо заглохло. Евразийство - это михаэлические световые токи, радикально иной взгляд на судьбу мира, на его смысл и значение. Евразийство - это переоценка всех ценностей, «передача весов из рук торговца в руки Архангела», «Пурпурного Архангела» (Сохраварди). Евразийство - это смена современной парадигмы на михаэлическую парадигму духа и вечности. Евразийская глоссалогия народов, культур и традиций - это шелест ангельских крыл.

Session II : Critical Interpretations of Eurasianism

**Eurasianism : A Paradigm for Coexistence and
Flourishing Diversity of Cultures and Civilizations**

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Mikhail Titarenko

Director

Institute of Far Eastern Studies,

Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

ifes@cemi.rssi.ru

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПАРАДИГМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСЦВЕТА МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Abstract

- (1) The current economic crisis, which no country could overcome by acting alone, would hopefully implant the idea in the public mentality that all countries and nations must cooperate in order to overcome the destructive consequences of this crisis through their joint efforts.
- (2) Disintegration of the Soviet Union and the heavy pressure on Russia on the part of the West resulted in the serious erosion of the state identity as well as civilization-related identity of Russia and its citizens. Today our country is faced with the acute question: "What is Russia, and what is its way of development?"
- (3) The principles of new Eurasianism must serve the methodological and ideological basis for Russia's long-term development strategy and foreign-policy doctrine. These principles are the cornerstone for Russia's security, preserved territorial integrity as well as the stronger sovereignty and international reputation. Exactly the Eurasian principles of collegiality, equal rights, mutual respect, mutual assistance, mutually beneficial cooperation, co-development and symphonic interaction of cultures, laid in the basis of domestic policy and development of nationalities' relations in Russia, would help to consolidate the civil and civilization identity of its peoples and would become an important motivating impulse for strengthening of stability as well as for its flourishing and growing contribution to the world culture. In this sense, we cannot but agree with Lev Goumilev, an outstanding Russian scholar and theorist of the new Eurasianism, who said: "Let me tell you in secret that if Russia is saved, it can be only saved as a Eurasian power and through Eurasianism"¹.
- (4) The idea of Eurasian identity of Russia's geopolitical position and civilization is of fundamental importance for its healthy national development, protection of its integrity and domestic stability. The reason is that this idea takes account of historical roots as well as internal autochthonous and external civilization-related components, which, after synthesis and convergence thereof, formed the ethnic Russian culture, which served the pivot for the national culture of Russia. With her high authority and reputation Russia became the translator and engine for the rise and blossom of cultures of minorities living in the countries, which the Russian language became the translator for communication among national languages and national cultures of all Russia's peoples with the world civilization and world culture.

¹ Goumilev L. N. *Ritmy Evrazii: Epochi yi civilizatsii*. [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow, "Express" Publishers, 1993, p. 91.

- (5) While Eurasianism is oriented mainly to the Orthodox Christian system of spiritual and moral values, it recognizes and respects the freedom of conscience and beliefs as well as other religions, which share the civilized moral norms.
- (6) The freedom of Eurasianism as an alternative to Eurocentrism and throughout Westernization plays its positive role both in the plane of Russia's internal spiritual consolidation as a united multinational state, and in the international plane as it stands counter to standardization of national cultures, as well as helps to sustain stability of the polycentric world and flourishing of the world civilization as a symphony of diverse cultures.

* * * * *

Разразившийся финансово-экономический кризис приобрел системный характер. Он обнажил подлинную антигуманную сущность многих ценностей, которые насильственно внедрялись сторонниками гегемонии западных ценностей, сплошной вестернизации и идей о всемогуществе рынка, который якобы «способен сам все урегулировать».

Утверждения о моноцентричности мира, доминировании одной сверхдержавы сопровождаются пропагандой о неизбежности и естественности столкновения западных и восточных систем ценностей, западной и восточных цивилизаций. При этом и теоретики, и вдохновляемые ими политики убежденно и непоколебимо руководствуются убеждением о неоспоримом всестороннем превосходстве, универсальном совершенстве евро-атлантической и американской цивилизаций, которые объявляются синонимами мировой цивилизации.

Представители крупных восточных локальных цивилизаций, которые считают свои культуры фундаментом, на котором в прошлых тысячелетиях складывалась мировая цивилизация, включая и евро-атлантическую цивилизацию, естественно, не разделяют этих взглядов своих западных партнеров.

И нынешний кризис, и конфликтные ситуации будь-то в бывшей Югославии или на Ближнем Востоке, в Ираке, Афганистане - всё это так или иначе коренится в нежелании и неспособности Запада уважать цивилизационные и культурные ценности, образ жизни других, не принадлежащих «золотому миллиарду» народов и стран.

Народы бывшего Советского Союза и народы нынешней России на собственном горьком опыте познали трагизм столкновения цивилизаций и культур.

Разразившийся системный экономический кризис, из которого нельзя выйти в одиночку, как мы надеемся, утвердит в общественном сознании идею о необходимости сотрудничества между всеми странами и народами для преодоления тяжелых, разрушительных последствий этого кризиса совместными усилиями. Та выдающаяся роль, которую играют Китай, Индия и

некоторые другие не европейские страны в поддержании развития мировой экономики, убедительно показала важность и необходимость налаживания конструктивного диалога цивилизаций Запада и Востока.

Российская и русская культура имеют собственные взгляды. Они выработали такую систему цивилизационных ценностей, которая, по нашему убеждению, способна стать конструктивной альтернативой агрессивной и разрушительной идеологии сплошной вестернизации, способствовать гармонизации мира, создать условия для сохранения и расцвета многообразия культур и цивилизаций в России. Этой концепцией является новое евразийство, складывающееся ныне в России и некоторых странах бывшего Советского Союза. Мы никому не навязываем свои взгляды и свой образ действия. Мы открыты для конструктивного диалога с представителями культур и России, и Запада, и Востока.

Нынешнюю конференцию мы рассматриваем как замечательный повод для открытого дружеского и искреннего обмена по наболевшим актуальным вопросам поддержания конструктивного межкультурного диалога.

В течение последнего столетия Россия неоднократно сталкивалась лицом к лицу с серьезнейшими вызовами, в ходе поисков ответов на них и после преодоления критических состояний, Россия в одних случаях оказывалась серьезно ослабленной, в других случаях - у нее появлялся шанс искать новые пути возрождения и собирания заново своего народа и своих земель. Чтобы преодолеть эти смертельные вызовы, народы России понесли громадные, трудно описуемые, человеческие, материальные и духовные жертвы.

Так было в годы Первой мировой войны и последовавшими затем Октябрьской революцией и гражданской войной. Возникший после революции 1917 г. Советский Союз построил новое мощное государство. В начале 40-х годов фашистская Германия бросила смертельно опасный вызов СССР. Советские народы, воодушевленные героизмом и самоотверженностью русского народа, вышли победителями в Великой Отечественной войне, спасли человечество от фашистской чумы. Одновременно Советский Союз ликвидировал унижительные исторические последствия поражения в русско-японской войне 1904-1905 годов и обстоятельств, возникших после завершения Первой мировой войны.

Очередной вызов Советскому Союзу был брошен в известной фултоновской речи У.Черчилля в 1946 году. Началась «холодная война», которая продолжалась фактически до распада Советского Союза. В ней участвовали разные страны и силы. Запад объявил себя «победителем» в этой войне и одновременно де-факто предъявил России ультимативные требования: или подчиниться диктату «победителей» и стать их послушным приспешником, в

лучшем случае на правах «младшего партнера», или ... новая холодная и локальные горячие войны на истощение и последующий распад страны.

Один из главных идеологов борьбы с Россией как субъектом мировой истории З.Бжезинский в своих сочинениях подробнейшим образом излагает претензии и требования Запада к России, формулирует некие правила «цивилизованного поведения», которым, по его мнению, Россия должна следовать. Одновременно он с особым удовольствием рисует сценарии, схемы и даже географические карты новых стран, на которые, по его расчетам, должна распасться единая российская держава².

Пространство Евразии, где находился Советский Союз, которое является жизненным местоположением России, Бжезинский ныне называет «главным геополитическим призом для Америки»³.

Распад Советского Союза и колоссальное давление Запада на Россию, его откровенное и циничное вмешательство во внутренние дела суверенного российского государства, создание разветвленной сети американского влияния внутри страны, прямая культурная экспансия США привели к серьезному размыванию государственной и цивилизационной идентичности России и её граждан. Ныне перед нашей страной остро стоит вопрос: «Что есть Россия и каков путь её развития?»

США и западные партнеры России настойчиво толкают нас на путь вестернизации, фактически превращения в сырьевой придаток Запада и замены великой русской культуры низкопробной масс-культурой Запада.

Упомянутый Бжезинский пишет: «Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль (!) на международной арене и получить (!) максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, - это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа... по-прежнему тесно связана с Америкой»⁴. В качестве модельного образца для подражания России, по которому она должна европеизироваться, Бжезинский цинично называет пост-Оттоманскую Турцию. Как откровенно пишет сей оракул будущего нашей страны, «... в случае избрания Россией этого пути у нее уже не будет другого выбора, кроме как в конечном счете следовать курсом, избранным пост-Оттоманской Турцией, когда она решила отказаться от своих имперских

² См. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 64, 108-148, 239-240. Он же. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

³ Он же. Великая шахматная доска. 1998. С. 43.

⁴ Там же. С. 142-143.

амбиций и вступила... на путь модернизации, европеизации и демократизации»⁵. Нетрудно видеть, какое будущее ждет Россию, если она последует предписаниям г-на Бжезинского, уже в самое ближайшее время.

Конструктивной альтернативой сохранения Россией её исторической идентичности, укрепления суверенитета и территориальной целостности как огромной многонациональной державы – это путь творческого осмысления своей многовековой истории, извлечения уроков, объективный анализ благоприятных и неблагоприятных внутренних и внешних условий развития нашей государственности и цивилизации, осознание, овладение и последовательное неуклонное следование евразийской геополитической реальности местоположения и предпосылок развития и подъема России, её экономики, культуры, всех аспектов цивилизации и поддержания добрых отношений сотрудничества и взаимодействия со всеми государствами в условиях глобализации. Принципы нового евразийства должны стать методологической идейной основой долгосрочной стратегии развития и обустройства собственно России и её внешнеполитической доктрины. Они являются краеугольным камнем обеспечения безопасности, сохранения её территориальной целостности, укрепления суверенитета и авторитета на международной арене. Именно евразийские принципы соборности, равноправия, взаимоуважения, взаимопомощи, взаимовыгодного сотрудничества, соразвития и симфоничности взаимодействия культур, положенные в основу внутренней политики и развития межнациональных отношений народов России, позволят укрепить гражданскую и цивилизационную идентичность населяющих её народов и станут мощным мотивационным импульсом укрепления стабильности, расцвета и роста её вклада в мировую культуру.

В этом смысле нельзя не согласиться с выдающимся русским ученым, теоретиком нового евразийства Л.Н.Гумилевым: «Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»⁶.

Один из основоположников евразийства 20-30-х годов князь Трубецкой Н.С. о сущности евразийства, как отражении общности судеб народов, населяющих Евразию, писал: «В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов

⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. 1998. С. 143.

⁶ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. С. 31.

переплелись друг с другом. Прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить...»⁷.

Следование этим же принципам в поддержании отношений на уровне государственной и народной дипломатии с другими странами ближнего и дальнего зарубежья обеспечит благоприятные внешние условия для России, явится примером для построения полицентричного мира и развития конструктивного межкультурного диалога, в противовес доктринам о столкновении цивилизаций и «конце истории».

Этот же вопрос стоит в дискуссиях и политическом противоборстве западников, сторонников европеизации России и славянофилами, а затем почвенниками-государственниками, которые в разных вариантах отстаивают взгляд об особом уникальном характере русской культуры, как симбиозе, синтезе многих культур, и исторического опыта многих народов, исторически проживавших или проживающих на территории России и по соседству с ней. Речь идет прежде всего о конвергентном сочетании и синтезе самобытной русской, славянской культуры с воспринятым от Византии вместе с христианством мощным пластом гуманитарной и политической культуры, восприятием элементов культуры угрофинских, тюркских народов, татаро-монгольских и через них фрагментов материальной и политической культуры Китая и Индии⁸.

* * *

В первое пятилетие после распада Советского Союза российская политика приобрела уродливую и односторонне прозападную ориентацию в экономической, гуманитарной и других сферах. Разрушительные последствия такой неоправданной односторонней ориентации известны и не требуют комментариев. Постепенное выправление этого тяжелого одностороннего крена началось с кратковременного премьерства Е.М.Примакова. Затем выправление политической линии получило постепенное развитие в течение восьми лет президентства В.В.Путина. Позитивные итоги этого курса - укрепление внутренней стабильности России и её международного положения - наглядное свидетельство конструктивного характера евразийской ориентации.

Мне неоднократно приходилось по этим вопросам спорить с российскими западниками и зарубежными проводниками всеобщей вестернизации.

⁷ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920.

⁸ Более подробно см: Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М. 1998. С. 5-10; Там же. Гл. «Новое евразийство и азиатский аспект». С. 13-79.

Я по-прежнему настаиваю, что для внутреннего и международного благополучия России необходимо последовательно придерживаться принципа равновесности, равнозначимости внимания как западному, так и восточному азимуту внутренней и внешней политики. Другими словами, неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России.

В книге «Россия лицом к Азии» (1998 г.) я решительно оспаривал тезис российских либералов и радикал-патриотов, которые усердно хоронили Россию, делили её территории, отрицали самобытность российской цивилизации, рассматривали вестернизацию России как неизбежное и необходимое включение России в некую «мировую цивилизацию». «Иного не дано», - провозглашали они. По их словам, мир стоит перед лицом столкновений цивилизаций. Автор же утверждал, что иное дано. «Возрождение России произойдет через возрождение национального самосознания её граждан, всех её народов и наций. Оно будет означать укрепление сотрудничества, взаимопонимания и дружбы, концентрацию их усилий на развитии экономики, культуры, образования и науки Отечества. По моему мнению, «иное состоит в неустанном заботливом пестовании отечественных корней культуры, ибо только тогда воспрянувшая демократическая Россия предстанет не жалким слепком Запада, не его заурядным эпигоном, а солидным, заслуживающим уважения партнером других стран, будь то Европа или Азия, Африка или Америка»⁹. Дальнейшее развитие и обогащение эти идеи получили в моих книгах: «Китай: цивилизация и реформы» (1999 г.), «Россия. Безопасность через сотрудничество: восточно-азиатский вектор» (2003 г.) и в совместном труде с Б. Н. Кузыком «Китай-Россия 2050: стратегия соразвития» (2006 г.) и, наконец, в последней работе «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» (2008 г.).

Конечно, прошедшие годы подтвердили обоснованность высказанной веры в силы нашего народа, нашего Отечества. В последних заявлениях покинувшего свой пост президента России В.В. Путина и выступлениях нынешнего президента Д.А. Медведева на XII Петербургском международном экономическом форуме 7 июня 2008 г. последовательно проводится идея о том, что «... Россия сегодня – глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры,

⁹ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 6.

причем не из-за пресловутых «имперских амбиций», а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями, и соответствующими ресурсами»¹⁰.

Идея евразийской идентичности геополитического положения и цивилизаций России имеет основополагающее значение для здорового развития страны, для обеспечения её целостности и внутренней стабильности, поскольку эта идея учитывает исторические корни и внутренние автохтонные и внешние цивилизационные компоненты, в результате синтеза, конвергенции которых сложилась русская культура, ставшая стержнем российской культуры. Её высокий авторитет сделали ее транслятором и двигателем подъема и расцвета культур малых народов, населяющих Россию, а русский язык - транслятором общения национальных языков, национальных культур всех народов России с мировой цивилизацией, с мировой культурой.

С учетом этого любое игнорирование этого факта приводит к разрыву трансляционных связей этих малых культур, малых народов с мировой культурой, замедляет её развитие.

Игнорирование евразийской сущности нашей культуры, по сути дела, ведет к подрыву единства и разрушению цивилизационного обруча России. Евразийская парадигма, наоборот, – ведет к сплочению народов, населяющих Россию, вокруг русской культуры.

Еще крупнейший исследователь мировой цивилизации А.Дж.Тойнби отмечал, что «русские в отношениях с нерусскими лишены чувства презрения к другим нациям». По его словам, «это действительно дружелюбная и достойная восхищения русская традиция»¹¹.

Русский народ является капитальным стержнем российской государственности и самой многочисленной нацией, выработавшей уникальную культуру и объединившей под своим руководством огромную территорию. Русские установили отношения добрососедского сотрудничества, сосуществования и соразвития более чем со 120 национальностями и народностями. Авторы капитального труда «Русская доктрина» справедливо отмечают: «Русская культура - это высочайшая культура усвоения социальных ценностей. Русские, усваивая культурные богатства различных традиций, предпочитают ни от чего не отказываться, ни от чего не отрекаться. Благодаря этому качеству нашей культуры в России может ужиться все ценное, что выработало человечество»¹².

¹⁰ Выступление Д.А.Медведева 7 июня 2008 г. на XII Петербургском международном экономическом форуме (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://kremlin/appears/2008/06/07/1200_type63377type82634type233346_202221>shtm

¹¹ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. М., 2002. С. 226.

¹² Русская доктрина (Сергиевский проект). Под ред. А.Б.Кобакова и В.В.Аверьянова. М., Яуза-пресс. 2008. С. 29-20.

По мнению авторов вышеупомянутого труда, «Русская доктрина по существу мировая, но обращена в первую очередь к самой России»¹³. В этом смысле она является принципообразующей основой евразийства, идейным ориентиром государственного строительства, внутреннего диалога между национальными культурами и внутри единой российской цивилизации. Некоторые политики и авторы научных трудов по вопросам культурологии нередко предпочитают не акцентировать стержневую роль русской культуры и русской цивилизации в становлении и развитии единой российской цивилизации. Они и в том случае, когда речь идет именно о русской культуре, опыте и традициях русской цивилизации, называют ее российской культурой, российской цивилизацией. Такая небрежность отнюдь не безобидна и может порождать весьма нежелательные последствия.

Во-первых, такой подход ведет к размыванию национальной идентичности русского народа и принижению исторической роли русской культуры и русской цивилизации, как в рамках России, так и в мировом масштабе.

Во-вторых, такое отождествление русской и российской культур снижает роль культур других народов нашей страны, ведет к игнорированию специфических черт и особенностей культур других народов, также вносящих большой вклад в складывание, становление российской культуры, как компендиума общих специфических черт и достижений, создающих симфонию культурного разнообразия и цивилизационного развития всех народов России.

В-третьих, синонимизация понятий российской и русской культур в СМИ и государственной практике, порождаемая чиновничьим небрежением или невежеством, дает повод представителям других национальностей упрекать деятелей русской культуры, саму великую русскую культуру в некоем неуважении культур других не русских народов России. Так русские интеллигенты, деятели культуры, русские патриоты-государственники оказываются без вины виноватыми.

Итак, что же означает понятие «евразийство»? Каковы его характерные черты и чем оно отличается от «Русской идеи»? Некоторые ученые возражали против замены понятия «Русская идея» термином «евразийство», поскольку, по их мнению, это ведет к растворению русского народа в неопределенной массе россиян. Некоторые критики концепции евразийства как идейной парадигмы развития России из стана европеистов пытаются дискредитировать евразийство, ссылаясь на исторический пример евразийства, возникшего после первой мировой войны в 20-30-е годы и носившего откровенный антизападный характер. Но это антизападничество вытекало из ситуации того времени.

¹³ Там же. С. 29.

1. Главная особенность евразийства - признание специфичности географического «местаразвития»¹⁴, международного положения и исторического происхождения российской цивилизации, основой и стержнем которой является русская культура, а языком общения - русский язык.

2. Евразийство признает полицентризм, как общеметодологический принцип¹⁵, взаимодействие, взаимодополняемость культур, отношений их взаимного влияния и взаимной учебы. Согласно евразийству, отношения между всеми культурами строятся по горизонтали на основе принципов соборности, равноправия, симфонизма и признания уникальности даже культур национальных этносов, насчитывающих несколько тысяч человек¹⁶.

3. Евразийский принцип взаимоотношения культур строится на гармоничности их взаимодействия. В этом плане евразийство совпадает с конфуцианским подходом к культурному развитию, о гармонии многообразия (хэ эр бутун), и даосской диалектикой взаимодействия противоположных явлений в природе и культуре (хэ эр эр и, и фэн вэй эр) – слияния противоположностей в единое и раздвоение единого на [новые] противоположности¹⁷.

4. Евразийству присущ ряд закономерностей становления культур на основе принципов конвергентного синтеза, взаимного влияния и взаимной учебы. По своей структуре оно является многослойным, полиэтническим, полицивилизационным единством, обеспечивающим сосуществование различных этносов и различных культур как в рамках одного государства, так и в глобальных масштабах.

Евразийство главным образом ориентируется на систему духовно-нравственных ценностей православия, но оно признает и уважает свободу совести и вероисповеданий других религий и вероисповеданий, которые разделяют цивилизованные нравственные нормы.

Феномен евразийства по своей сущности интернационален. Он содержит свойства и черты, которые присущи не только культурам Евразии. Евразийство, в отличие от евроцентризма, как отмечалось выше, исходит из равноправия и горизонтальной структуры взаимоотношений между различными культурами, в то время как евроцентризм исходит из вертикальных взаимоотношений культур, признания одной культуры высшей, других –

¹⁴ Этот специфический термин ввел П.Н.Савицкий и его охотно использовал и развивал в своих работах Л.Н.Гумилев.

Цит. по: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Как справедливо отмечает проф. С.Б.Лавров: «Евразийцы выступали за сохранение самобытности этносов, но никогда – за узкий национализм».

Цит. по: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993. С. 10.

¹⁷ Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Гл. ред. М.Л.Титаренко. М.: Вост. лит. Т. 1. 2006. С. 284-285, 462-464.

низшими. Стратегема евроцентризма рассматривает ассимиляцию других культур и вымирание уникальных малых культур как нормальное, неизбежное и даже желательное явление.

Призывы о «вхождении в мировую цивилизацию» сопровождаются усиленной деморализацией духовных основ русской, славянской, в целом российской культур, что ведет к ослаблению единства и внутренней стабильности России, размыванию её цивилизационной идентичности.

По нашему мнению, любая стратегическая концепция развития России как страны в целом, так и того или иного её региона, не может не учитывать евразийскую геополитическую сущность нашей цивилизации. Поэтому планы экономического и социального развития Российской Федерации до 2020 года и региональные программы долгосрочного развития должны по необходимости базироваться на парадигме евразийства.

Концепция России как евразийской державы требует серьезного совершенствования и реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра. Парадигма современного российского евразийства отражает особенности геополитического и цивилизационного развития нашей страны и отнюдь не привязывается к той или иной прозападной или проазиатской ориентации.

Концепция евразийства как альтернатива евроцентризму и сплошной вестернизации играет свою позитивную роль не только в плане внутренней духовной консолидации России, как единого многонационального государства, так и в международном плане, поскольку она противодействует нивелированию национальных культур, содействует сохранению стабильности полицентричного мира и процветанию мировой цивилизации как симфонии многообразных культур.

Session III : Sub-regional Identities in Eurasia

**A Concentric Understanding of Eurasia through the Concept of ‘Heartland-Rimland’:
the Caucasus as an Intermediate Region between Center and Periphery**

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Sergey Arutyunov

Chairman

The Department of Caucasian Studies,
The Institute of Ethnology and Anthropology,
Moscow, Russia

gusaba@iea.ras.ru

Мировоззренческие аспекты функционирования евразийского пространства

С.А. Арутюнов.

Есть два и только два подхода к выделению пространства, в котором функционирует предмет исследования: дедуктивный и индуктивный. Это в равной мере справедливо как для реального геометрического пространства, так и для виртуального метафорического пространства, например социального. Дедуктивный путь - это путь от точек через изолинии к протяженной площади или объему. Таково, скажем, конструирование пространства распространения любой археологической культуры, где мы сначала обнаруживаем отдельные точки (стоянки) с аналогичными свойствами, а затем, очертив их ареал, получаем зону распространения данной культуры.

Индуктивный путь - это путь первоначально интуитивного донаучного постижения некой целостности, где затем выявляется наличие более или менее однородных точек, чем и проверяется большая или меньшая правильность первичной интуитивной индукции. Примером может служить выделение ландшафтной зоны сначала по самым общим признакам, когда мы более или менее видим лес, но не отдельные деревья, а затем уже детальное изучение видового состава растительности. Выделение крупных историко-культурных областей (ИКО), и в частности евразийской ИКО, представляется возможным только по этому индуктивному пути.

Пространство Евразии возможно определить на нескольких уровнях и в разных смыслах. Первый и первичный - это суперконтинент, охватывающий всю материковую массу Европы и Азии. Граница Европы и Азии условна, как, впрочем, и граница всех полуостровов Азии - Индостана, Индокитая и др. Но в любом случае перед нами предстает некий слабо расчлененный континентальный массив, отороченный выступами крупных полуостровов. С Крайнего Севера по часовой стрелке следуют полуострова с прилегающими островами: Таймырский, Чукотско-Камчатский, Корейский, «Восточно-Китайский выступ», Индокитайский, Индостанский, Аравийский, Малая Азия, Западно-Европейский и Финно-Скандинавский. Каждый из них представляет собой условно равноценную особость как в физико-географическом, так и в историко-культурном плане, и хотя они не равновелики по площади и не равноранговы по шкале историко-культурной таксономии (причем уровень таксонов в разные эпохи, безусловно, сильно различается), тем не менее не приходится сомневаться, что каждый такой полуостров всегда представлял и представляет некую

достаточно определенную ИКО, хотя и несколько разного порядка. При таком подходе Европа просто не существует или складывается из Западной Европы и Финно-Скандии как их механическая сумма. Реально же в глобально-историческом плане, конечно, историко-культурное значение Западно-Европейского и Чукотско-Камчатского полуостровов просто несопоставимо.

Второе понимание Евразии - это понимание ее как некоего Хартлэнда¹, т.е. земель сердцевины, которая питает и побуждает к отращиванию все упомянутые полуострова Римлэнда (земель края) - приморской оторочки, окружающей удаленную от моря континентальную массу.

И третье - наиболее узкое и наиболее широко распространенное понимание Евразии - это ее понимание в рамках концепции «евразийцев» XX в. - Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др. С этой точки зрения Евразия практически равна территории Российской империи и ближайших сфер ее экономического, культурного и политического влияния в эпоху ее наибольшей протяженности - рубежа XIX-XX вв.

Серия трудов (статей и докладов), созданных в ходе общеакадемического проекта «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (Москва, «Наука», 2006), по разному определяет это понимание.

Среди этих разнородных работ обращают на себя внимание две статьи - А.В. Головнева и Н.Г. Очировой, в которых содержится попытка придать евразийскому, а точнее - собственно российскому пространству соответственно северное и южное измерения. Статья Н.Г. Очировой по существу сводится к рассмотрению многообразия и даже не мозаичности, а слитности и сплавленности поведенческих, культурно-бытовых и конфессиональных компонентов на территории Южного Федерального округа. Где именно реально проходит южная граница северноевразийского Хартлэнда - вопрос особый, и мы его еще коснемся, но важно то, что даже на примере ЮФО видно, что эта многокомпонентная слитность не механична, а органична. Что касается статьи А.В. Головнева, то в ней вопрос северного измерения ставится на более глубинном мировоззренческом уровне. Автор противопоставляет глубоко интериоризированную северную идентичность скандинавов многополюсной идентичности русских и говорит о намечающемся усилении северного направления этой

¹ Хальфорд Маккиндер (1861-1947) в своей работе «Демократические идеалы и реальность» (Mackinder HJ. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. L., 1919) выделил «осевой регион» Евразии, названный им Хартлэндом. Х. Маккиндер включил в него Россию, Центральную и Восточную Европу, Тибет. Это понятие активно использует Збигнев Бжезинский в книге «Вне контроля» (Brzezinski Zb. *Out of control*. N.Y., 1993), где понятию «осевой регион» противопоставлено понятие «окраинные земли» евразийского пояса, Римлэнд.

многополюсности.

Финно-Скандия - север уникальный, омытый Гольфстримом, безледный, мягкий, богатый ресурсами. Но и при этом его обитатели всегда завистливо глядели на юг, путь из варяг в греки был преимущественно односторонним и, кстати сказать, «русы» любого раннего источника - всегда смесь и скандинавов и славян, и попытка их последовательного разграничения в общем-то безнадежна. О динамике археологических культур на евразийской территории я говорить не решаюсь, хотя, кажется, распространение с юга на север здесь превалировало. Сегодня северный компонент русской идентичности - это еще недавно «первобытные» меньшинства, богатые, но трудные для добывания ресурсы, да еще, пожалуй, некоторая ходульная романтика туманов и запахов тайги. Прямо скажем, не так уж много, хотя сегодня только за счет северной нефти и газа все мы вообще еще скорее как-то живы.

Что касается прошедших эпох, то на всем пространстве северной Евразии, от 40 до 140 меридиана восточной долготы, имелось несколько меридиональных смычек. По обоим стокам Уральского хребта смычка угорской пушнины и иранской торевтики и всего, что за ними стояло, когда еще никакими славянами на этих просторах и не пахло. Восточнее и позже, т.е. в Западной Сибири около 1000 лет назад, это смычка среднеазиатских оазисных доисламских и исламских идей и идеологий с таежными шаманскими идеологиями Приобья. Еще восточнее и еще позже (XII-XVIII вв.) это было наслоение мистического северного буддизма на духовно близкие шаманские воззрения народов Центральной Азии и Восточной Сибири. И, наконец, на российском Дальнем Востоке вплоть до Арктического океана издревле, так или иначе, проявлялось воздействие мощнейших цивилизаций китайско-японского круга. Таким образом, в Евразии Хартлэнда выделяется не одна, а, как минимум, четыре, если не более, оси Север-Юг.

В глобальном плане, однако, важнее ось Восток-Запад или скорее две такие оси. Одна - это степной путь колес, колесниц, телег и копыт быстрых скакунов кочевников, другая - путь неторопливой поступи верблюжьих караванов Великого шелкового пути, которая проходила существенно южнее вдоль пустынных оазисов Центральной Азии. Пожалуй, именно вдоль этой оси и проходила не столько разделяющая, сколько связующая грань Хартлэнда и Римлэнда Евразии, т.е. та самая южная евразийская граница, которая еще недавно почти совпадала с границей Российской империи, а сейчас далеко от нее отодвинулась. Передача культурных и материальных ресурсов вдоль этой грани всегда базировалась на богатствах Римлэнда. На них же зарилась и разрастающаяся Российская империя. И этот вектор евразийской геополитики достиг своего апогея в «Большой игре» русской и британской

дипломатии, тенденциозно, но метко высвеченной Р. Кипплингом в «Киме», эпигонски повторившейся в арабско-африканских авантюрах постсталинских режимов и завершившихся крикливым аккордом ернического реквиема в «Броске на юг» В.В. Жириновского. Сегодня об этом векторе всерьез говорить уже не приходится.

Тем не менее массовая иммиграция из новых кавказских и среднеазиатских государств, по-видимому, при всех своих сложностях, дает основания для оптимистического взгляда на интеграцию в российском пространстве. И эти страны и народы гораздо менее чужды России, чем арабы и турки, Алжир и Турция для Европейского Союза.

Представим себе, что по метеоусловиям Москвы самолет, следующий рейсом Омск-Москва, на день посадили в Нижнем Новгороде. Среди пассажиров самолета: русский-бухгалтер, украинец-таксист, еврейка-стоматолог, лачка-рентгенолог, грузинка-пианистка, армянин-сапожник, азербайджанец-торговец фруктами, таджик-строитель, казах-нефтяник, татарин-сантехник, селькуп-рыбак, бурятка-журналистка, меннонит-ветеринар, монгольский дипломат, чувашка - сельская учительница. Не все они одинаково хорошо владеют русским языком, но, даже в худшем случае, более или менее могут объясняться. При всех различиях в этническом, религиозном, профессиональном, социальном плане все же общего у них, как мне кажется, больше, чем этих различий. Они легко и естественно соорганизуются в группу товарищей по несчастью, создадут себе какой-то бытовой уголок в переполненном аэропорту и согласованными усилиями начнут «качать права». Сложностей для взаимопонимания и взаимодействия у них будет очень немного.

Теперь представим, что аналогичную посадку совершил в Абу-Даби рейс Франкфурт-Сингапур. Все пассажиры - бизнесмены средней руки, все более или менее сносно объясняются по-английски. Среди них голландец, баск, алжирец, турок, венгр, румын, грек-киприот, израильтянин, перс, парс, сикх, китаец-хакка из Малайзии, пекинский китаец, малаец, филиппинец, кореец и японец. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что коэффициент спонтанной групповой когезии (тенденции сплочения индивидов в более или менее спаянную группу) у них будет значительно ниже, чем в первом случае. На этом примере можно видеть, что, по-видимому, историко-культурные конфигурации субконтинентов Римлэнда мало зависят друг от друга и общей или групповой целостности не составляют, тогда как обитатели евразийского Хартлэнда, при всех своих различиях, все же обладают вполне очевидными общими ценностно-коммуникативными паттернами (моделями общения). При этом ясно, что эти паттерны, которые все еще находятся в процессе формирования, связаны в конечном счете с одним основным фактором: образованием в пригодной для крестьянского хозяйствования

зоне Евразии сплошного пояса русских поселений - от Пскова до Охотска. Начало формирования этого пояса - вещь гораздо более поздняя, чем формирование России как «страны русского народа», относится к середине XVII в. и приобрело особую интенсивность уже только в XIX-XX вв. До появления этого фактора никакой «Евразии» ни на самой четкой карте, ни в самой светлой голове не существовало и не могло существовать. «Евразия» в современном, обыденном геополитическом смысле - это детище русского народа.

Что касается конфессионально-идеологического компонента евразийского бытия, то это, конечно, русское православие, как основное бытийное мировоззрение русского крестьянства. Другое дело, что практически везде, даже на крайнем западе пояса русских поселений, это православие сосуществовало с народным исламом татар, башкир, казахов, с буддизмом бурят и калмыков, с «язычеством» (анимизмом, шаманизмом и т.д.) марийцев, ненцев, хантов, эвенков и других народов, повсюду добрососедствующих с русскими. Народно-православные архетипы являются необходимой составляющей «коллективного бессознательного», присущего русскому народу, в том числе и для людей, считающих себя вообще неверующими, так же как исламские архетипы в подсознании татар и буддийские - в подсознании бурят. Рискуя навлечь на себя гнев многих правозащитников, осмелюсь предположить, что русский кришнаит, равно как армянский иеговист, татарский мунист и якутский мормон - это уже не русский, армянин, татарин и т.д., а член некой новой деэтнизированной замкнутой религиозной общности. Следует только помнить, что народное русское православие - это вовсе не православие графа С.С. Уварова и оберпрокурора К.П. Победоносцева. Это «народное», теплое и домашнее православие - образ мышления и эмоционального взаимодействия добродушного чревоугодника сельского батюшки и его домовитой попадьи, весьма начитанного в житийной литературе и вечно пьяноватого дьячка, сурово немногословной знахарки бабушки Лукерьи, богомольной и болтливой ничьей петушки Устиньи и миллионов простых русских баб и мужиков, которые, как небо от земли, были далеки от любой религиозной нетерпимости, от анафематствования в адрес иноверия и инославия, от высокомерного пренебрежения ко всем уживавшимся рядом с ними «иноверцам» и «инородцам».

Эта традиционно доминирующая в народных межконфессиональных отношениях модель является несомненно ценнейшим социальным капиталом российского и шире - «евразийского» населенческого массива. Однако сегодня она находится под угрозой со стороны разных форм религиозного экстремизма и фундаментализма, об одних аспектах которого говорят очень много и даже слишком много, а о других почти или вообще не говорят.

Шаманского или языческого экстремизма вообще не существует. Шаманы-заклинатели, гимнопевцы и гадатели настаивают, как правило, на комплиментарности своих культов по отношению к «большим» религиям и не только не препятствуют, но и способствуют, и советуют всем обращаться к ним, не запускать, а хранить и обновлять свои отношения с указанными «большими» религиями.

Не существует и буддийского экстремизма, разве что за исключением небольшого числа лам, упорствующих в своей неприязни к шаманизму. Речь не идет о наличии буддийских и индуистских террористических группировок, действующих исключительно в странах Римлэнда.

Серьезную опасность могут представлять отдельные деятели и ячейки новых нетрадиционных религий, в том числе и достаточно респектабельных типа иеговистов и сайентологов, не говоря уже об откровенно изуверских сектах типа сатанистов или Аум Синрикё. Опасность исламского фундаментализма нередко преувеличивается, но несомненно существует. Конечно, не каждый ваххабит - бандит, как и не каждый бандит - ваххабит. Более того, не каждый салафит - ваххабит, и тем более не каждый ханбалит - салафит. Это тривиальная истина, но именно ее забвение властями привело к недавней трагедии в Нальчике и другим аналогичным эксцессам. Кроме того, надо признать, что вероятностно корреляция или перерастание одной из упомянутых категорий в другую может быть реальной тенденцией.

Однако наибольшую опасность, с моей точки зрения, представляет поведение отдельных православных пастырей, которые проповедуют православный фундаментализм, нетерпимость к иноверию и инославию, огульное отрицание экуменизма, требования максималистского воцерковления, берут на себя роль государственной религии и полиции нравов, громят «художественные» инсталляции (по правде сказать, действительно порой весьма дурного вкуса), пикетируют выступления артистов нетрадиционной сексуальной ориентации и вообще берутся за дела, подлинным духовным пастырям не свойственные. Если эти тенденции будут развиваться, общеевразийское бытовое конфессиональное согласие может смениться хаосом parroхиальных (узко приходских) распрей.

Хотя вполне возможны и другие сценарии, но все же многое указывает на растущую вероятность именно такого, пессимального развития ситуации. В этом случае из евразийского относительного, но все еще ощутимого народного содружества исчезнет его русско-православный стержень, и оно может рассыпаться. Конечно, речь не идет об исчезновении православия, а лишь об утере его бытового, народного, сельского варианта.

Большинство рядовых священников, потеряв душевную связь с приходом, станут просто платными ритуалистами, а высокие иерархи образуют политизированную корпорацию, претенциозную, но мало перспективную.

Я не буду здесь касаться перспектив международного и межэтнического взаимодействия по русско-казахской, русско-монгольской и русско-китайской границе, равно как и русско-корейских и русско-японских отношений, сосредоточусь на кавказских рубежах России. В плане духовного окормления ситуация здесь довольно парадоксальна. Абхазия и Ю. Осетия стали небольшими независимыми государствами. Их отношения с Грузией откровенно враждебны. В то же время все православные приходы тут находятся в подчинении у грузинского католикоса. Уже одно это ставит их в двусмысленное положение и ослабляет их влияние на паству. С другой стороны, и среди абхазов, и среди осетин достаточно зримо возрождаются традиционные языческие культы, никогда не уходившие здесь полностью из народной жизни. По-видимому, их роль в народной жизни будет все более возрастать, а с ними и осознание этими народами своей этнической особенности, хотя совсем не обязательно это должно быть связано с утратой позитивного отношения ко всему русскому и православному.

В Адыгее, КЧР, КБР исламский компонент и его роль будут возрастать, но определяющего значения не приобретут. Для глубокого туземно-русского противостояния здесь корней нет, но доля русского населения падает и будет продолжать снижаться. Исламистские эксцессы возможны, но только в случае проявлений очередного беспредела силовых органов, прежде всего милиции. Последовательный курс на поддержание режима правового государства обеспечит неповторение таких эксцессов.

В Ингушетии, Чечне и Дагестане в обозримом будущем никакого правового государства ожидать не приходится. В Чечне не конституционный, но хотя бы автократический порядок кланом Кадыровых более-менее установлен, Ингушетия продолжает раздираться межфамильной враждой, в Дагестане идет кровавая борьба между тарикатистскими шейхами и их мюридами-силовиками, с одной стороны, и набирающими силу ваххабитами, с другой. Во всех этих трех республиках численность русских, некогда бывшая выше 25%, ныне стремительно стремится к нулевой.

Тем не менее, старый истеблишмент, состоящий в основном из бюрократов советской школы и туземной интеллигенции той же школы, все еще сохраняет свое влияние, а вместе с ним сохраняется влияние и некоей не только общероссийской, но и евразийской идеи.

Русская власть на Кавказе нанесла туземному населению немало бед, но она же принесла ему и ряд благодеяний. Бесконечный перечень обид легче легкого можно найти в

опусах бесчисленных националистических идеологов. Столь же обширный список благодеяний содержится в опусах официальной пропаганды, как советского, так и постсоветского времени. Если первый список многими принимается более или менее всерьез, то ко второму мало кто относится иначе как с усмешкой, а, между прочим, зря. Он складывается в одно большое благодеяние, состоящее в том, что туземцы Северного Кавказа, от адыгейцев до лезгин, в Российской империи и СССР стали не только евразийцами, но и в целом европейцами, бóльшими европейцами, чем черногорцы или албанцы, и может быть, даже чем сами русские. И если пробьет час Единой Европы от Лиссабона до Уэллена, интеграция северокавказцев в нее пройдет без особого труда.

Что касается стран Южного Кавказа (или Закавказья), то и Грузия, и Армения уже были, вместе с Византией, частью Европы еще со времен Константина. Византия пала и стала Турцией, а стало быть, уже не Европой. Но Грузия и Армения частью Европы остались. Тем более они укрепились в этом качестве, став частью Российской империи и СССР. Но в том составе они были уже евразийскою, т.е. руссоцентрической, частью Европы. Евразия – это Россия и тот концентрический мир, который концентрируется вокруг России на ее европейском конце. Своего наибольшего протяжения этот мир достиг во времена т.н. социалистического лагеря, хотя, конечно, дальневосточные коммунистические режимы – Китай, Северная Корея, Вьетнам – в него никогда не входили. Так что Евразия все-таки всегда была именно Евразией, а отнюдь не Азиопой. Азиопой в известной мере была Золотая Орда, но это уже совсем другая история.

В моем представлении Евразия - это не самоцель и не самосущность, не продукт, не результат, и не субъект. Евразия - это сложный и длительный процесс, телеология и аксиология которого состоит в продвижении к уже упомянутому идеалу, точке «омега» глобальной цивилизации – Великой Европе от Лиссабона до Уэллена, в которую Евразия в ее российском понимании полностью или в значительной степени волеется. Наличие народов Кавказа в их нынешнем виде это ценнейший ресурс на пути подобного процесса. Так же как сейчас перед ЕС и отдельными странами Европы стоит кардинальнейшая проблема взаимодействия и взаимопонимания со странами и народами Ближнего и Среднего Востока, так она еще более остро будет стоять перед единой Великой Европой. И здесь огромным плюсом для решения этих задач будет наличие народов и традиций Кавказа, которые и сами по себе являют нечто объединяющее и переходное между европейскостью и азиатскостью, и к тому же обладают обширными и разветвленными диаспорами, армянской, грузинской, азербайджанской, черкесской, чеченской, абхазо-абазинской и другими. Для России жизненно

важно не отталкивать от себя эти народы и диаспоры, а максимально притягивать их к себе, максимально способствовать их приобщенности, развивать и сохранять эту приобщенность Кавказа к России, к русскому языку, к русской и общеевропейской культуре.

Session III : Sub-regional Identities in Eurasia

Eurasianness and the Kazakhstan's Model of Inter-ethnic Harmony

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Bulat Klychbayevich Sultanov

Director,

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies,

Almaty, Kazakhstan

sultanov@kisi.kz

Евразийство и казахстанская модель межэтнических отношений

Султанов Б.К.

Идея евразийства, возникшая в прошлых исторических условиях, тем не менее, продолжает сохранять свою актуальность в новых реалиях 21 века. При этом мы исходим из того, что Евразия, являющаяся особым культурным, историческим и экономическим ареалом, заселена евразийскими народами, обладающими близким менталитетом и особой системой духовно-нравственных ценностей. Поэтому здесь возможно сочетание западных и восточных культурно-цивилизационных ценностей, основанных на гармонии человека и окружающего мира.

На наш взгляд, новые независимые государства, несмотря на распад СССР, сохранили экономические, геополитические и этносоциальные взаимосвязи. Поэтому все 18 лет после распада Советского Союза Казахстан выступал за совместное решение экономических, политических и социальных проблем на взаимовыгодных условиях, предлагая различные формы межгосударственного сотрудничества.

Казахстанская идея Евразийского Союза

Логическим развитием интеграционных инициатив Казахстана стала идея нового интеграционного объединения - Евразийского Союза, предложенная Президентом РК Н.А.Назарбаевым в марте 1994 года в Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова. По проекту, предложенному Главой Казахстана, Евразийский Союз - это союз равноправных государств, направленный на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала. ЕАС является формой интеграции суверенных государств с целью укрепления стабильности и безопасности, социально-экономической модернизации в постсоветском пространстве. При этом Президент Казахстана не раз подчеркивал, что речь в данном случае ни в коей мере не может идти о воссоздании Советского Союза. Евразийский Союз, как новая форма межгосударственного сотрудничества, должен быть нацелен на восполнение тех функций СНГ, которые в прошлом по тем или иным причинам оказались частично или полностью не реализованными. Более того, ЕАС будет способствовать развитию таких

преимуществ СНГ, как высокая степень интегрированности экономик, социально-политических структур и общность историко-культурных традиций.

Тогда, 15 лет назад, евразийская идея Президента Назарбаева некоторым показалась нереальной. Однако, сейчас в условиях мирового финансового, экономического, экологического, энергетического, продовольственного, климатического кризисов идея евразийства приобретает «второе дыхание».

Президент Назарбаев в своей статье «Евразийский экономический союз: теория или реальность», опубликованной 19 марта с.г. в газете «Известия» подчеркнул: «Только сообща мы сможем обеспечить устойчивое экономическое развитие наших государств. Последствия нынешнего мирового кризиса ломают многие иллюзии. В нынешней ситуации помощи со стороны ожидать не следует. Вчерашние доноры сегодня вынуждены решать собственные проблемы. Если мы не позаботимся о себе сами, о нас не позаботится никто».

Несмотря на сопротивления скептиков и противников евразийской интеграции, она пробивает себе дорогу. Сегодня мы видим в экономической сфере конкретные механизмы интеграции в рамках ЕврАзЭС – создание Таможенного Союза, проработка создания общей транспортной и энергетической систем, создание антикризисного фонда в объеме 10 млрд.долл. и т.д.

Вместе с тем существует целый ряд проблем. По мнению экспертов отсутствует четкая и ясная концепция интеграции, которая снижает мотивацию участников интеграционного процесса. Существуют различия в темпах и уровнях реформирования постсоветских республик.

Политические элиты не до конца осознали актуальность идеи евразийства, зачастую ориентируясь на политическую конъюнктуру. Интеграционным процессом всецело занимаются бюрократические структуры, зачастую подверженные эгоистическому лоббизму интересов тех или иных финансово-промышленных групп. Бизнес и гражданское общество пока еще недостаточно организованны, чтобы серьезно влиять на развитие интеграционного процесса.

Тревожным фактор является рост межнациональной вражды в России – за 2008 год было совершено не менее 87 убийств наци-скинхедами, ранено 378 человек. За январь-февраль погибло 26 человек, 24 – получили ранения. В большинстве случаев жертвами наци-скинхедов стали выходцы из Центральной Азии и Кавказа.

В таких условиях трудно говорить «о формировании на основе общих ценностей культурного и языкового многообразия единой евразийской идентичности», о едином научном,

гуманитарном и образовательном евразийском пространстве.

Тем не менее, актуальность идеи евразийства определяется фактором взаимозависимости, перевешивающей все контр-аргументы. Нынешние глобальные проблемы, угрозы и вызовы можно решить только совместными усилиями, когда безопасность одного государства гарантируется безопасностью других. В этой связи трудно не согласиться со словами Главы Казахстана о том, что Евразийское сообщество, основанное на равенстве, добровольности, прагматизме может стать «глобальным фактором мировой экономики и политики 21 века».

Кстати, эту позицию разделяет большинство граждан Казахстана. Согласно результатам социологического опроса, проведенного ОФ «Агентство социальных технологий «Эпицентр» с 1 по 30 июня 2008 года, большинство опрошенных казахстанцев (69,6%) позитивно оценивает деятельность ЕврАзЭС. Перспективы Таможенного Союза Казахстана, России и Беларуси позитивно оценивает 61,5% казахстанцев (15,4% – нейтрально; 15,4% – скептически; 7,7% – негативно). К ОДКБ казахстанцев положительно относится 92,3% казахстанцев, отрицательно – только 7,7%.

Для сравнения: к НАТО положительно относится только 7,7% казахстанцев; отрицательно – 61,5%; 23,1% – нейтрально; затруднились с ответом – 7,7%;

На вопрос, с какой международной организацией РК необходимо укреплять сотрудничество, голоса распределились следующим образом: ЕврАзЭС – 53,8%; ОБСЕ – 38,5%; ЕС – 30,8%; ООН, НАТО, ОПЕК, Лига азиатских стран – по 15,4%.

Казахстанская модель межэтнических отношений

Евразийская идея изначально признает глубинную идентичность народов, населяющих просторы Евразии. За годы независимости в Казахстане достигнуты определенные позитивные результаты в регулировании сферы межэтнических и межконфессиональных отношений, характеризующейся стабильной обстановкой, способствующей сохранению атмосферы толерантности и согласия между этносами. Так, по результатам республиканского социологического опроса, проведенного Агентством социальных технологий «Эпицентр» в период с 15 октября по 20 ноября 2008 г., большинство респондентов (68,4%), высказалось в пользу стабильности сферы межэтнических отношений. Определенное улучшение отметили еще 10,5% респондентов, и 6,9% участников опроса отметили значительное улучшение состояния межэтнических отношений по месту своего проживания.

Одним из ключевых факторов эффективности проводимой политики явилась твердая линия руководства страны с первых дней ее независимости, направленная на гармонизацию взаимоотношений между этносами. В Послании народу Казахстана «Рост благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики» Президент РК Н.А.Назарбаев отметил, что за годы независимости в Казахстане была реализована «собственная модель обеспечения общественной стабильности, межнационального согласия, формирования казахстанской идентичности и общекзахстанского патриотизма. Это наше казахстанское «ноу-хау», которым мы по праву гордимся и обязаны бережно охранять».

Эти же принципы, определяющие политические, культурные и духовно-нравственные приоритеты и ценностные ориентации в развитии казахстанского общества, заложены в Статье 1 Конституции Республики Казахстан.

Для полиэтнического государства, каковым является Казахстан, одним из главных условий сохранения своей целостности и независимости выступает надэтническая интеграция его граждан в единую общность. В виду этого для нашей республики, в которой проживают представители 130 этносов, построение общекзахстанской гражданско-политической общности выступает одним из основных требований существования ее государственности и стабильного развития.

В данном случае речь идет о политической консолидации казахстанцев на основе гражданского участия всех этносов Казахстана в социально-политических процессах. В этом плане политическая консолидация полиэтнического общества должна выстраиваться на основе консенсуса интересов входящих в его состав этносов, что должно учитываться при выборе принципов национального строительства в общем спектре государственной политики.

Начиная с середины прошлого века, национальное строительство в Казахстане осуществляется на основе идентификации по гражданской принадлежности (принцип согражданства). Сегодня составным элементом национального строительства в Казахстане выступает также обеспечение этнического плюрализма. Следует отметить, что к настоящему времени удалось добиться некоторых позитивных результатов при реализации данных принципов национального строительства. *Во-первых*, согласно данным социологических исследований, наметилась тенденция ориентации заметной части казахстанцев на идентификацию по гражданской принадлежности. Так, по данным республиканского социологического исследования, проведенного Агентством социальных технологий «Эпицентр» в период с 15 сентября по 20 октября 2007 г., треть респондентов (33,8%) назвали себя, в первую очередь, гражданами РК.

Во-вторых, для всех этносов Казахстана созданы благоприятные условия для реализации ими своих этнокультурных интересов. В целом, к текущему моменту в республике созданы эффективные правовые и идеологические основы, а также организационная инфраструктура реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений, которая, в целом, получает положительные отклики населения. Согласно данным социологического исследования (здесь и далее – республиканского масштаба, проведенного по заказу КИСИ Агентством социальных технологий «Эпицентр» в период с 15 октября по 20 ноября 2008 г.), государственная политика в сфере межнациональных отношений положительно оценивается большинством участников опроса (78.1% оценок «положительно» и «скорее, положительно» в совокупности).

Таким образом, за годы независимости в нашей стране была реализована собственная, уникальная модель, обеспечивающая гармоничные межэтнические отношения в полиэтничном и поликонфессиональном обществе посредством сохранения самобытности народов и их единения.

Модель межэтнических отношений в Казахстане реализуется на следующих основных уровнях:

1. Концептуальный уровень (концептуальное обоснование обеспечения межэтнического согласия).
 - а) Модель межэтнического согласия реализуется с учетом и на основе взаимозависимости и взаимообусловленности социально-экономических, культурных, нравственных, бытовых и других факторов в соответствии с их потенциалом;
 - б) Модель межэтнического согласия организационно и функционально базируется на *принципе свободного обеспечения культурного самовыражения всех этносов Казахстана.*

2. Политико-правовой уровень

Политико-правовой уровень осуществляется на основе законодательных актов, регулирующих сферу межэтнических отношений государства, и других официальных документов, определяющих основные направления национальной политики. Правовой основой обеспечения межэтнического согласия выступает Конституция Республики Казахстан.

Согласно Статьи 7 Основного Закона страны («государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана») и Статьи 19 («каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания,

обучения и творчества»), право каждого казахстанца на сохранение самобытности своей культуры, свободный выбор языка обучения и воспитания нашло закрепление, в частности, в законах «О гражданстве Республики Казахстан», «О языках в Республике Казахстан», «Об общественных объединениях», «О культуре», «Об образовании», «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

3. Институциональный уровень

На институциональном уровне главным институтом обеспечения межэтнического согласия выступает Ассамблея народа Казахстана. В рамках конституционной реформы 2007 г. В Мажилис Парламента были избраны депутаты от Ассамблеи народа Казахстана, главной функцией которых является обеспечение и защита этнических интересов. Таким образом, АНК стала реальным механизмом агрегации и артикуляции интересов этносов Казахстана. Под эгидой Ассамблеи работают 22 республиканских и региональных *национально-культурных центра*, которые объединяют 470 областных, городских и районных организаций. Особое место в эффективной реализации АНК своих задач заняли ее региональные филиалы – так называемые *Малые Ассамблеи*. Обширная территория Казахстана, наличие во многих его регионах районов с компактным проживанием различных этносов сделали насущной необходимостью введение региональных представительств специальных структур, занимающихся разрешением этнических проблем. В этом аспекте функционирование Малых Ассамблей стало одним из путей решения этой задачи.

4. Научно-методологический уровень

В целом, содержание казахстанской модели межэтнического согласия определяется целым набором принципов, т.е. взаимосвязанных основных идей, отправных позиций и ориентиров, на которые должна ориентироваться политика государства. Важнейшими из них являются: открытость и гласность; законность, законодательное оформление и правовое регулирование деятельности, используемых сил, средств и методов; деполитизация вопросов национального строительства; гуманизм, справедливость и приоритет нравственных начал; взаимопомощь и взаимоподдержка; доброжелательность и толерантность; приоритет предупредительно-профилактических мер; восприимчивость к науке и др. Указанные принципы неразрывно связаны друг с другом, при этом выполнение каждого является условием для практической реализации остальных.

Многочисленные исследования и сама жизненная практика показывают, что гармония в межэтнических взаимоотношениях может быть достигнута только при взаимопонимании этносов. В этом смысле диалог культур является одним из основных факторов развития

толерантности общества. За годы независимости в Казахстане были созданы условия для сохранения и развития этносами своих родных языков, обычаев и традиций. Ассамблея народа Казахстана ежегодно проводит ряд различных мероприятий, направленных на развитие языков, традиций и обычаев этносов Казахстана.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду существующие проблемы. Одной из них является выработка и принятие концепции казахстанской общенациональной идеи, позволяющей сплотить все этносы, населяющие нашу страну. Отсутствие национальной идеи усиливает процессы сепаратизма и дезинтеграции страны и, таким образом, может привести к дестабилизации общественно-политической обстановки, сильная национальная идея, напротив, способствует укреплению экономического и политического единства.

Для укрепления межэтнического согласия необходимо развивать культуру толерантности. Важным составным элементом культуры толерантности является религиозная веротерпимость.

Необходимо также иметь в виду, что общественное согласие не может поддерживаться искусственно — общество само, на основе свободного выбора, должно участвовать в этом процессе. Этот вопрос требует взаимодействия, слаженных действий государственных и гражданских институтов при выработке курса в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений

В целом, казахстанская модель межэтнического согласия доказала свою эффективность, и во многом избрание Казахстана на пост председателя ОБСЕ в 2010 году обусловлено значительными достижениями в сфере сохранения общественно-политической стабильности, обеспечения межнационального и межконфессионального согласия.

Казахстан готов и в будущем вносить свой вклад в установление межкультурного диалога, выступая в качестве своеобразного «моста» между Западом и Востоком на едином евразийском пространстве.

Session III : Sub-regional Identities in Eurasia

**The Cyril and Methodius Brotherhood and Discourses of the Modern
Ukrainian Nationalism in Its Beginning Phase**

Paper presented at the conference

“Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era,”

Asia-Pacific Research Center, Hanyang University, Seoul, Korea,

June 18-19, 2009

Hahn, Jeong-Sook

Professor,

The Department of Western History,

Seoul National University

Seoul, Korea

The Cyril and Methodius Brotherhood and Discourses of the Modern Ukrainian Nationalism in Its Beginning Phase

HAHN, Jeong-Sook

Not a few people would think that Ukraine acquired independence as a sudden gift from outside. For this historical occasion a British resersher used the expression “unexpected nation.”¹ Another Anglophone specialist on the Russian and Ukrainian history asked skeptically if Ukraine has a history². Some observers may think that Ukrainians don’t have any clearly articulated national consciousness based on a historical tradition which could be facilitated by the sense of belonging to an independent political unity. It seems however that there are differences between an “unexpected nation” and an “unexpected state,” between the official history of a multi-national state and the history as the memory of the people of a constituent nation.³

Nations and states are not something created ready-made from heaven, but products of development made by human efforts in a more or less long process. Like nation itself, national identity is also neither predestined nor unchangeable. Both are formed in the process of nation-building.⁴ It does not necessarily mean that it is an artificial product, or fictive narrative,⁵ but it can mean that it reflects the conscious efforts of a nation to build a self-image in the process of confrontation with other cultures and other nations. National identity is shaped historically around collective experiences. It reflects some unconsciously experienced historical past but needs anyway to be formulated in an articulate form to be accepted by the members. I would like to define it as a set of consciously chosen self-images of a nation. Conceived national identity is national consciousness. National intellectuals are responsible for formulating the national identity in a clear shape.

¹ Andrew Wilson, *Ukrainians. Unexpected Nation* (Yale University Press, 2000)

² Mark von Hagen, “Does Ukraine have a history?,” *Slavic Review* vol.54, no. 3 (Fall, 1995).

³ In fact, Mark von Hagen denied the existence of a Ukrainian history in the meaning of “a written record of... experienced past that commands some widespread acceptance and authority in the international scholarly and political communities.” Ibid. p. 658

⁴ Miroslav Hroch, “From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe,” *Becoming National: A Reader*, ed. by G. Eley and R.G. Suny (New York, Oxford, 1996), 60-66. Liah Greenfeld, *Nationalism. Five Roads to Modernity* (Harvard University Press, 1992) analyses characteristics in the process of nation-making and making of national identity in Western Europe, Russia and USA, with strong tints of Anglo-American-centrism.

⁵ I do not wholly agree with some aspects of the destructionist view which treats nation as product of artificial invention. It does not correspond to the historical process of rise and development of many “historical nations”, including East Asian societies. This question should be dealt with more intellectual thoroughness, erudition and political sensitivity.

Some already long-established nations are now and then confronted with acute questions of national identity. For example, for a country which adopts new culture from abroad voluntarily or by force, the issue arises in the wake of collision between an older, traditional national culture and a new, modern foreign culture. In societies under threat of foreign forces it is an object of more fervent concern and interest. But for nations which strives or just acquired independence national identity poses a no less urgent question.

For Russians the question of modern national identity arose in the wake of cultural confrontation with Western Europe in the 18th and 19th century. The Slavophile controversy was nothing but a controversy over the Russian national identity. The question of the Russian national identity always took the shape of question of “East or West.”⁶ Here the West means Western Europe, the Western Christian Church— whether Catholic or Protestant. Meanwhile, for Russian intellectuals before Eurasianism the East meant the Eastern Christian Church. Only the Eurasianists included elements of non-Christian cultures of Asia as a substantial part of the Russian national identity and the Russian national culture.⁷ But even when they expanded the horizon of Russian cultural boundary, the structure of discourse did not basically differ from the former narratives. It was also based on the dichotomy: “East or West”, “Russia or West.”⁸

For the Ukrainians, on the contrary, the question of national identity did not arise from the confrontation of the Ukrainian people with Western Europe. The controversy on the Ukrainian national identity did not take the shape of dichotomy: “Ukraine or Western Europe.” Ukrainians had to find their own national identity among nations surrounding or ruling over them. The main confrontation was between Poland and Ukraine on one hand, and between Russia and Ukraine, on the other hand. After the division of Poland it gradually took rather the shape of dichotomy: “Ukraine or Russia.” The Ukrainian national intelligentsia delved into the distinctive Ukrainian national characteristic different from the Russian one and tried to formulate the Ukrainian national identity in this context.

In such efforts the intellectuals around the secret society Cyril and Methodius Brotherhood (Кирило—Мефодіївське Товариство; Кирилло-Мефодиевское Общество), which existed from

⁶ See Nicolas Berdyaev, *The Russian Idea*, tr. by R. M. French (Boston, 1947), pp. 34-71.

⁷ *Евразийство. Опыт систематического изложения, Пути Евразии* (Москва, 1992), 364, 377-379.

⁸ С. М. Половкин, “Евразийство и русская эмиграция”, Приложение к Н. С. Трувецкой, *История • культура • язык* (Москва, 1995), pp. 740-741; И. А. Исаев, “Утописты или провидцы?” *ibid.* p. 17; Л. Люкс, “Евразийство,” *Вопросы философии*, 1993. no. 6, pp. 105-110.

the end of 1845 till March 1847, occupies a special position.⁹ They were young talented Ukrainian scholars, poets, writers, teachers, students, jurists, who wanted to enlighten the Ukrainian people for the fight against the national and social oppression, against the tsarist regime and serfdom during the reign of the Russian emperor Nicolai 1. The Tsarist government oppressed them for such activities. This incident meant the start sign of the modern Ukrainian national movement and the harsh reaction it received from the existing system. It is the reason why, though an obscure substance for their contemporaries, the Brotherhood could get such a meaningful position in the intellectual history of Ukraine, especially that of modern political thought and national movement. This organization is now an inseparable constituent in the symbol-making of the Ukrainian national history.¹⁰ Especially the severe ordeals which Taras Shevchenko, the national bard of Ukraine, experienced in relation with this society, gives a mythical aura to this organization.¹¹

In this paper I will not try to examine the activities of the members of the Brotherhood or the persons closely related with it in a chronological order, but some aspects of their thought in relation to the Ukrainian national identity. I will focus on five points of their discourses: 1) The name of the country 2) The separate existence of the Ukrainian nation 3) The meaning of Pan-Slavism to Ukraine 4) The significance of the West for Ukraine 5) The meaning of the Cossacks for the Ukrainian identity.

There have been controversies concerning the Brotherhood membership of the poet Shevchenko and the prolific writer and historian Panteleimon Kulish. A few experts are inclined to conclude that both of them did not belong to the organization.¹² I will examine their thought

⁹ One cannot complain on the lack of interest in the activities and writings of the Brotherhood. In the following notes 10, 11, 12, I gave some information on the most important literature in Ukrainian, Russian and other languages.

¹⁰ George Luckyj, *Young Ukraine: The Brotherhood of Saints Cyril and Methodius, 1845-1847* (University of Ottawa Press, 1991), p. 2; Володимир Міяковський, "Сторіччя Кирилло-методіївського братства 1846-1847," in his book *Unpublished and forgotten Writings* (New York, 1984), p. 83.

¹¹ Some Marxist historians in the Soviet period did not want to see the national character of the Cyril and Methodius Brotherhood and they only emphasized the socio- critical character of its discourses and activities. Cf. П. А. Зайончковський, *Кирилло-Методієвське Общество* (1846-1847) (Издательство Московского Университета, 1959), pp.29-30. For example Gurevich stated in his book *Moloda Ukraina* that the Cyril and Methodius Brotherhood had a social reorganization program written in the spirit of Socialist-Utopianism. He further called the members of the Brotherhood the first Ukrainian Narodniki. З. Гуревич, *Молода Україна. До восьмидесятих роковин Кирило-Методіївського Братства* (Державне Видавництво України, 1928), p. 42.

¹² The secret police of the Tsarist Regime, The Third Section, which interrogated the intellectuals of the Brotherhood concluded that though Shevchenko might not be a member he should be regarded as one of the most important criminals. The officials of the political police were skeptical about the membership of Kulish, too, whereas they did not have any doubt about the fact that Kostomarov, Hulak and Bilozersky were members who gave an oath for the entry of the Brotherhood. See "Відношення О. Ф. Орлова до Д. Г. Бібікова про надіслання М. І. Костомарову в м. Саратов рукопису «Русская История»", *Кирило — Методіївське Товариство, том I*, (Київ, 1990), p. 332; "Припис О. Ф. Орлова начальникові 2-го Округу корпусу жандармів С. В. Перфильєву встановити нагляд за П. О. Кулішем після

nonetheless, because not the formal membership but the factual affinity in thought and mental/emotional orientation is more relevant and meaningful in this case.¹³ Nikolai Kostomarov, one of the most productive historians of the Russian Empire in the nineteenth century, was the chief ideologue of the Brotherhood, and his ideas deserve deliberation. But thoughts of other Brotherhood members, for example of Nikolai Hulak, who was also a writer and the chief organizer of the group, will be also discussed in due places.

1) The name of the country

Historically the name “Ukraina” was not an uncontested winner as the designation of the land where the people of Ukraine now reside. Various names such as Rus’, Malaia Rus’, Malorossiiia (Malaia Rossiia) or even Rossiia were used till the nineteenth century. “Ukraina” first appeared in 1187 in “Kievan Chronicle”¹⁴ in the form of “Oukraina” and has been used since then, but the territory this name designated was not the same as modern Ukraine. For some Ukrainian patriots “Rus’ ” was conceived as the proper name for Ukraine as the legitimate heir of the Kievan State. Intellectuals who accepted the rule of Russia or all-Russian identity preferred the name Malaia Rossiia or Malorossiiia.¹⁵ The title for one of the most famous and influential writings by an

прибуття його до Тули”, *Кирило—Методіївське Товариство, том 2* (Київ, 1990), pp. 100-101. Scholars don’t say in unison in the question of Shevchenko’s and Kulish’s membership of the Brotherhood. Some authors, like Luciani and Vozniak, left the question of Shevchenko’s formal membership undecided. Others, like Slabchenko, deny his membership. Zaionchkovskii accepts Shevchenko’s membership on “conditional” terms. Semevskii, Bahalii and Mijakovs’kyj however count Shevchenko and Kulish among the members of Brotherhood in broad sense. Д. І. Багалій, *Т. Г. Шевченко і Кирило-Методіївці* (Державне Видавництво України, 1925) p. 3; George Luciani, *Le livre de la genèse du peuple ukrainien* (Paris, 1956), pp. 31-32; Михайло Возняк, *Кирило-Методіївське Братство* (Львів, 1921), p. 3; Володимир Міяковський, “Сторіччя Кирило-методіївського братства 1846-1847”, in his book *Unpublished and forgotten Writings* (New York, 1984), p. 83; В. И. Семевский, *Кирило-Методієвское Общество 1846-47г.г.* (Изд. Журнала Голос Минувшаго), pp. 12-14, 18; П. А. Зайончковский, *Кирило-Методієвское Общество (1846 -1847)* (Издательство Московского Университета, 1959), p. 30, 76.

¹³ In a historical outline, Polonska-Vasylenko, one of the most well known experts on Ukrainian history of our time, does not discuss the question of Shevchenko’s Brotherhood membership. She only mentions that he was the moral authority for this organization. Natalija Polonska -Vasylenko, *Geschichte der Ukraine* (München, 1988), p. 610.

¹⁴ The Kievan Chronicle constitutes one of the Three parts of the Hypatian Chronicle (Ipat’evskaia Letopis’)

¹⁵ The author of the Kievan *Synopsis* was the leading person in this trend. He approved the political guardianship of the Russian tsar over Ukrainians though he had no intention to concede in the question of the religious independence of the Ukrainian Orthodox Church. Although the authorship of this book is generally attributed to Innokenti Hiesel (Giesel), an ethnic German high prelate who became the abbot of the Cave Monastery of Kiev, historians admit that the identity of the author is not clarified yet. Hans Rothe, “Einleitung” to *Synopsis, Kiev 1681* (Böhlau Verlag Köln Wien, 1983), pp. 42-44; John Bassarab, *Pereiaslav 1654: A Historiographical Study* (The University of Alberta, Edmonton, 1982), p. 61.

Краткое описание Малороссии, a book published for the first time in 1777, gives another example of acceptance of the all-Russian identity by a Ukrainian author.

Ukrainophile¹⁶ intellectual in the first half of the 19th century was *Istoriia Rusov ili Maloi Rossii*. So, at least in this book “Rus’ ” and “Malaia Rossiia” were synonyms. The anonymous author who is believed to have been undoubtedly a Ukrainian autonomist avoided, however, the name “Ukraina” consciously. According to his conception, this name was contaminated because of its use by the Polish rulers.¹⁷ In his case the contrast between the all-Russian, all-Orthodox identity on one hand and the Catholic-Polish elements on the other seems to have been more important than a sharp division between Russia and Ukraine. Another Ukrainian intellectual, Mykola (Nikolai) Markevich also chose the name “Malorossii” for his home country. His work *Istoriia Malorossii* had in many parts similar content with *Istoriia Rusov*. Like the author of *Istoriia Rusov* Markevich also accepted the all-Russian identity, though he was a fervent Ukrainian patriot and advocated cultural autonomy of Ukraine.¹⁸

In the first half of the nineteenth century the word “Ukraina” was used when an author wanted to emphasize the existence of Ukraine as a distinctive national entity vis-à-vis Russia. Decembrists who planned the transformation of Russia into a democratic state sometimes used this name, but in most cases the name Ukraine designated only the Left (Eastern) Bank of Dnieper.¹⁹ The Decembrist poet Kondratii Ryleev, who embraced the Ukrainophile and pro-Cossack tendencies, preferred the name “Ukraina” to other candidates. In his poem *Voinarovskii* he depicted the dramatic story of confrontation between the Ukrainian Cossack hetman Ivan Mazeppa and his nephew Voinarovskii on one hand and the Russian tsar Peter the Great on the other. In this work he constantly uses the name “Ukraina.”²⁰ But in the poem *Nalivaiko* where the poet depicts the fight of the Ukrainian Cossack leader Nalivaiko Severyn against Polish rulers, the name for the hetman’s

¹⁶ According to the author(s) of the “Introduction” of *Towards an Intellectual History of Ukraine: An Anthology of Ukrainian Thought From 1710 to 1995*, ed. by Ralph Lindheim and George S. N. Luckyj (University of Toronto Press, 1996), Ukrainophilism (украино-фильство) is a term coined by Russians and accepted by some Ukrainians in the nineteenth century to designate the desire to cling to the Ukrainian language, customs, and culture. Ibid., p. 20.

¹⁷ See *История Русов или Малой России* (Москва, 1846), pp. III-IV.

¹⁸ After having read Ryleev’s “Voinarovskii” and “Nalivaiko,” Markevich sent to the poet a letter in which he said: “How can I read ‘Voinarovskii’ and ‘Nalivaiko’ without emotion? Accept my gratitude and that of all my compatriots.... You have raised up a whole people.... ‘Nalivaiko’ a Confession’ is engraved upon our hearts.” Patrick O’meara, *K. F. Ryleev. A Political Biography of the Decembrist Poet* (Princeton University Press, 1984), p. 194.

¹⁹ In his draft for Russian constitution Pestel bound together four East-Bank Okrugas – Poltava, Kursk, Khar’kov, Ekaterinoslav – into “Ukrainian oblast” with Khar’kov as the capital city. Nikita Murav’ev who was more federalist oriented than Pestel wanted to reconstruct Russia into a union of states and conceived in his first draft of Russian constitution to divide Malorossii into two states: ‘Ukraina state’ with Khar’kov as the capital city and ‘Bug state’ with Kiev as the capital city. Семевский, Кирилло-Мефодиеское Общество 1846-47 гг. p. 32. So Ukraina meant for them only the eastern half of Malorossii. Later in Murav’ev’s second draft of constitution the whole Malorossii was to constitute the ‘Ukraina state’. Such usage of the name ‘Ukraina’ was however rather exceptional.

²⁰ In “Voinarovskii” we can read such phrases as “son of Ukraine”, “misery of the people of Ukraine.” К. Ф. Рылеев, *Избранное* (ОГИЗ Гослитиздат Москва 1946), pp. 94, 100.

motherland is “Ukraina” or “Malorossiiia” and the people is called “Russkii narod”²¹ as well as “Ukraintsy.”²²

Intellectuals of the Brotherhood were also more inclined to the name “Ukraina.” In their private correspondence they also used the official name “Malorossiiia,”²³ but such cases were not dominant. During 1840s they apparently preferred the name Ukraina for their literary or political writings. The title of a long poem Kulish wrote in his early days is simply “Ukraina.”²⁴ He apparently was proud of this name. Shevchenko never used the words “Ukrainets” or “Ukraintsy” for the people of his motherland. In his poems, however, he always called his country “Ukraina (and also “Vkraina,” when in poems phonetically necessary)”. At least in his poems written in the 1840’s he never used the word Malorossiiia or Malaia Rossiia. Other intellectuals around this organization, Bilozersky, Hulak, Andruszky seem to have used in their writings or conversations the word “Ukraina” consciously. In a verse devoted to Shevchenko, Vladimir Aleksandrov, who was not related to the Brotherhood also named his country “Ukraina”²⁵ This land is described as unbearably suffering. The author no doubt wanted to be concordant with Shevchenko’s terminology.

In this regard, Kostomarov shows interesting changes. Born as a son between a Russian landlord and a Ukrainian serf woman and raised in a Russian-speaking district Ostrogozhsky in Khar’kov Guverniiia (now in Voronezh), Kostomarov was oscillating regarding to his national identity in his youth. During the student period he became much interested in Ukrainian history and folklore, but was never sure in his early twenties whether he was a Ukrainian or a Russian. In his first magisterial dissertation presented 1841 to the University of Khar’kov, he only rarely used the word “Ukraina” and “Ukraintsy”. This writing deals under the title *The Cause and Character of Church Union in the Western Russia* the long history of relations between Ukraine, Poland and Russia in religious terms. The author intermittently used the names “Iugo-zapadnaia Rossiia” (South-Western Russia), “Iuznaia Rossiia” (Southern Russia), “Rus’,” or even simply “Rossiia” for Ukraine.

²¹ This should mean the people of Rus’, not of Russia. Рылеев, *Избранное*, p. 114.

²² Ibid., p.115. In those days the use of the word “Ukraintsy,” let alone by a Russian poet, was an exceptional case.

²³ See Kulish’s letter to Kostomarov, 11. September 1846. “Till these days the number of such people is few in Malorossiiia.” “1846 р. вересня 11.- Лист П. О. Куліша з Петербурга до М. І. Костомарова про викладання студентам історії українського народу,” *Кирило—Методіївське Товариство, том 1*, p. 265; Markovich’s letter to Hulak, 15. February, 1846, “Herodotus knew the Greek language better than Kostomarov knew Little Russian language (iazuk malorossiiskii).” “1846р. лютого 15. - Лист О. В. Марковича М. І. Гулака з висловленням його щирої любові до батьківщини та з повідомленням про етнографічні пошуки” Ibid. p.103.

²⁴ This poem begins with the opening word “To compatriots.” Куліш, “Україна,” *Кирило—Методіївське Товариство, том 2*, p. 531.

²⁵ “.../That your eyes don’t see/ how things are in Ukraine.” Владимир Александров, “До Шевченка”, *Кирило—Методіївське Товариство, том 1*, p. 291.

The most often used designations were “Malorossiiia” and “Malaia Rossiia.” Even when he used the names “Ukraina” and “Ukraintsy,” it did not have a special political meaning in comparison with other names.²⁶ The name “Zapadnaia Rossiia” (Western Russia) was used for the territory which includes Lithuania, Ukraine and Belarus. Russia was called either “Severnaia Rossiia” (Northern Russia), “Velikaia Rossiia” (Great Russia) or “Moskoviia” (Muscovy). Russians were sometimes called “Moskvitiane” or somewhat pejoratively “Moskali.”²⁷ Though he never approved in this dissertation the annexation of Malorossiiia to Muscovy and rather estimated the Pereiaslav treaty as something contrary to the will of the Ukrainian people,²⁸ Kostomarov was nevertheless inclined to the interpretation that Rus’ was originally a united entity. According to him the “Iuznaia (Malaia) Rossiia” and “Severnaia (Velikaia) Rossiia” were divided after the invasion of the Mongolian army.²⁹

Only after he was fully politicized in the direction of Ukrainophilism, Kostomarov gave the name “Ukraina” for his mother’s land. Once the conversion was done, he decidedly preferred in his writings “Ukraina” for “Malaia Rossiia.” It was certainly the case for the period of the Brotherhood, too.

In contrast, when they were interrogated by the Third Section in St. Petersburg, most intellectuals of the Brotherhood used in the face of the Tsarist officials the word “Malaia Rossiia” or “Malorossiiia” for Ukraine. The Tsarist officials or the interrogated members of the Brotherhood used the name “Ukraina” too, but it was in really rare cases.³⁰ Shevchenko also used the words “Malorossiiia” and “Iuzhnaia Rossiia” during the interrogation.³¹ It was a sign of humiliation, an indication of submission to the situation.

It is clear that the young Ukrainian intellectuals smelled in the name “Malorossiiia” the power of Russian empire whereas the name “Ukraina” breathed for them of freer wind. “Ukraina” was the object of tender love, caressing and consolation. The youngest member of the Brotherhood, Andruzskii was fond of writing and left manuscripts of various forms, both in prose and verse. In his articles and projects of future constitution, he called Ukraine either “Rus’ ” or “Malorossiiia”,³² but

²⁶ Н. Костомаров, “О причинах и характере унии в западной России”, *Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова* (Державне Видавництво України, 1928). For Ukraine see *ibid.*, 27 (Kostomarov called sloboda “Vkraina.”). For Ukraintsy see *ibid.*, p.29.

²⁷ *Ibid.*, p.35, 36

²⁸ *Ibid.*, pp. 33-35.

²⁹ *Ibid.*, p.3.

³⁰ For example Kostomarov mentioned during the interrogation that the members of the brotherhood were full of ardent wishes to strive for “Ukrainian history.” “Відповіді М. І. Костомарова на питання під час допиту в III відділенні”, *Кирило—Мефодіївське Товариство, том 1*, p. 282.

³¹ “Протокол допиту Т. Г. Шевченка у III відділенні”, *Кирило—Мефодіївське Товариство, том 2*, pp. 324-328.

³² *Ibid.*, pp.416, 428-429.

the poetic name of his country was always “Ukraina(Vkraina)”. In his verses he even coined names of endearment for his motherland, like “Vkrainonka” or “Vkrainiata.”³³ “Ukraina” meant an autonomous land with its own history and culture, now oppressed and suffering but waiting resurrection. It was a poetical idealized entity, whereas “Malaia Rossiia” meant that this land is a part of Russian Empire. It was only a prosaic, administrative designation.

2) The separate existence of Ukrainian people as nation

(1) The national entity: The Decembrist Organization ‘Society of United Slavs (Общество Соединенных Славян)’ expressed their political credo in their *Catechism of United Slavs*. This writing was conceived in the spirit of liberal Pan-Slavism and included the appeal for brotherhood and equality of Slavic people. According to Gorbachevskii, an active member of the society, his comrades had the purpose to build a democratic federation of all Slavic nations. Its leader Borisov named eight lineages of Slavic people, which were recognized as the fully qualified members of the Society. Ukrainians were not included among the independent constituents of the so conceived future federation.³⁴ For the members of Society of United Slavs Ukrainians were not historical nation.

The intellectuals of the Brotherhood thought differently. “Once we have ruled ourselves” — this is a line from “The Night of Taras,”³⁵ one of Shevchenko’s early poems. It epitomizes the understanding of the Brotherhood intellectuals in regard to the separate existence of Ukrainians as a nation. The *Book of Genesis of Ukrainian People* (also called: *God’s Law*), which contains the political tenets of the Brotherhood, enumerates seven nations that would build together the future Slav confederation. And the Ukrainian people are considered as an independent constituent nation thereof.³⁶ Already in 1843 Kostomarov declared that “the nationality of Little Russia is separate (особенная), distinguished from the Great Russian nationality”-

The collective name for the people of Ukraine which was used most often by the intellectuals of the Brotherhood before their arrest was “Ukraintsy.” As previously mentioned Shevchenko did not

³³ Ibid., pp. 430-432, 436.

³⁴ See Семевский, Кирилло-Мефодиеское Общество 1846-47г. г., р. 8.; Luciani, *La Société des Slaves Unis (1823-1825)*, pp.65-66.

³⁵ Т. Шевченко, “Тарасова ніч(друга редакція)”, *Повне зібрання творів у дванадцяти томах. том I* (Київ, 1989), р. 22.

³⁶ The seven nations mentioned are: the Russians, the Ukrainians, the Poles, the Czechs, the Slovenes, the Serbs and the Bulgarians. “Закон божий(Книги буття українського народу)”, *Кирило—Мефодіївське Товариство, том I*, р. 169.

call his compatriots “Ukraintsy” in his poems though he used the name of the country “Ukraine” in every possible opportunity. But Kostomarov used this term in several writings including *Appeal to Brother Ukrainians*.³⁷ “No other Slavic tribe is so much obligated to strive for independence and inspire the remaining brethren as we-Ukrainians (My-Ukraintsy)” – such was the declaration of Bilozersky in his explanation of the statute of the Brotherhood.³⁸ Kulish said of “Ukrainsky narod.” He was very proud of this name.³⁹

For young Kulish it was beyond question that separate Ukrainian nation exists. In his long poem *Ukraine*, written in 1843, the twenty-four year old author surveys the history of Ukraine from the ancient time.⁴⁰ After he mentioned in the introductory part the heathen period and the Kievan state period, he directly went to the Mongol invasion and the Lithuanian period. He further traced the deeds of the Cossacks and their famous leaders. All this constitutes the history of Ukraine. And every possible nation or state which had relations with Ukraine is mentioned. So Poles, Lithuanians, Tatars, Turks, Moldavia, Bessaravia are named. But there is not even a single word about the northern branch of Riurikovich dynasty, the division of Rus’ into Northern and Southern Rus’ or the establishment of the Muscovite state. Even in the part dealing with Bohdan Khmelnytskii, who in the era of the tsar Aleksei Mikhailovich opened the door for the Russian rule over Ukraine by the Treaty of Pereiaslav, there is no trace of the Muscovite power. The name Mazeppa is mentioned, but Russian Empire Peter I is not mentioned. Thus in this poem Russia simply does not exist in the horizon of Ukrainian history, or at least any relation with Ukraine was denied to Russia. The absence of Russia is so conspicuous that one cannot doubt that it displays a conscious choice. This fact only means that Kulish wanted to acknowledge Ukraine as a historical entity absolutely independent from Russia.

Young Kostomarov did not totally ignore the existence of Russians in the early history of Ukraine as Kulish did. In the above mentioned magisterial dissertation, he also surveyed the history of Ukraine in terms of relations with Poland and Lithuanians. In this writing he presented the early Rus’ as originally united entity (єдинство) which only in 12th century was divided between Northern and Southern Rus’. Southern Rus’ namely Ukraine thereafter went however a different way from Northern Russia, so its population became a separate people. According to him, Ukrainian people also wanted independence and the Revolution of 1648 was the expression of this ardent wish for

³⁷ “Братья Украинцы!” *ibid.* p. 170.

³⁸ “Пояснення В. М. “Білозерського до статуту Кирило—Мефодіївське Товариства”, *ibid.* p. 394.

³⁹ Куліш, “Книга о ділах народу українського і славного Війська козацького За-порозького”, *Кирило — Мефодіївське Товариство, том 2*, p. 66-80.

⁴⁰ Куліш, “Україна”, 531-569, *ibid.* pp. 531-569.

independence. The Treaty of Pereiaslav was concluded as result of turbulent political situation. Thanks to it the two Russian nations became reunited, but it was not concordant with the real wish of the Ukrainian people. Kostomarov clearly indicated that the Ukrainian people wanted independence from Poland but did not want to be united with Muscovites. Ukrainians accepted the unification with the Russians only because of their wish to defend their Orthodox faith.⁴¹ It was possible that such an interpretation of the history of Russian-Ukrainian relations by a young magisterial candidate offended officials of the ministry of education of Russian Empire and led them to prohibit the dissertation and let all the copies burnt.⁴² The very question of national identity was directly dealt. These writings were written before the organization of the Brotherhood. But such attitude of these young intellectuals lasted further, until the debacle of the Brotherhood.

(2) The language: In the question of the separate existence of the Ukrainian nation, the language problem takes a special position. Not only by Russians but also by most Ukrainians of educated stratum, Ukrainian was considered a dialect, a corrupt and uncivilized variant of Russian. It was at most a rural homespun language of the peasant class. All intellectuals of the Brotherhood were fluent and well-read in the official language of Russian Empire. Nonetheless, they did not choose Russian but Ukrainian as their main instrument when their subject was Ukraine and Ukrainians or when they wanted to deliver certain messages to Ukrainians.

Shevchenko is a phenomenal person in the history of the modern Ukrainian nationalism in the sense that he presented an appropriate example for the Herderian theory of nationalism which sees language as the bearer of the soul of a nation. He learnt Russian in school and thereafter worked as servant for a Russian-speaking master. He began to write verses in Ukrainian language only after having reached adulthood. But thereafter he wrote almost all his important works in Ukrainian and through these works he approached the Ukrainian people as national prophet. Things he wrote in Russian were never so successful in content as well as in effect evoking emotion of readers.⁴³ When the Tsarist officials at the Third Section asked him, why his verses was so popular among the Little Russians, he answered that they liked them only because they were written in Little Russian language.⁴⁴

⁴¹ Н. Костомаров, “О причинах и характере унии в западной России”, pp. 33-35.

⁴² In his autobiography, however, Kostomarov does not mention this factor as the reason of the incineration of his magisterial dissertation. *Автобиография Н. И. Костомарова*, под редакцией В Котельникова (Москва 1922), pp. 161-162.

⁴³ The novel *Artist* (Художник) is maybe the most well-known work written in Russian by Shevchenko.

⁴⁴ “Протокол допиту Т. Г. Шевченка у III відділенні”, p. 325.

Kulish also wrote his early works mainly in Ukrainian. While Shevchenko was spontaneous and led by afflatus in his writing, Kulish was more conscious in his efforts to develop Ukrainian as a modern high language. Before he became one of the founders of grammatical basis of the modern Ukrainian language and translator of Bible into Ukrainian, he wrote all his early works, including the novel *Chorna Rada* (The Black Council) and the poem “Ukraina,” in Ukrainian language.⁴⁵

Kostomarov was raised in a Russian-speaking milieu and he was not at home with Ukrainian till he was 21 or 22 years old. His becoming Ukrainophile is closely related with his discover of the beauty of the Ukrainian language. His university mentor in Khar’kov, Izmail Sreznevsky, wrote poems in archaic style on the life and customs of Ukrainian people including the stories of the Ukrainian Cossacks and published them as if they were newly found works of traditional folklore. Though they were written in Russian and later proven to be inventions of Sreznevsky himself, they influenced Kostomarov much in his way to search into the the strength of the popular culture and the language of the people. Once discovered, the beauty of the Ukrainian language attached strongly to his consciousness. He tried everything to improve his ability of writing in and speaking this language.⁴⁶ He also wrote literary works in prose and verses in Ukrainian language.

(3) The territory: In regard to the territory, intellectuals of the Brotherhood acknowledged not only East Ukraine or the Left Bank but also West Ukraine or the Right Bank as the realm of the Ukrainians. *Appeal to Brother Ukrainians* mentioned “both Banks of Ukraine.”⁴⁷ Maybe they wanted with such remark a fast integration of the people of both sides. At that time some people thought that West-Bank Ukraine belongs to Poland. Pro-Polish historian Ilko (Éllie) Borshchak maintained that Tsar Aleksandr I was one of them and he was ready to integrate this area (Volyn, Podil and the Province of Kiev) to the Polish Kingdom⁴⁸ Polish patriots were also inclined to see this area as theirs.⁴⁹ But intellectuals of the Brotherhood made no difference between people of the West Bank and of the East Bank.

3. Pan-Slavism and Ukrainian nation:

⁴⁵ For *Chorna Rada* however Kulish made a Russian version parallel to the original Ukrainian version, too.

⁴⁶ *Автобиография Н. И. Костомарова*, pp. 149-151.

⁴⁷ “Братья Украинцы!” p.170.

⁴⁸ Élie Borschak, *La Légende Historique de L’Ukraine: Istorija Rusov* (Paris, 1949), p.19.

⁴⁹ Ivan L. Ludnytsky, “Polish-Ukrainian Relations: The Burden of History” in *Poland and Ukraine Past and Present* ed. by Peter J. Potichnyj (Edmonton: Toronto, 1980) pp.16-17.

All the intellectuals of the Brotherhood were Ukrainian patriots. But they were at the same time Pan-Slavists who advocated solidarity of all Slavic peoples. During the interrogation at the Third Section the Brotherhood was called either the Slavic society or the Ukraino-Slavic Society.⁵⁰ The first name was often used by members themselves, and the latter was bestowed by the officials of the tsarist government including the chief of the Third Section Count Orlov and his deputy Dubelt.⁵¹

Ironically enough, this name given by the tsarist officials transmits more or less faithfully the political idea of the Brotherhood. At the Third Section the intellectuals of the Brotherhood themselves acknowledged their two-sided love: love toward Ukraine and love toward all Slavs. But they wanted to present themselves primarily not as Ukrainian patriots but as Pan-Slavists.

Kostomarov told at the Third Section it was the interest in and concern for the Slavic cause that led his acquaintance with Hulak and Bilozersky. Hulak had active correspondence with the well-known Czech Pan-Slavist intellectual Vaclav Hanka and he himself wrote his voluminous article “Juridical Life of the Pommeranian Slavs” in Pan-Slavist spirit.⁵² Kostomarov wrote a Pan-Slavist poem in Ukrainian language. There he expressed respect and love for all Slavs.⁵³ Kulish was arrested on the way during his travel in the Slavic countries which was carried out for his study of Slavic literature. There is no doubt that the purpose of his travel was firmly tied with his aim to strengthen the cultural ties with other Slavic nations. At the time of Kulish’s departure from Kiev, the Slavophile writer M. Rihel’man (Nikolai A. Rigel’man) wrote a letter of recommendation for him to Vaclav Hanka in Prag.⁵⁴

Pan-Slavist elements in Shevchenko’s poetical works have been often mentioned by scholars. He dedicated his poem “The Heretic” to the Czech Pan-Slavist scholar Šafařík, and praised him in

⁵⁰“Відношення О. Ф. Орлова до С. С. Уварова про діяльність Кирило—Методіївського Товариства і вирок його членам”, *Кирило—Методіївське Товариство, том 1*, 74.

⁵¹ But the highest officials of the Third Section also designated the Brotherhood as Slavic Society of Sts. Cyril and Methodius. See for example the report of Count Orlov to Nikolai I on the Brotherhood: “Доповідь О. Ф. Орлова Миколі І про таємне Словянське Товариство СВ. Кирила і Методія, що існувало в м. Києві,” *ibid.* p. 33.

⁵² 1846 р. березня 8.- Лист М. І. Гулака до Вацлава Ганки з повідомленням про свою наукову роботу і проханням вказати додаткові джерела з історії права”, *ibid.* pp. 93-94; “Наукова праця М. І. Гулака «Юридичний побут поморських Слов’ян», вилучена при арешті 18 березня 1847 р.” *ibid.* pp. 107-129.

⁵³ “Вірш М. І. Костомарова «Діти Слави, діти Слави, час ваш наступає», вилучений під час обшуку 28 березня 1847р.” *ibid.* pp. 271-272.

⁵⁴ “1847 р. лютого 25.- Лист М. А. Рігельмана до В. В. Ганки з висловленням приязні й повідомленням про надіслання книжок та з проханням взяти участь у підготовці видання російсько-слов’янського журналу і прихильно прийняти П. О. Куліша”, *Кирило—Методіївське Товариство, том 2*, pp. 41-42.

sublime expression in the poem.⁵⁵

At that time there were at least two types of Pan-Slavism. The Russo-centric conservative Pan-Slavism was supported by Count Uvarov, the education minister of Tsar Nicholas I, and the historian Michael Pogodin, Count Uvarov's Protégé and close collaborator.⁵⁶ Its aim was to muster all Slavic people under the rule of the Russian tsar. The other type was liberal Pan-Slavism which was in accordance with the idea of Decembrists. In a short manuscript written between 1846-47 Kostomarov defined Pan-Slavism as follows: "It is an effort of the whole Slavic tribe to get out of the perpetual backwardness, an effort to enable every Slavic people its own due development with the help of other brother nations, to enable all of them to participate actively in the advancing sphere of mankind's culture together with brotherly family and to appear on judgment day with talent which has never been buried in the earth."⁵⁷

In regard to the relationship of all Slavic peoples, the common image shared by the intellectuals of the Brotherhood was that of 'family'. Shevchenko's famous phrase in his poem "Testimony" appeals for a big family of the Slavs.⁵⁸ In his explanation of the statute of the Brotherhood Bilozersky wrote of the "union of Slavic tribes into one family (соединение славянских племен в одну семью)."⁵⁹ Politically this family was conceived as a democratic federation, or better, a confederation of free and equal nations. Another image for the solidarity of the Slavs was that of the sea. Shevchenko's praise for Šafařík in his poem "The Heretic" shows one of the best examples: "May your fame endure, Šafařík/ Forever and ever,/ For into one sea you gathered/ All the Slavic rivers."⁶⁰ But the Slavic family or the ocean never meant a melting pot of cultures. In my opinion it implied on the contrary a flexible frame which would guarantee the development of culture and nationality of each constituent nation within the boundary of the confederation.

Kostomarov, who is believed to have been the first or main author of the *Book of the Genesis of the Ukrainian People*, also wanted an independent Ukraine within a Slavic Union. There is no evidence that Kostomarov seriously worried about the insufficient political power of the Ukrainian

⁵⁵ Шевченко, "Єретик", *Повне зібрання творів, том I*, pp. 199-200.

⁵⁶ Ulrich Picht, *M. P. Pogodin und die Slavische Frage: Ein Beitrag zur Geschichte des Panslavismus* (Ernst Klett Verlag, 1969), pp. 114-179, 217-223. The American scholar Fadner comments that the final result of Uvarov's activities in connection with Slavic scholars was a cultural pan-Russianism rather than Pan-Slavism. Frank Fadner, *Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karazin to Danilevskii 1800-1870* (Georgetown University Press, 1961), p. 51

⁵⁷ "Рукопис М. І. Костомарова про панславізм," *Кирило — Методіївське Товариство, том I*, p. 264.

⁵⁸ Шевченко, "Як умру, то поховайте", *Повне зібрання творів, том I*, p. 268.

⁵⁹ "Роз'яснення В. М. Білозерського до статуту Кирило-Методіївського Товариства", p. 103.

⁶⁰ Шевченко, "Єретик", p. 200.

people and he therefore wanted the existence of the Ukrainian nation within the frame of the Slavic Union. It may be plausible that the more important factor in the conception of a Slavic federation for Kostomarov was not the deliberation over the power constellation in terms of concrete Realpolitik but the principle of solidarity between all the Slavic people as brothers.

There arises, however, a more delicate question. Shevchenko as well as Kostomarov expressed antipathy against Poles in their writings when they dealt with the history of the Ukrainian-Polish relations. Is it possible for them to dream of a Slavic federation which supposes the political cohabitation of Ukrainians with Poles?

In fact Shevchenko sometimes seemed hostile toward Poles when he dealt with the historical confrontations between Poles and Ukrainians. Not a few lines in his “Haidamaky” or “The Night of Taras” sound really bellicose and give the impression that the poet harbored a deep grudge against the Polish gentry and Catholic priests. But it is only an aspect of poetical image-making for a strictly restricted sujet. He was sympathetic to the Poles as far as the contemporary political reality mattered. While staying in Warsaw in his teens as a serf boy, Shevchenko witnessed the Warsaw Uprising of 1830. It marked the occasion of his political awakening, and he began to ask the righteousness of the existing social and political system since this breakthrough.⁶¹ He became interested in Polish literature, especially in Mickiewicz and he learnt Polish. Shevchenko’s awareness that Russian is not the one and only Slavic language led to his interest in the people’s language of his own motherland, Ukraine. He showed solidarity to the Poles and expressed his blessings for the Poles. He had very good relations with Polish political exiles during his stay in Orenburg also as an exile punished for his connections with the Brotherhood⁶²

In this regard the memoir of Yulian Belian-Kendzhits’kii, a Polish intellectual who lived in Kiev in 1840s, gives an interesting insight.⁶³ In 1846 he was acquainted with Shevchenko and the two came to like each other on the spot. Shevchenko must have felt in Kendzhits’kii not only personal attractions but he embraced favor toward a potential political comrade for the cause of the Slavic federation. The poet, who already knew, albeit vaguely, of Kostomarov’s plan to build an organization for the Slavic people, wanted to introduce his new Polish friend to the young history professor and hear together with Kendzhitskii more concrete details about the plan of the political association. Shevchenko initiated the conversation open-heartedly without any vigilance. He deplored the miserable situation of the Slavs in comparison with Germans or Latin peoples, who had

⁶¹ Pavlo Zaitsev, *Taras Shevchenko: A Life*. tr. and ed. by G. S. N. Luckyj (University of Toronto Press, 1988), p.25.

⁶² Ibid., p. 195, 200-201.

⁶³ *Спогади про Тараса Шевченка* (Київ, 1982), pp. 153-159.

established already strong state systems, and emphasizing the necessity for the Slavic people to be united in solidarity, urged Kostomarov to tell them of the Slavic brotherhood. The historian explained that the brotherhood wanted to consolidate harmony among Slavs, to understand the power of unity or to civilize people with science in order to build one great political body. Interestingly enough, he stated that this new political body should be placed under “one orthodox tsar and one Orthodox faith.” Shevchenko was not enthusiastic about this statement, but Kostomarov did not want to expatiate on this question further. The history professor of the Kiev University must have felt unwilling to say such an important but secret political matter in the presence of a Pole. The sincerity of the statement about “one orthodox tsar and one Orthodox faith” is therefore dubious. Did Kostomarov mean really to build a Slavic federation under the tsar and to unite all the Slavic people religiously also under the Orthodoxy? Or was it only a camouflage made intentionally in order to avoid a complicated involvement with Polish anti-tsarist intellectuals in the matter of Pan-Slavism? This conversation itself gives no answer. It only shows that Shevchenko was, in contrast to his vehement attacks against the Poles in his poems, in reality very open-minded and unprejudiced to this Catholic neighbor people, when the future mutual solidarity mattered, whereas Kostomarov was more hesitant to the collaboration with them. Kostomarov’s attitude to the Poles did not change in principle in much later period, in spite of the fact that the woman of his life, Alena Krahelska, was of Polish origin.

But different from such private conversations, the *Book of the Genesis of the Ukrainian People* doesn’t express any distrust, as far as the future is concerned, toward any Slavic people, whether they are Poles or Russians. In the above-mentioned poem on Pan-Slavist theme Kostomarov’s special respect was directed toward Czechs but he also expressed love to Serbs as well as to Poles.⁶⁴ There is no doubt that the Brotherhood intellectuals were politically influenced by Polish democrats and the Young Poland movement. During the 1840’s young Polish intellectuals of democratic tendency in Kiev were especially active in their political discussions and activities and this could not but have influence on the Ukrainian intellectuals. Regardless of Kostomarov’s personal feeling to the Poles, the model of *The Book of the Genesis of the Ukrainian People* was no other than *The Book of the Polish People and Pilgrimage of the Poles* by Adam Mickiewicz. Kostomarov even insisted at the time of his arrest to the Kievan authorities that *The Book of the Genesis of*

⁶⁴ “Вірш М. І. Костомарова «Діти Слави, діти Слави, час ваш наступає», вилучений під час обшуку 28 березня 1847р,” pp. 271-272.

Ukrainian People was a translation of this national poet of Poland⁶⁵ It seems that in the relation with the Poles Kostomarov wanted fraternity in theory, even though he could not overcome his distrust of them in reality. The ambivalence lasted further.

The Cyril and Methodius Brotherhood presented a conception of non-official Pan-Slavism.⁶⁶ It was thought as the best way to preserve the national identity of Ukraine. Its task was two-sided. This version of Pan-Slavism assumed the mission to struggle as well for the solidarity of all Slavs as for the overcome of backwardness in the face of the Western civilization on one hand, and to fight against the encroachment of the all-embracing tsarist power of the Russian Empire and to develop the national culture and potential of each Slavic nation including Ukraine, on the other hand.

Kostomarov emphasized during the interrogation at the Third Section that he never denied the rule of Russian Empire. But it was clear that their Pan-Slavism was of a nonconformist variant. Bilozersky even mentioned the task to build the union of Slavs into a single state, but at the same time he called it the best way to defend independence and freedom of each Slavic people. Among all Slavic people the Ukrainians had the most urgent task to strive for independence and inspire other Slavic nations to it. Pan-Slavism was the best way to avoid the Russian hegemony for the Brotherhood. It was this refusal of Russian hegemony that infuriated the Tsarist government. Shevchenko's provocative poetries only exacerbated the wrath of Russian tsar.

4. West and Ukraine:

As already mentioned, the "East vs. West" or "Russia vs. Western Europe" dichotomy is the very basis of the controversy over Russian identity. But among Ukrainian national intellectuals a dichotomy of this type was not characteristic. First of all, the usage of the word "West" or "Western Europe" in general as a suspect-raising entity was, in contrast to the discourses of the Russian Slavophiles, nearly absent in the writings of the Brotherhood intellectuals.

It is true that there are some remarks that hint their critical attitude toward the West. Shevchenko sometimes severely reprimanded West Europeans, like the Roman Catholic high

⁶⁵ "Відношення І. І. Фундукля до О. Ф. Орлова про обшук, арешт та відправлення в III відділення М. І. Костомарова", *Кирило — Мефодіївське Товариство, том I*, p. 249. At the time of his arrest another work by Mickiewicz, *Forefathers (Dziady)* was found among Kostomarov's belongings. "Висновок III відділення у справі про діяльність М. І. Костомарова у *Кирило — Мефодіївському Товаристві*," *ibid.* 307.

⁶⁶ Intellectuals of the Brotherhood, especially Bilozerskii and Kostomarov (but not Hulak) in fact insisted during the interrogation that they had acted according to the spirit of the Pan-Slavism encouraged by the tsarist government. "Протокол допиту В. М. Білозерського в III відділенні", *ibid.* p. 401; "Висновок III відділення про В. М. Білозерського", *ibid.* p. 417.

prelates who sentenced death to Jan Hus, the ideal Slavic hero for Shevchenko in his poem *The Heretic*. Among Western people the most often criticized by Shevchenko were Germans. Some lines in *The Heretic* runs as follows :

'Twas thus the Germans to the torch / The Slavic mansion put, and rent/ The family of Slavs apart,/ And slyly planted in their hearts/ The savage serpent of dissent./.... The fire site and the orphans then/ the German neighbors stole./ And so the children of the Slavs/ Grew up in slavery./”⁶⁷

In his verse “Epistle” Shevchenko makes caricature of Ukrainians who are emulating the dazzling German idealistic philosophy, especially of Fichte. “There is no hell there is no heaven, Not even God, but only I and the Stocky German, clever-clever, And no one else beside...”⁶⁸ He reprimanded Ukrainians of the privileged class who was imitating and yearning Western culture while they forgot the misery of their fellow countrymen. Such attitude seemed to him even treacherous.

But such expressions are only criticism against concrete politics or persons in concrete circumstances: the religious politics of the Holy Roman Emperor against the Bohemians or the German colonists in Ukraine who came there according to the initiative of the Russian government under the Empress Catherine II. etc. Harsh statements concerning the ruling class of the West or West European colonists do not mean criticism against the Western culture in itself as principle of life or against the basis of the Western social and state structure.

Shevchenko was at the same time a true admirer of the West European enlightenment. He recommended his fellow countrymen to learn science and be enlightened. “Do not fool yourselves, my brothers,/ Study read and Learn/ Thoroughly the foreign things”.⁶⁹ Shevchenko only wanted to admonish his fellow- countrymen lest they should despise their own historical tradition and slavishly emulate foreign culture and style of life. Shevchenko was different not only from the Muscovite Slavophiles but also from Chaadaev. Because Shevchenko thought of the relations of Slavic culture and West European culture not in terms of an irreconcilable and confrontational dichotomy but of reciprocal complementation.

⁶⁷ Шевченко, “Єретик,” pp. 199-200. The cited English translation is of John Weir, from Taras Shevchenko, *Selected Works* (Progress Publishers, Moscow, 1979), pp. 143-144.

⁶⁸ Шевченко, “І мертвим і живим і ненарожденним землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнєє посланіє”, *Повне зібрання творів. том 1*, p. 252. The cited English translation is from *Song out of Darkness*, tr. by Vera Rich (London, 1961), 76.

⁶⁹ Шевченко, “І мертвим і живим і ненарожденним землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнєє посланіє”, p. 254. The cited English translation is from *Song out of Darkness*, p. 79.

Nikolai Ivanovich Hulak, the main organizer of the Brotherhood was a westernized, highly educated and literate person. He was born in a family which highly estimated the West European culture and education. He was a graduate of Dorpat University where German was everyday language in classroom, and he wrote his own thesis also in German. He was more at home in this West European language than in Russian or Ukrainian. His younger Brother Aleksandr, also a graduate of Dorpat University, wrote to him a letter in French.⁷⁰ Among Hulak's books he entrusted to Kostomarov before his arrest in March 1847 there were much more books of Western literature than publications in Slavic languages. The most favorite literary works which he wanted to carry with himself to the place of exile (Perm) were those of Homer, Shakespeare, and Macpherson's Ossianic poems which at that time were believed to be the original works of Ossian.⁷¹ Hulak was a Slav patriot, but his Slavism was never linked with aversion to West European culture or contrast of East with West. In the spectrum of political thought he was most akin to the type of a European revolutionary democrat among the Brotherhood intellectuals.

In principle Kostomarov was not hostile to Western Europe or West European culture, either. As a young student of the University of Khar'kov, he was enthusiastic, when the young new professor Lunin returned from Germany after a few years' learning there and transmitted to his students the achievements and viewpoints of the contemporary West European historical studies. Lunin was a professor of universal history and Kostomarov was especially interested in the history of the classical antiquity of Western civilization. He became interested in history only after having listened to Lunin's lecture, though he had previously attended lectures of Russian history given by another professor (Hulak-Artemovskii).⁷² It is true that thereafter he became more interested in the life and culture of Ukrainian people under strong influence of Izmail Sreznevsky,⁷³ but this intellectual pursuit did not exclude his interest in the European culture. In the above-mentioned definition of Pan-Slavism in the manuscript of 1846, he used the term "backwardness."⁷⁴ The division between the West and the Slavs was conceived at least in this writing not as an abyss between two types of qualitatively different civilizations, but rather as difference of grade or stage in development. Kostomarov admitted that the Slavs were in a backward stage, and did not want to

⁷⁰ "1847р. травня 19.-Лист О. І. Гулака до брата про арешт О. В. Марковича, О. О. Навроцького, М. І. Костомарова та ін." *Кирило—Мефодіївське Товариство, том I*, p. 143.

⁷¹ Список книг М. І. Гулака, які він хотів взяти на заслання в Перм, і тих, які хотів відправити батькам", *Кирило—Мефодіївське Товариство, том I*, p. 214. Besides, he read intensively Greek tragedies during confinement in the Petro-Pavlovsk fortress.

⁷² *Автобіографія Н. І. Костомарова*, pp. 141-142.

⁷³ *ibid.* pp. 149-150.

⁷⁴ "Рукопис М. І. Костомарова про панславізм," 264.

pretend that the Slavic culture was qualitatively superior. This consciousness of backwardness was also reflected in Shevchenko's attitude in his above-mentioned conversation with Kostomarov and Belian- Kendzhitskii when he compared the stage of state-building of the Slav people and the West European people.

Kostomarov was, however, more critical toward Western Europe in the *Book of Genesis of Ukrainian People*. In a classification reminding slightly of the Slavophile writings he contrasted Western Europe with the Slav society. He recalled the primary chronicle from the Kievan period and called the Slavic tribe the younger brother of the Japhet family (par.59). Western Europe, the elder brother was enlightened early but it forgot the God and came to worship other idols. Kostomarov defined the national characteristic of West European nations as follows: the French idolizes national honor, the English worships gold and Mammon. Other nations have also their own idols (par. 51).⁷⁵

In a rather exceptional paragraph of the same document Kostomarov even criticized the French Revolution harshly. "And the French slew their king and banished their master, and they themselves began to slaughter each other and they slaughtered until they fell into the worse bondage (par. 56)." Was Kostomarov a monarchist? I think he was only disinclined to a radical solution of political problems. He was considered especially moderate by his fellow members of the Brotherhood. He did not disapprove the whole principles of the French Revolution but only some bloody aspects of it. He was deeply religious. In his eyes the Western societies seemed too mundane, too rational and too materialistic. "...There is no freedom without the Christian faith (par. 57)." And since then the Roman and German tribes are in mutiny; they again placed kings and masters over themselves, yet they shout about freedom; and they have no freedom because there is no freedom without faith (Para. 58)."

In contrast to these too rational, allegedly too materialistic Western societies the Slavic tribe is more pious and more faithful to God. The Slavs, the younger brother, always worshipped God. There is even an element of Slavic Messianism in the *Books of the Genesis of the Ukrainian People*. In paragraph 60 the Slavic tribe is depicted as the younger brother who loves his own father better but receives a lesser share than the other brothers. According to this view, "afterward as the other brothers waste their property while the younger saves his, then the younger rescues the older. This role of salvation is referred to the Slavs thanks to their preserved faith."

Such comparison reminds inevitably the West–Russia dichotomy of the typical Muscovite Slavophiles of the 1840s, who were eager to set in contrast the rationalistic and materialistic Western culture to the pious and spiritual Russian culture. But Kostomarov did not develop this division

⁷⁵ "Закон божий(Книги буття українського народу),"Кирило —Мєфодіївське Товариство, том I, p. 255.

between the Slavic tribe and the other Christian World into a grandiose East-West dichotomy.

In his booklet *Two Russian Nationalities* written more than a decade later than the incident of the Brotherhood Kostomarov himself tried to explain the differences of Ukrainians and Russians in the attitude toward Western culture as result of different historical experiences. "All the foreigners who visited Muscovy in the fifteenth, sixteenth, and seventeenth centuries were unanimous in saying that the Muscovites looked down on other faiths and nationalities... The Great Russians regarded the Latins, Lutherans, Armenians, and members of all other faiths which differed from Orthodoxy as cursed... The Tatar Yoke unavoidably strengthened their views. Lengthy abasement under the rule of foreigners of different religion bred a haughtiness towards and consequently gave rise to the abasement of outsiders. There was nothing of this kind among the South Russian ethnic group. From time immemorial the South Russians had been accustomed to hearing foreign languages and to associating with people belonging to different groups and holding different beliefs.. After Southern Rus' had accepted its new faith from the Greeks, the South Russians did not adopt the hostility to the western church which had developed in Greece.... A Catholic did not have the profile of an enemy in the imagination of the South Russians."⁷⁶

Intellectuals of the Brotherhood never tried to make theological deliberations about the differences between the Eastern and the Western Christian Church as Russian Slavophiles did. Because the sufferings of Ukrainians were not caused by the cultural discrepancy between the East and the West but they were mainly the results of the political oppression within the Slavic world. Even though there was a slight tendency of a Ukrainian Messianism, this seed did not develop into a mature theory of chosen people. Their deliberation on the division between the Western Europe and the Slavic tribe led them rather to the idea of the democratic solidarity of all Slavs.

5) Cossacks and the Ukrainian national identity

What is then the essence of the Ukrainian identity? What makes the Ukrainians a separate nation? For the Brotherhood intellectuals of the 1840s it lied in the Ukrainian history, the political principle of Ukraine. For them the core and pillar of the Ukrainian history was the Cossacks. This was not an original view. Already the author of *Istoriia Rusov* identified the Ukrainian history with the history of Ukrainian Cossacks. He even called the leader of a Cossack band, Khristofor Kosinsky, the head of the people (глава народа).⁷⁷

⁷⁶ Костомаров, *Дві руські народности*, (Київ, 1861), pp. 71-74.

⁷⁷ *История Русов*, pp. 33, 35.

This type of identification built thereafter a long tradition. Nikolai Markevich was also of the same opinion. The intellectuals of the Brotherhood inherited the same view of history.

Shevchenko was the Cossack poet. In many poems he glorified Cossacks as the defender of the Ukrainian people and identified the Cossack freedom with the independence of Ukraine. In his poetical Works, a male Ukrainian is called simply a Cossack. In his epic *Haidamaky*, even the juvenile sons of Ivan Honta, who were for religious reason killed by their own father, are called “Cossacks.” (“So that dogs may not devour/The tiny Cossack bodies”, “He swept the silken cloth/Above the Cossack heads”, “Where Honta’s children lay/ The Cossack heads lay.”⁷⁸) While the Cossacks were considered cruel, uncivilized and destructive bandits in the historical and literary understanding of Polish people, Shevchenko enhanced the figure of Cossacks to the rank of types of heroes in Greek tragedy. He gave this warrior group the exceptional and central meaning not only in the national history but also in the emotional world of people’s memory.

It was however the task of Kostomarov, the historian, to define the political character and the historical role of the Cossacks theoretically. Till early 1846 he was not sure of his own national identity. He said that he was not a Ukrainian. During his lecture as professor at the Kiev University he even told his students that the nationhood of the Ukrainians is “insignificant (ничтожны)”. This assessment infuriated Kulish. The indignant novelist wrote a letter to Kostomarov and declared that the national character of the Ukrainians could be found in Bohdan Khmelnytsky’s speech to Cossacks. The Cossack hetman said to the Ukrainian people, “The fearful strength of the Cossacks came into being all around the world owing to the fact, that you had freedom and united spirit”⁷⁹

It is possible that such stimulations by friends or comrades contributed to Kostomarov’s transformation as a Ukrainian. He seems to have become thereafter more resolute in acknowledgement of his Ukrainian identity and proceeded to write even combatant works in defense of Ukrainian nationality.

Anyway Kostomarov was, in spite of such oscillations, also inclined to seek the national identity of Ukraine in the Cossack history and to distinguish the Ukrainians from the Poles and Great Russians by the fact that they were the nation of the Cossacks. It was clear already in his first magisterial dissertation, which was written before his personal identity as a Ukrainian was established. Different from the author of *Istoriia Rusov* by whom he was without doubt much influenced Kostomarov did not see in this dissertation the racial constitution of the Cossacks as

⁷⁸ Шевченко, “Гайдамаки”, *Повне зібрання творів. том 1*, pp. 108-109.

⁷⁹ “1846 р. вересня 11 - Лист П. О. Куліша з Петербурга до М. І. Костомарова про викладання студентам історії українського народу,” *Кирило — Мефодіївське Товариство, том 2*, pp. 264-265.

purely Slavic. He defined the Cossack group as half- European and half- Asian. So, this warrior group was mixed in blood and lived originally in the border region, somewhat apart from the native Ukrainians. Different from the settled Ukrainians, the Cossacks led a half-nomadic way of life. But they soon resumed the role of the defender of the Ukrainian people's faith and freedom.⁸⁰ The faith of the Ukrainian people meant here Orthodoxy. Cossacks defended the Orthodoxy against the offences of the Catholic Church and the forceful efforts of the Polish high Catholic prelates to convert the Ukrainian Orthodox into Uniates or Catholics.

For Kostomarov the quintessence of Cossack life was freedom and the Cossack was synonym with being free or freedom-loving. *The Book of the Genesis of the Ukrainian People* enhanced the freedom-loving spirit of the Cossacks to the maximum. According to it the Cossacks built a democratic system among themselves and elected their leader by themselves. Kostomarov set the Cossack freedom against the Polish aristocracy and the Great Russian tsardom: "And day after day the Cossack Host grew and multiplied and soon all people in Ukraine would have become Cossacks, i.e, free and equal, and there would have been neither a tsar nor a Polish lord over Ukraine..."(para.80).⁸¹ The fact that there was originally no serfdom among the Cossacks was also significant in contrast to the social structure of the Russian Empire which not only kept serfdom for itself but introduced it to Ukrainian land, too.

Many years later Kostomarov rather partially developed in *Two Russian nationalities* his dichotomy between the Russian principle of autocracy and communality versus the Ukrainian principle of liberty. "...The Southern Russians were able to form a voluntary association which was tied together only in so far as was absolutely necessary and which lasted as long as it did not disturb certain inalienable rights and personal freedom. The Great Russians tried to form a durable common body that would last forever and was permeated by a single spirit."⁸² This writing has nothing to do with the Brotherhood. But the basic idea of the difference between South and North Russian nations remained the same since the days of the Brotherhood.

What is then the place of religion in the Cossack history and the Ukrainian national identity? The intellectuals of the Brotherhood were not homogenous in their attitude toward religion. Some were deeply religious, others not necessarily so. Shevchenko was critical about the existing Christian church, but he was never anti-religious. His poem *Maria*, which shows his deep religiosity as basic attitude to life, belongs to works of the latest period of the poet's life. Readers find in his earlier

⁸⁰ Костомаров, "О причинах и характере унии в западной России", pp. 28-30.

⁸¹ "Закон божий(Книги буття українського народу), p. 257.

⁸² Костомаров, *Дві руські народности*, pp. 77-78.

works, too, many expressions of pious, religious feelings.

Kostomarov and Bilozersky were pious men, and they introduced some religious elements in the basic documents of the Brotherhood. *Book of Genesis of the Ukrainian People* is based on a Christian interpretation of the world and Ukrainian history and Bilozersky's explanation of the statute of the Brotherhood is also full of Christian feeling. Nonetheless, Brotherhood intellectuals did not want to build Ukrainian identity on the basis of a specific religion. They did not maintain that Orthodoxy was essential to Ukrainian identity. Though historically the defense of Orthodoxy was considered to be the main cause of the Cossacks revolution of 1648 and the resulting separation of Ukraine from Poland, it was meaningful only as fight against oppression and did not imply exclusion of other religions by the Ukrainians.

The Brotherhood preached rather religious tolerance within the faith of Christianity.⁸³ Shevchenko's historical poem *Haidamaky* is an appeal to all Christians to embrace each other in brotherhood. *Two Russian Nationalities* of Kostomarov was written almost half a decade later after the debacle of the Brotherhood. But in this work we can find the start point of the author in regard to the relation between religious identity and national entity. Kostomarov emphasized in this work religious open-mindedness of the Ukrainians.⁸⁴ The apparent enmity toward Catholics among Ukrainians was according to him not an expression of hostility against the Roman Catholic faith itself, but a reflection of only dim memory of historical oppression by the Polish Catholic church. He even insisted that Ukrainians are not hostile to non-Christians.

Though we read some antagonistic expressions against Muslims in poetical works of Shevchenko, Kostomarov saw it in other ways. He explained the often enmity between Ukrainians and Turks or Tatars not as result of religious confrontation but as mere conflict between neighbors who fight around economic or political benefit. Though Kostomarov mentioned the conception of future Slavic federation under one orthodox tsar and with one orthodox faith, it was only an isolated, one-time remark, not integrated into a systematic conception.

The intellectuals of the Brotherhood were men of the enlightenment, advocates of secular state. Contrary to the Muscovite Slavophiles' belief, the Eastern Orthodoxy never constituted the essential core of their historical philosophy. In general, the Brotherhood valued the socio-political principle and linguistic uniqueness more highly than religious matters like discrepancies in church organization or ritual.

Some additional words

⁸³ It should be noted though that their liberal attitude was not applicable to non-Christian religions.

⁸⁴ Костомаров, *Дві руські народности*, pp. 72-74.

Though there were influential Ukrainian intellectuals in the first half of the nineteenth century, the Brotherhood was the first and the only group of Ukrainian national intellectuals, who elaborated the concept of the identity and the future of the Ukrainian nations. The fact that its ideas were not in all aspects original is not important. More important is that young Ukrainian intellectuals were open to the modern trend of political thoughts and could absorb some very democratic, progressive elements of these ideas.

For some historians the Brotherhood was an object of interest in regard to its effect on the further fate of Pan-Slavism, and for others though it mattered rather in regard to its meaning in the development of Ukrainian national identity. In my opinion the importance of this organization for the Ukrainian nationalism is incomparably more important than their stance in the Pan-Slavism. It displayed the liberal non-Russian-centered Pan-Slavism, and a specialist maintains that its disclosure effected to the development of Slavic Studies (namely, based on Pan-Slavism) in the Russian Empire negatively whereas its impact on the Ukrainian nobility was ignorable.⁸⁵ When we see only the immediate result, it may be true. However the long-term consequences were just the reverse. The fate of Pan-Slavism was not dependent on the incident around this small organization. Pan-Slavism developed further and arrived at its acme during the reign of Emperor Aleksandr II, without any relation to the Brotherhood (no contribution, no hindrance). On the contrary, the development of national consciousness of the Ukrainian people was almost inconceivable without the works and practices of the Brotherhood intellectuals.

The Cyril and Methodius Brotherhood was a group of Intellectuals who consciously used the name Ukraine and acknowledged the existence of Ukrainian nation that has its territory in both Banks of the Dnepr River regardless of the difference in religious problem. They were people who wanted to unite the Ukrainian people by the Legacy of Cossack identity. These elements are present in the process of state-building of the independent Ukraine after the fall of the Soviet Union. Inclination toward the West is at least in psychological dimension to be ascertained. But how it would develop in reality, is not clear yet. The Pan-Slavist element is absent in contemporary Ukrainian national consciousness. The relationship with Russia should be regulated. Can the concept of familial solidarity of all Slavic peoples give a clue for making a more harmonious relationship of Ukraine with Russia? We should see further.

There is one more thing to notice. Though the Brotherhood intellectuals were generally

⁸⁵ Orest Pelech, "Toward a Historical Sociology of the Ukrainian Ideologues in the Russian Empire of the 1830's and 1840's," Unpublished Ph. D. dissertation (Princeton, 1976), pp. 243-245.

liberal and tolerant to the people of all nations in Western Europe and Slavic World, their attitude toward non-Christians were not very open-minded. People with Islamic faith or Jewish faith were not embraced wholeheartedly. Maybe it was not a matter of principle but rather a circumstance-conditioned specific element in their ideas. Nowadays Ukrainians must live not only with Russians, Poles and other Slavs, but also together with Crimean Tatars or Jews. Cossacks were transcendent over ethnic differences. There were strong Asian elements, too. Ukrainians should adopt Cossack identity not as an ethnic unit, but as a principle of life, which respected freedom, equality and democracy more highly than anything. National identity with tolerance – this would be the legacy of the Brotherhood to be preserved.